БОЛЬШЕВИК

№ 11

20 СЕНТЯБРЯ

1924

МОСКВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРАВДА“

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Главлит № 24997 Москва. Тираж 25000
Типо-литография „Искра Революции" (б. 7-я) Мосполиграф, Филипповск. п., 11.

О современном „экономизме".

Наша партия стала крупнейшей политической силой потому, что она никогда не была сектой. Преодолевая «стихийщину» и «хвостизм», сохраняя четкость революционной линии своего политического поведения, она ни на минуту не забывала, что революция есть явление массовое, что крупные успехи в революционной борьбе могут быть достигнуты только тогда, когда в движение приведены миллионы.

В этом свете особенно ярко выступает упорство партии в четвертьвековой борьбе за освобождение масс из-под оппортунистического влияния; историческая вереница схваток с меньшевиками и наиболее отсталыми закоснело-аполитичными группками рабочих — в профсоюзе, кооперативе, страхкассе, кассе взаимопомощи, на всякой конференции и на всяком с'езде, представляющем трудящиеся массы.

Партийное влияние обеспечивало превращение этих разнообразных массовых организаций в составные части единого мощного аппарата революционного движения; оно об'единяло эти разрозненные струйки революционного движения в мощный поток, сила которого служила историческим задачам борьбы пролетариата.

Еще более острой, кричащей необходимостью выступает роль партии, как руководителя всех массовых организаций в эпоху диктатуры пролетариата, в эпоху НЭП'а — в частности, и в особенности.

Борьба за социализм в эпоху НЭП'а передвинулась преимущественно в область экономической борьбы. В таких условиях партия сугубо обязана руководить всеми массовыми организациями, имеющими прямое или косвенное отношение к строительству экономического фундамента социализма.

Наличие товарно-капиталистических отношений и капиталистических форм хозяйствования в Советской России усложняет обстановку строительства и создает предпосылки для центробежных устремлений различных организаций рабочего класса. Партия должна координировать действие всех факторов социалистического строительства, ее задачей является преодоление ве-

домственных и цеховых уклонов и подчинение частичной работы различных массовых организаций классово-пролетарскому делу борьбы за коммунизм, ибо только партия представляет интересы пролетариата в целом и в развитии. Вот почему в свое время Р.К.П. осудила тот уклон внутри партии, который выразился в стремлении отодвинуть и ограничить систематическое, непрерывное, непосредственное руководство партии Советами; вот почему она осудила анархо-синдикалистский уклон, пытавшийся заменить твердое партийное руководство в хозяйственном строительстве бесформенным руководством ассоциации «производителей».

Партия — и только она — руководит строительством социализма и через Советы, и через кооперативы, и через профсоюзы.

В наши дни партийное внимание должно быть приковано к проблеме поднятия производительности труда так, как оно было приковано в эпоху военного коммунизма к организации отпора Колчаку и Деникину и к реализации продразверстки. Это — основная центральная задача переживаемого периода. Но эта проблема стоит в тесной связи с проблемой заработной платы. За годы НЭП'а последняя значительно выросла, перегоняя рост производительности труда.

«По данным Госплана, — гласит об этом постановление Пленума Ц.К. Р.К.П. от 19 августа,—в то время, как средняя валовая суточная выработка одного рабочего в 14 главнейших отраслях национализированной промышленности возросла с октября 1922 г. до января 1924 г. на 23,3%,—средний поденный заработок одного рабочего возрос за то же время на 90%.

Этот процесс более быстрого роста зарплаты был до сих пор неизбежен и в общем закономерен. Заработная плата должна была так расти, чтобы достигнуть уровня обеспечения первой необходимости рабочего; это было, кроме того, и необходимым условием возможности быстрого и решительного поднятия производительности труда в дальнейшем.

Однако, длительное состояние такого соотношения между ростом зарплаты и производительностью угрожает интересам промышленности и государства. Рост производительности труда должен обгонять рост зарплаты. Только при этом условии будет создана материальная база и будут накоплены средства и для обеспечения роста зарплаты и для расширения производства».

Вся партия должна осмыслить эту задачу, как партийную задачу. Эта задача не просто хозяйственников, не просто дело, касающееся профессионалистов,—это проблема, стоящая перед всею партией; проблема, разрешение которой требует усилий всего партийного коллектива с его сложным разделением труда.

В этой борьбе за поднятие производительности труда партия должна выправить ведомственно-цеховые перегибы палки.

Когда хозяйственники, желая ускорить процесс первоначального социалистического накопления, непомерно вздули цены на продукты промышленности, что влияло на дальнейшее раздвижение «ножниц»—партия осудила эту «колупаевщину» и «разуваевщину». Она взяла курс на выправление узко-ведомственной политики хозяйственников.

В наши дни — несомненную и наиболее острую опасность представляют «экономистские» настроения некоторых групп профсоюзных работников.

В течение нескольких лет рост заработной платы обгонял рост производительности труда. А теперь мы обязаны преодолеть инерцию, провести громадную политически-пропагандистскую работу, начать большую работу по рационализации производства, научной организации труда, ибо «рост производительности труда должен обгонять рост зарплаты».

Если «в отставших (по высоте заработной платы) отраслях промышленности» пленум Ц.К. считает «необходимым продолжать курс на дальнейшее повышение номинала заработная плата, с обязательным учетом хозяйственного состояния и возможностей данной отрасли промышленности», то «в выдвинувшихся по высоте заработной платы отраслях легкой индустрии» признается «необходимым (временно) приостановить дальнейшее повышение зарплаты».

Нельзя сказать, чтобы все профессионалисты серьезно продумали и достаточно энергично стали проводить в жизнь эти решения пленума Ц.К. нашей партии.

Несомненно, что в настроениях рабочих мы можем встретиться с мотивами противоположного характера. Эти мотивы имеют и некоторый об'ективный, благоприятствующий их развитию фон.

Во-первых, заработная плата во многих случаях еще не достигла довоенного уровня.

Во-вторых, рабочий видит увеличение потребления у капиталиста и мелкого буржуа, что психологически не может не обострить стремления рабочего к дальнейшему улучшению своего стандарта.

В-третьих, революция увеличила кругозор рабочего, подняла его культурный уровень, что, в свою очередь, влечет увеличение минимума необходимых средств существования.

На этом об'ективном фоне намечается тяга к дальнейшему безостановочному и не всегда считающемуся с «хозяйственным состоянием и возможностями» — росту заработной платы.

Политическая задача наших дней заключается как раз в том, чтобы найти верный, реальный путь к этому решительному улучшению материальных условий существования рабочего. Но на этом пути «рост производительности труда должен обгонять рост зарплаты». Другого пути не дано. Ибо не обеспечив реального фонда для увеличения зарплаты, мы ее увеличить—безопасно для диктатуры пролетариата — не можем.

Вот почему наличие в некоторых кругах профессионалистов «экономистских» настроений, с партийной точки зрения, является политической опасностью, ибо «стихийщина» здесь вытесняет «сознательность».

Мы назвали эти настроения «экономистскими», ибо в них зародышево и неоформленно таятся элементы той идеологии, которая два с лишним десятилетия тому назад питала оппортунистическое крыло социал-демократии, носившее название «экономистов».

В чем заключалась основная ошибка «экономистов»? Это лучше всего сформулировано тов. Лениным, в его брошюре «Что делать», направленной против экономистов.

«Кто обращает внимание, наблюдательность и сознание рабочего класса исключительно или хотя бы преимущественно на него же,—тот не социал-демократ, ибо самопознание рабочего класса неразрывно связано с полной отчетливостью не только теоретических... вернее даже сказать: не столько теоретических, сколько на опыте политической жизни выработанных представлений о взаимоотношениях всех классов современного общества».

«Экономисты» закрывали глаза на самодержавие, не свалив которого нельзя было расчитывать и на крупные успехи рабочего движения даже в области улучшения экономического положения рабочих; они уступали гегемонию в революционном движении буржуазии, которая не хотела революции; они проглядели крестьянство, которое являлось потенциально мощным союзником пролетариата в грядущей революции.

Да, экономисты «обращали внимание, наблюдательность и сознание рабочего класса исключительно... на него же», и не имели «на опыте политической жизни выработанных представлений о взаимоотношении всех классов современного общества».

Строительство социализма не протекает в утопическом обществе, состоящем из одного пролетариата. Борьба за социализм протекает в обществе, сцепленном политической властью пролетариата, сама необходимость которой об'ясняется наличием в этом обществе буржуазии и мелкой буржуазии.

Чтобы преодолеть буржуазное производство, необходимо побить его более высокой производительностью труда в социалистическом производстве.

Чтобы приобщить крестьянство к коммунизму, нельзя переходить граней, за которыми экономическая и политическая целесообразность превращается в свою противоположность.

Крестьянин требует твердой валюты, дешевого продукта и дешевого государства — все это упирается в проблему повышения производительности труда.

При разрешении этой проблемы вся партия должна иметь «на опыте политической жизни выработанные представления о взаимоотношении всех классов современного общества».

А эти представления обязывают нас бороться с тем комплексом настроений, который мы назвали современным «экономизмом».

И. Сталин.

К международному положению.

Я думаю, что для характеристики современного международного положения нет никакой необходимости учитывать все сколько-нибудь значительные факты, все без исключения особенности нынешней международной действительности. Для этого необходимо учесть лишь основные, решающие моменты современности. В настоящее время таких моментов имеется, по моему, три: а) наступление «эры» буржуазно-демократического «пацифизма», б) вмешательство Америки и лондонское соглашение Антанты о репарациях, в) усиление левых элементов в рабочем движении Европы и рост международного удельного веса Советского Союза.

Рассмотрим эти основные моменты.

I. Полоса буржуазно-демократического пацифизма.

Антанта оказалась бессильной справиться с результатами своих военных побед. Побить Германию и окружить Советский Союз удалось ей вполне. Составить план ограбления Европы ей также удалось. Об этом говорят бесчисленные конференции и договора государств Антанты. Но выполнить план ограбления она оказалась бессильной. Почему? Потому, что слишком велики противоречия между странами Антанты. Потому, что не удалось и не удастся им сговориться о дележе награбленного. Потому, что сопротивление стран, подлежащих ограблению, становится все более серьезным. Потому, что осуществление плана ограбления чревато военными столкновениями, а массы воевать не хотят. Теперь ясно для «всех», что лобовая империалистическая атака на Рур, рассчитанная на изничтожение Германии, оказалась опасной для самого же империализма. Ясно также и то, что откровенно империалистическая политика ультиматумов, рассчитанная на изоляцию Советского Союза, дает лишь обратные результаты. Создалась такая обстановка, что Пуанкаре и Керзон, служа империализму верой и правдой, обостряли тем не менее своей «работой» растущий кризис в Европе, вызывали отпор масс против империализма, толкали массы на революцию. Отсюда неизбежность перехода буржуазии

от политики лобовой атаки к политике компромиссов, от империализма открытого к империализму прикрытому, от Пуанкаре и Керзона к Макдональду и Эррио. Грабить мир без прикрытия, стало не безопасно. Рабочая партия в Англии и левый блок во Франции должны прикрыть наготу империализма. В этом источник «пацифизма» и «демократизма».

Иные думают, что буржуазия пришла к «пацифизму» и «демократизму» не от нужды, а по доброй воле, по свободному, так сказать, выбору. При этом предполагается, что буржуазия, разбив рабочий класс в решающих боях (Италия, Германия), почувствовала себя победительницей и теперь она может позволить себе «демократизм». Иначе говоря, пока шли решающие бои, буржуазия нуждалась в боевой организации, в фашизме, теперь же, когда пролетариат разбит, буржуазия не нуждается больше в фашизме и она может заменить его «демократизмом», как лучшим методом закрепления своей победы. Отсюда делается тот вывод, что власть буржуазии упрочилась, «эру пацифизма» нужно считать длительной, а революцию в Европе—отложенной в дальний ящик.

Это предположение совершенно неправильно.

Во-первых, неверно, что фашизм есть только боевая организация буржуазии. Фашизм не есть только военно-техническая категория. Фашизм есть боевая организация буржуазии, опирающаяся на активную поддержку социал-демократии. Социал-демократия есть об'ективно умеренное крыло фашизма. Нет основания предположить, что боевая организация буржуазии может добиться решающих успехов в боях или управлении страной без активной поддержки социал-демократии. Столь же мало оснований думать, что социал-демократия может добиться решающих успехов в боях или управлении страной без активной поддержки боевой организации буржуазии. Эти организации не отрицают, а дополняют друг друга. Это не антиподы, а близнецы. Фашизм есть неоформленный политический блок этих двух основных организаций, возникший в обстановке послевоенного кризиса империализма и рассчитанный на борьбу с пролетарской революцией. Буржуазия не может удержаться у власти без наличия такого блока. Поэтому было бы ошибочно думать, что «пацифизм» означает ликвидацию фашизма. «Пацифизм» в нынешней обстановке есть утверждение фашизма с выдвижением на первый план его умеренного, социал-демократического крыла.

Во-вторых, не верно, что решающие бои были уже, что пролетариат был разбит в этих боях, что буржуазная власть ввиду этого упрочилась. Решающих боев не было еще хотя бы потому, что не было массовых действительно большевистских партий, способных привести пролетариат к диктатуре. Без таких партий решающие бои за диктатуру в условиях империализма невозможны. Решающие бои на Западе еще предстоят. Были лишь первые

серьезные атаки, отбитые буржуазией, первая серьезная проба сил, показавшая, что пролетариат еще не в силах свергнуть буржуазию, а буржуазия уже не в силах сбросить со счетов пролетариат. И именно потому, что буржуазия уже не в силах поставить на колени рабочий класс, она оказалась вынужденной отказаться от лобовой атаки, пойти на обходные пути, пойти на компромиссы, прибегнуть к «демократическому пацифизму».

Наконец, не верно и то, что «пацифизм» является признаком силы, а не слабости буржуазии, что из «пацифизма» должно получиться упрочение власти буржуазии, отсрочка революции на неопределенный срок. Современный пацифизм означает приход к власти, прямой или косвенный, партий II Интернационала. Но что значит приход к власти партий II Интернационала? Это значит неизбежное их саморазоблачение, как лакеев империализма, как изменников пролетариата, ибо правительственная практика этих партий может привести лишь к одному результату: к их политическому банкротству, к росту противоречий внутри этих партий, к их разложению, распаду. Но разложение этих партий ведет к неминуемому разложению власти буржуазии, ибо партии II Интернационала являются опорой империализма. Могла ли пойти буржуазия на этот рискованный опыт с пацифизмом без особой нужды, по доброй воле? Конечно, нет! За период, после империалистической войны буржуазия второй раз проделывает опыт с пацифизмом: первый раз—непосредственно после войны, когда революция, казалось, стучалась в двери, и второй раз—в настоящее время, после рискованных опытов Пуанкаре и Керзона. Кто решится отрицать, что это метание буржуазии от пацифизма к оголтелому империализму и обратно не может пройти даром для империализма, что оно вышибает из обычной обывательской колеи миллионные массы рабочих, что оно втягивает в политику самые отсталые слои пролетариата, что оно облегчает их революционизирование? Конечно, «демократический пацифизм» не есть еще керенщина, ибо керенщина предполагает двоевластие, развал буржуазной власти и зарождение основ власти пролетарской. Но что пацифизм означает величайшую раскачку народных масс, их втягивание в политику, что пацифизм расшатывает буржуазную власть и подготовляет почву для революционных встрясок,—в этом едва ли можно сомневаться. И именно поэтому пацифизм должен привести не к упрочению, а к ослаблению буржуазной власти, не к отсрочке революции на неопределенный срок, а к ее ускорению.

Из этого, конечно, не следует, что пацифизм не представляет серьезной опасности для революции. Пацифизм ведет к подрыву основ буржуазной власти, он подготавливает условия, благоприятные для революции. Но пацифизм может привести к таким результатам лишь против воли самих «пацифистов» и «демократов», лишь при бешеной разоблачательской работе коммунистических партий на счет империалистической и контр-революционной природы пацифистско-демократической власти Эррио-Макдональда. Что же касается воли самих пацифистов и демократов, что касается политики самих империалистов, то они, идя на пацифизм, преследуют лишь одну цель: обмануть массы звонкими фразами о мире для того, чтобы подготовить новую войну, ослепить их блеском «демократизма» для того, чтобы утвердить диктатуру буржуазии, усыпить массы шумихой о «суверенных» правах наций и государств для того, чтобы тем успешнее подготовить интервенцию в Китае, резню в Афганистане и в Судане, расчленение в Персии, околпачить их широковещательной болтовней о «дружеских» отношениях с Советским Союзом, о тех или иных «договорах» с Советской властью, для того, чтобы тем теснее связаться с вышибленными из России контр-революционными заговорщиками на предмет бандитских выступлений в Белоруссии, на Украине, в Грузии. Пацифизм нужен буржуазии для маскировки. В этой маскировке—главная опасность пацифизма. Добьется ли буржуазия своей цели обмана народа—это зависит от энергии разоблачательской работы компартий Запада и Востока, от их умения срывать маску с империалистов в пацифистском облачении. Несомненно, что события и практика будут работать в этом отношении на коммунистов, вбивая клин между пацифистскими словами и империалистскими делами демократических прислужников капитала. Долг коммунистов—не отставать от событий и безжалостно разоблачать каждый шаг, каждый акт прислужничества империализму и измены пролетариату со стороны партий II Интернационала.

2. Вмешательство Америки в дела Европы и Лондонское соглашение Антанты о репарациях.

Лондонская конференция Антанты является наиболее полным выражением лживого, фальшивого буржуазно-демократического пацифизма. Если приход к власти Макдональда-Эррио и шумиха об «установлении нормальных отношений» с Советским Союзом должны были прикрыть и замаскировать ожесточенную борьбу классов в Европе и смертельную вражду буржуазных государств к Советскому Союзу, то соглашение Антанты в Лондоне должно прикрыть и замаскировать отчаянную борьбу Англии и Франции за гегемонию в Европе, возрастающее противоречие между Англией и Америкой в борьбе за господство на мировом рынке, нечеловеческую борьбу германского народа против колониального гнета Антанты. Нет больше войны между классами, конец революции, теперь можно будет кончить дело сотрудничеством классов,—вопят Макдональды и Ренодели. Нет больше борьбы между Францией и Англией, между Америкой и Англией, между Герма-

нией и Антантой, конец войне, теперь можно будет кончить дело всеобщим миром во главе с Америкой,—вторят им друзья по лондонскому соглашению и братья по измене делу рабочего класса, социал-демократические герои пацифизма.

Что же, однако, произошло на лондонской конференции Антанты?

До лондонской конференции репарационный вопрос решался Францией самостоятельно, более или менее независимо от «союзников», ибо Франция имела в репарационной комиссии обеспеченное большинство. Оккупация Рура служила средством хозяйственной дезорганизации Германии и гарантией того, что Франция получит от Германии репарационные платежи, уголь и кокс для французской металлургии, химические полуфабрикаты и краски для французской химической промышленности и беспошлинный ввоз эльзасских текстильных фабрикатов в Германию. План был рассчитан на создание материальной базы для военной и экономической гегемонии Франции в Европе. Но план этот, как известно, не удался. Метод оккупации привел лишь к обратным результатам. Ни платежей, ни поставок натурой в сколько-нибудь удовлетворительных размерах Франция не получила. Наконец, сам автор оккупации, Пуанкаре, оказался выброшенным за борт за его откровенно империалистическую политику, чреватую новой войной и революцией. Что касается гегемонии Франции в Европе, то она оказалась неудавшейся не только потому, что метод оккупации и откровенного грабежа исключал возможность хозяйственной смычки между французской и германской промышленностью, но и потому, что Англия была решительно против такой смычки, ибо Англия не могла не знать, что соединение германского угля с французским металлом, не может не подорвать английскую металлургию.

Что же дала взамен всего этого лондонская конференция Антанты?

Во-первых, конференция отвергла путь самостоятельного решения вопросов репарации со стороны Франции, признав, что конфликтные вопросы должны решаться в последнем счете арбитражной комиссией из представителей Антанты во главе с представителями Америки. Иначе говоря: если грабить Германию, так грабить сообща.

Во-вторых, конференция отвергла оккупацию Рура и признала необходимость эвакуации, хозяйственной (немедленно) и военной (через год или раньше). Мотивы: оккупация Рура на данной стадии опасна с точки зрения политического состояния Европы и неудобна с точки зрения организованного и систематического грабежа Германии. А что Антанта собирается грабить Германию основательно и систематически,—в этом едва ли может быть какое-либо сомнение.

В-третьих, отвергнув интервенцию военную, конференция вполне одобрила интервенцию финансово-хозяйственную, признав: а) необходимость создания эмиссионного банка в Германии, подконтрольного специальному иностранному комиссару; б) переход в частные руки государственных железных дорог, управляемых под контролем специального иностранного комиссара; в) создание так называемого «переводного комитета» из представителей союзников, сосредоточивающего в своих руках все репарационные платежи в германской валюте, финансирующего германские поставки натурой из платежных сумм, могущего вкладывать некоторые суммы репарационных платежей (в случае нецелесообразности их перевода во Францию) в германскую промышленность, и имеющего, таким образом, полную возможность держать в своих руках денежный рынок Германии. Едва ли нужно доказывать, что это есть превращение Германии в колонию Антанты.

В-четвертых, конференция признала за Францией право принудительного получения от Германии угля и химических продуктов в продолжении известного периода времени, но она тут же оговорилась, что за Германией остается право обращаться в арбитражную комиссию с требованием сокращения количества или даже прекращения этих принудительных платежей натурой. Тем самым она свела права Франции к нулю или почти к нулю.

Если ко всему этому добавить заем Германии в 800 миллионов марок, покрываемый английскими и, главным образом, американскими банкирами, если принять далее во внимание, что на конференции командовали банкиры, прежде всего, американские банкиры, то картина получится законченная: от французской гегемонии остались рожки, да ножки, вместо гегемонии Франции получилась гегемония Америки.

Таковы итоги лондонской конференции Антанты.

Иные думают на этом основании, что отныне противоречия интересов внутри Европы должны поблекнуть перед лицом гегемонии Америки; что Америка, заинтересованная в вывозе капитала в Европу, сумеет посадить европейские страны на паек и заставит их сидеть смирно, во славу обогащения своих банкиров; что мир в Европе, правда, принудительный, можно считать в виду этого более или менее обеспеченным, на более или менее продолжительный период.

Это предположение совершенно неправильно.

Во-первых, конференция решала вопрос о Германии без хозяина, без германского народа. Можно, конечно, «планировать» превращение Германии в завзятую колонию. Но пытаться превратить на деле в колонию такую страну, как Германия, теперь, когда даже отсталые колонии с трудом приходится удерживать в повиновении,—это значит заложить мину под Европу.

Во-вторых, конференция несколько отодвинула назад слишком выдвинувшуюся вперед Францию, ввиду чего естественно получился фактический перевес Англии в Европе. Но думать, что Франция может помириться с перевесом Англии,—значит не считаться с фактами, не считаться с логикой вещей, которая обычно оказывается сильнее всякой иной логики.

В-третьих, конференция признала гегемонию Америки. Но американский капитал заинтересован в финансировании франко-германской промышленности, в наиболее рациональном ее использовании, например, в духе комбинации французской металлургии с германской угольной промышленностью. Едва ли можно сомневаться в том, что американский капитал использует свои преимущества в этом именно, наиболее выгодном для него, направлении. Но думать, что Англия помирится с таким положением,—значит не знать Англии, не знать того, до чего дорожит Англия интересами своей металлургической промышленности.

Наконец, Европа не есть изолированная страна, она связана со своими колониями, она живет соками этих колоний. Думать, что конференция может что-либо изменить к «лучшему» в отношениях между Европой и колониями, что она может задержать или замедлить развитие противоречий между ними,—значит верить в чудеса.

Какой же из этого вывод?

Вывод один: конференция в Лондоне не разрешила ни одного из старых противоречий в Европе, но зато она дополнила их новыми противоречиями, противоречиями между Америкой и Англией. Несомненно, что Англия по старому будет углублять антагонизм между Францией и Германией для того, чтобы обеспечить свое политическое преобладание на континенте. Несомненно, что Америка, в свою очередь, будет углублять антагонизм между Англией и Францией для того, чтобы обеспечить свою гегемонию на мировом рынке. Мы уже не говорим о глубочайшем антагонизме между Германией и Антантой. Мировые события будут определяться этими антагонизмами, а не «пацифистскими» речами висельника Юза и велеречивого Эррио. Закон о неравномерном развитии империалистических стран и неизбежности империалистических войн—остается теперь в силе больше, чем когда бы то ни было. Лондонская конференция лишь маскирует эти антагонизмы для того, чтобы заложить новые предпосылки для их небывалого обострения.

3. Усиление революционных элементов в рабочем движении Европы. Рост международной популярности Советского Союза.

Одним из вернейших признаков неустойчивости «пацифистско-демократического режима», одним из несомненнейших признаков того, что сам этот «режим» является пеной на поверхности

от глубочайших революционных процессов, происходящих в недрах рабочего класса,—нужно считать решительную победу революционного крыла в компартиях Германии, Франции, России, рост активности левого крыла в английском рабочем движении и, наконец, рост популярности Советского Союза среди трудящихся масс Запада и Востока.

Компартии на Западе развиваются в своеобразных условиях. Во-первых, они неоднородны по составу, ибо они образовались из бывших социал-демократов, прошедших старую школу, и из молодых членов партии, не имеющих еще достаточного революционного закала. Во-вторых, кадры там не чисто большевистские, ибо на ответственных постах стоят выходцы из других партий, не успевшие еще порвать окончательно с социал-демократическими пережитками. В-третьих, они имеют перед собой такого опытного противника, как прошедшая огонь и медные трубы социал-демократия, все еще представляющая огромную политическую силу в рядах рабочего класса. Наконец, они имеют против себя такого могучего врага, как европейская буржуазия с ее испытанным государственным аппаратом, с ее всесильной прессой. Думать, что такие компартии способны опрокинуть «с сегодня на завтра» европейский буржуазный строй,—значит жестоко заблуждаться. Поэтому очередная задача состоит в том, чтобы сделать компартии Запада действительно большевистскими, выковать в них настоящие революционные кадры, способные перестроить всю партийную практику в духе революционного воспитания масс, в духе подготовки революции.

Так обстояло дело с компартиями Запада еще в недавнем прошлом. Но в последнее полугодие дело начинает меняться решительно к лучшему. Последнее полугодие замечательно в том отношении, что оно дает коренной перелом в жизни компартий Запада в смысле решительной ликвидации социал-демократических пережитков, в смысле большевизации партийных кадров, в смысле изоляции оппортунистических элементов. Какую опасность могут представить для революции социал-демократические пережитки в компартиях,—это с очевидностью вскрылось в печальном опыте с Саксонским рабочим правительством, когда оппортунистические лидеры попытались превратить идею единого фронта, как средство революционной мобилизации и организации масс, в метод социал-демократических парламентских комбинаций. Это был поворотный пункт, открывший глаза партийным массам и поднявший их против оппортунистических вождей. Вторым вопросом, подорвавшим авторитет правых лидеров и выдвинувшим на сцену новых, революционных вождей, нужно считать так называемый «русский» вопрос, т.-е. дискуссию в РКП. Известно, что группа Брандлера в Германии, и группа Суварина, во Франции, решительно поддер-

жали оппортунистическую оппозицию в РКП против основных кадров РКП, против ее революционного большинства. Это был вызов революционным рабочим массам Запада, определенно сочувствующим советской власти и ее руководителю — РКП. Это был вызов партийным массам и революционному крылу компартий Запада. Не удивительно, что вызов этот кончился полным разгромом группы Брандлера и Суварина. Не удивительно, что дело это нашло свой отклик во всех остальных компартиях Запада. Если к этому добавить факт полной изоляции оппортунистического течения в РКП, то картина получится законченная. V-й Конгресс Коминтерна лишь закрепил победу революционного крыла в основных секциях Коминтерна.

Несомненно, что ошибки оппортунистических вождей сыграли ближайшую роль в деле ускорения большевизации компартий Запада. Но столь же, несомненно и то, что тут действовали и другие, более глубокие причины: успешное наступление капитала за последние годы, ухудшение жизненных условий рабочего класса, наличие громадной армии безработных, состояние общей экономической неустойчивости капитализма, наростание революционного возмущения среди широких рабочих масс. Рабочие идут к революции и они хотят иметь революционных вождей.

Итог. Процесс окончательного оформления действительно большевистских партий на Западе, представляющих опору грядущей революции в Европе,—начался. Таков итог последнего полугодия.

Еще более тяжелы и своеобразны условия развития профессиональных союзов на Западе. Во-первых, они узки по своей «испытанной» цеховой практике и враждебны социализму, ибо, возникши раньше социалистических партий и развившись без их помощи, они привыкли кичиться своей «независимостью», цеховые интересы ставят выше классовых интересов и ничего, кроме «копейки на рубль», признавать не хотят. Во-вторых, они консервативны по духу и враждебны ко всяким революционным начинаниям, ибо они имеют во главе старую, продажную, подкармливаемую буржуазией профсоюзную бюрократию, всегда готовую отдать профсоюзы в услужение империализму. Наконец, они, эти профсоюзы, будучи об'единены вокруг Амстердамских реформистов, представляют ту самую многомиллионную армию реформизма, на которую опирается современный капиталистический строй. Конечно, кроме Амстердамских реакционных союзов существуют еще союзы революционные, примыкающие к Профинтерну. Но, во-первых, значительная часть революционных союзов, не желая учинять раскол в профдвижении, остается в составе Амстердамского об'единения, подчиняясь дисциплине последнего, во-вторых, в решающих странах Европы (Англия, Франция, Германия), амстердамцы все еще представляют большинство рабочих. Не следует забывать, что Амстердам об'единяет не менее четырнадцати миллионов профессионально организованных рабочих. Думать о том, что можно будет добиться в Европе диктатуры пролетариата против воли этих миллионов рабочих, — значит жестоко заблуждаться, сойти с почвы ленинизма, обречь себя на неминуемое поражение. Поэтому задача состоит в том, чтобы завоевать эти миллионные массы на сторону революции и коммунизма, освободить их из-под влияния реакционной профсоюзной бюрократии, или, по крайней мере, добиться того, чтобы они заняли в отношении коммунизма позицию благожелательного нейтралитета.

Так обстояло дело до последнего времени. Но в последние годы картина начинает меняться к лучшему. Родиной замкнутых и реакционных профсоюзов является Англия, бывшая некогда промышленно-капиталистическим гегемоном на мировом рынке. Падение этой монополии связывается с развитием финансового капитализма, характеризующегося борьбой ряда крупнейших стран за колониальную монополию. Империалистическая фаза капитализма несет с собой расширение территории для узких реакционных профсоюзов, но она же суживает материальную базу их, ибо империалистская сверхприбыль является об'ектом борьбы ряда стран, а колонии все менее склонны оставаться в роли колоний. Не следует также забывать, что война значительно подорвала производство Европы. Известно, что общая сумма производства Европы составляет ныне не более 70% довоенного производства. Отсюда сокращение производства и успешное наступление капитала на рабочий класс. Отсюда сокращение заработной платы, фактическая отмена 8-часового рабочего дня и ряд неудачных забастовок обороны, лишний раз демонстрировавших измену профсоюзной бюрократии рабочему классу. Отсюда колоссальная безработица и рост недовольства рабочих реакционными профсоюзами. Отсюда идея единого фронта в области экономической борьбы рабочего класса и план об'единения двух профсоюзных Интернационалов в единый Интернационал, способный организовать отпор капиталу. Речи реформистов на венском конгрессе Амстердамского Интернационала (июнь 1924 г.), о переговорах с «русскими» союзами и призыв английских профсоюзов на конгрессе трэд-юнионистов (начало сентября 1924 г.), к единству профессиональных союзов являются лишь отражением растущего напора масс на реакционную профсоюзную бюрократию. Самым замечательным во всем этом нужно считать тот факт, что именно английские союзы, являющиеся гнездом консерватизма и основным ядром Амстердама, берут на себя почин в деле об'единения реакционных и революционных профсоюзов. Появление левых элемен-

тов в английском рабочем движении — это вернейший показатель, говорящий о том, что «у них там», в Амстердаме, не все благополучно.

Иные думают, что кампания об об'единении союзов необходима именно теперь потому, что в Амстердаме появились левые элементы, которых, безусловно, нужно поддержать всеми силами, всеми средствами. Это неверно, или — точнее — это верно лишь отчасти. Дело в том, что компартии на Западе становятся массовыми организациями, они превращаются в настоящие большевистские партии, они растут и идут к власти вместе с ростом недовольства широких рабочих масс, что дело, стало быть, идет к пролетарской революции, но свергнуть буржуазию нельзя, не лишив ее опоры в лице реакционного Амстердама, завоевать диктатуру нельзя, не завоевав эту буржуазную цитадель в Амстердаме на сторону революции. Но сделать это односторонней работой извне нельзя. Добиться этой цели в данный момент можно будет лишь комбинированной работой изнутри и извне по линии обеспечения единства профдвижения. Вот почему вопрос об об'единении союзов и вхождении в международные производственные об'единения становится вопросом животрепещущим. Поддержать и толкать вперед левых, конечно, следует. Но действительная поддержка левых может получиться лишь в том случае, если знамя революционных союзов не будет свернуто, если реакционных лидеров Амстердама будут бичевать за их измену и раскольничество, если левых лидеров будут критиковать за их половинчатость и нерешительность в борьбе с реакционными лидерами. Только такая политика может подготовить действительное об'единение профсоюзов. В противном случае, может получиться такая же картина, какая получилась в октябре прошлого года в Германии, когда левая группа Леви была с успехом использована реакционной правой социал-демократией для окружения германских революционных рабочих.

Наконец, о росте популярности Советского Союза среди народов буржуазных государств. Может быть, самым верным показателем неустойчивости «пацифистско-демократического режима» следует считать тот несомненный факт, что влияние и авторитет Советского Союза среди трудящихся масс Запада и Востока не только не ослабевает, а, наоборот, растет из года в год, из месяца в месяц. Речь идет не о том, что Советский Союз получает «признание» в ряде буржуазных государств. Само по себе это «признание» не представляет еще чего-либо особенного, ибо оно диктуется, во-первых, потребностями капиталистической конкуренции буржуазных стран, стремящихся занять «свое место» на рынке Советского Союза, во-вторых,—«программой» пацифизма, требующего установления «нормальных отношений» с Советской страной, под-

писания хотя бы какого-нибудь «договора» с Советским Союзом. Речь идет о том, что нынешние «демократы» и «пацифисты» побили своих буржуазных конкурентов на парламентских выборах, благодаря платформе «признания Советского Союза, что Макдональды и Эррио пришли к власти и могут остаться у власти благодаря, между прочим, тому, что они блудят языком о «дружбе с Россией», что авторитет этих «демократов» и «пацифистов» является отраженным светом от авторитета Советской власти среди народных масс. Характерно, что даже такой всем известный «демократ», как Муссолини, считает нужным щегольнуть нередко перед рабочими своей «дружбой» с Советской властью. Не менее характерно, что даже такие, всем известные, хапатели чужого добра, как нынешние правители Японии, не хотят обходиться без «дружбы» с Советским Союзом. Мы уже не говорим о колоссальном авторитете Советской власти среди народных масс Турции, Персии, Китая, Индии.

Чем об'яснить этот небывалый авторитет и эту необычную популярность в народных массах чужих государств такой диктаторской и революционной власти, как власть Советская?

Во-первых, ненавистью рабочего класса к капитализму и его стремлением освободиться от него. Рабочие буржуазных государств сочувствуют Советской власти, прежде всего, как власти, свергшей капитализм. Представитель железнодорожников Англии, небезызвестный Бромлей, недавно сказал на конгрессе трэд-юнионистов: «капиталисты знают, что глаза рабочих всего мира устремлены на Россию и что, если русская революция победит, то сознательные рабочие других стран спросят себя,—почему мы так же не можем уничтожить капитализм?». Бромлей, конечно, не большевик. Но то, что он сказал, — это есть выражение чаяний и дум рабочих Европы. Ибо, почему бы, в самом деле, не сбросить европейский капитализм, если «русские» вот уже седьмой год, с пользой для дела, обходятся без капиталистов? Вот где источник громадной популярности Советской власти среди широких масс рабочего класса. Поэтому рост международной популярности Советского Союза означает рост ненависти рабочего класса всех стран к капитализму.

Во-вторых—ненавистью народных масс к войне и их стремлением разбить военные начинания буржуазии. Народные массы знают, что Советская власть первая открыла атаку против империалистской войны и, открыв атаку, подорвала войну. Народные массы видят, что Советский Союз является единственной страной, ведущей борьбу против новой войны. Они сочувствуют Советской власти потому, что она является знаменосцем мира между народами и верным оплотом против войны. Поэтому рост международной популярности Советской власти говорит о росте ненависти народных масс всего мира к империалистской войне и ее организаторам.

В-третьих, ненавистью угнетенных масс зависимых стран и колоний к игу империализма, их стремлением разбить его. Советская власть является единственной властью, разбившей цепи «отечественного» империализма. Советский Союз является единственной страной, строющей свою жизнь на началах равенства и сотрудничества наций. Советское Правительство является единственным в мире правительством, отстаивающим до конца единство и независимость, свободу и суверенность Турции и Персии, Афганистана и Китая, колониальных и зависимых стран всего мира. Угнетенные массы сочувствуют Советскому Союзу потому, что они видят в нем союзника в деле освобождения от империализма. Поэтому рост международной популярности Советской власти означает рост ненависти угнетенных народов всего мира к империализму.

Таковы факты.

Едва ли можно сомневаться, что эти т р и н е н а в и с т и не послужат к укреплению «пацифистско-демократического режима» современного империализма.

На-днях министр иностранных дел Америки, «пацифист» и колчаковец Юз, издал черносотенную декларацию против Советского Союза. Несомненно, что лавры Пуанкаре не дают спать Юзу. Но едва ли можно сомневаться в том, что черносотенно-пацифистская декларация Юза послужит лишь к дальнейшему усилению влияния и авторитета Советского Союза среди трудящихся масс всего мира.

Таковы основные моменты, характеризующие нынешнее международное положение.

Э. Квиринг.

Об ошибке тов. Преображенского.

О Ленине и ленинизме за последние полгода написаны горы книжек, из которых только немногие являются результатом серьезной и углубленной работы авторов над изучением Ленина. Большинство этих произведений поверхностны, написаны наспех, почему не мало грешат и в отношении исторической точности и в отношении точности даваемых определений.

Нужно полагать, что здоровая критика поможет исправить целый ряд невольных ошибок авторов и в ближайшее время на книжном рынке останется лишь наиболее ценное из громадного количества литературы о Ленине и ленинизме.

Но есть ошибки и ошибки.

Одно дело ошибки невольные — от недостаточного знания вопроса или невнимательности—а другое дело ошибки, которые приводят к «особой» оценке ленинизма, которые подготовляют почву к ревизии ленинизма.

По таким ошибкам надо бить со всей силой, чтобы убить ревизионизм в самом зародыше.

Мы полагаем, что ряд таких ошибок допустил тов. Преображенский в своих статьях о Ленине, а то обстоятельство, что эти ошибки проходят через несколько его статей, показывает, что они не случайны и что перед нами попытка построения законченной системы взглядов на ленинизм.

Речь идет, прежде всего, об определении самого понятия— л е н и н и з м и о некоторых частных, но весьма существенных вопросах.

Что такое л е н и н и з м?

Слово ленинизм вошло в массовый обиход только за последние годы и потому его определение еще недостаточно общепризнано. Совершенно прав тов. Преображенский (см. о том же Бухарина, Сталина и др.), что ленинизм нельзя противопоставлять марксизму, или отрывать от марксизма, как самостоятельное учение.

Ленин — один из лучших марксистов. Марксизм лежит в основе всех его работ.

Но Ленин жил в другую эпоху, чем Маркс,—в эпоху развернутого империализма, создающего условия для прямых боев за социализм; соответственно этому Ленин пополнил марксизм и развил его.

Тов. Сталин дает следующее определение ленинизма:

«Ленинизм есть марксизм эпохи империализма и пролетарской революции. Точнее: ленинизм есть теория и тактика проле-

тарской революции вообще, теория и тактика диктатуры пролетариата в особенности. Маркс и Энгельс подвизались в период предреволюционный (мы имеем в виду пролетарскую революцию), когда не было еще развитого империализма, в период подготовки пролетариев к революции, в тот период, когда пролетарская революция не являлась еще прямой практической неизбежностью. Ленин же, ученик Маркса и Энгельса, подвизался в период развитого империализма, в период развертывающейся пролетарской революции, когда пролетарская революция уже победила в одной стране, разбила буржуазную демократию и открыла эру пролетарской демократии—эру советов.

Вот почему ленинизм является дальнейшим развитием марксизма.

Мы полагаем, что это наиболее правильное, законченное и стройное определение, которое до сих пор было дано ленинизму.

Действительно, что характерно для Ленина, для всего большевизма? Что отличало его, начиная с 1903 года от российской, а позже и от международной социал-демократии? Именно то, что краеугольным камнем большевизма была «теория и тактика пролетарской революции вообще и диктатуры пролетариата в частности».

Все бои большевизма с меньшевизмом коренятся именно в разном подходе к задачам пролетарской революции и все характерно большевистское, что внес В. И. Ленин и теорию и практику революционного движения — и является ленинизмом.

Таким образом мы имеем полное право поставить знак равенства между понятиями большевизм и ленинизм.

Ленинизм — это теория большевизма, как громадного массового движения.

Посмотрим теперь как определяет ленинизм Преображенский:

«Ленинизм — это есть марксизм эпохи пролетарской революции и органического строительства социализма». Чем это определение отличается от определения т. Сталина? Внешне очень немногим: тов. Преображенский перед словами «эпохи пролетарских революций» пропустил слова «эпохи империализма», и этот пропуск не случаен.

Чтобы понять т. Преображенского приводим несколько пояснительных цитат из его статьи «Марксизм и ленинизм»:

«Естественно поэтому, что тогда, когда в мировом рабочем движении началась новая полоса, когда мировая война всколыхнула до основания и потрясла все здание капитализма, вместе с процессом революционизирования рабочего класса, разочарованного в войне, должен был возродиться старый подлинный марксизм».

«Это второе издание марксизма должно было полностью использовать все то революционное наследство, которое оставили Маркс и Энгельс; оно могло стать тем, чем оно есть, исходя не только из буквы учения Маркса и Энгельса, а прежде всего из революционного духа всего учения, из марксистского метода, примененного к новой эпохе. Гениальным представителем этого нового издания марксизма был тов. Ленин».

Значит, ленинизм, по Преображенскому, рожден «мировой войной», которая потребовала второе издание марксизма. Более категорически об этом говорит тов. Преображенский несколько дальше:

«В большевизме или ленинизме мы должны строго различать два периода — период, примерно, до мировой войны, и период с начала мировой войны. До мировой войны тов. Ленин хотя и стоял на точке зрения настоящего, неискаженного революционного марксизма, но не считал еще социал-демократов агентурой капитала в рядах пролетариата».

«Если бы, к нашему несчастью, т. Ленин закончил бы существование до развертывания мировой войны, никому из нас в голову не пришло бы говорить о ленинизме, как о каком-то особом издании марксизма, каким он являлся впоследствии».

«То, что делает наш революционный марксизм ленинизмом, за исключением организационного и отчасти аграрного вопросов, мы должны искать не в первой революции, а примерно с 1914 г., даты, с которой началась новая эпоха в рабочем движении».

Положения тов. Преображенского яснее ясного: ленинизм начинается с мировой войны; Ленин наиболее гениальный представитель этого нового издания марксизма.

До 14 г., дескать, никакого ленинизма не было, разве за исключением организационного и аграрного вопросов.

Итак, Преображенский разрывает большевизм на две части, два периода: до 1914 г. и после 14 г.

На этом изыскания т. Преображенского не заканчиваются. В другой книжке «В. И. Ленин» о тех же двух периодах в развитии гения Ленина он говорит:

«В развитии гения Ленина надо, мне кажется, строго различать два периода. Первый период — до мировой войны 1914 г., и второй период — до его кончины. В первый период дело шло в общем и целом о буржуазно-демократической революции, и талант Ленина мы должны исследовать под углом зрения того, насколько верно он наметил путь и основы междуклассовой (?!) тактики для пролетариата, вынужденного исторически довести до конца буржуазно-демократический переворот, не только преодолевая сопротивление помещиков и самодержавия, но и проводя его последовательно до конца против воли самой буржуазии и отчасти, даже самой буржуазной демократии».

«Во второй период дело шло о переходе буржуазно-демократической революции в социалистическую в обстановке мировой войны и о первых шагах по пути строительства социализма в крестьянской стране».

Дальше тов. Преображенский договаривается до такого перла: «Это вторая стадия развития ленинского гения. Этот второй период отнюдь не вытекал логически из первого».

Последнее утверждение тов. Преображенского является его центральной ошибкой.

По тов. Преображенскому выходит, что между Лениным до 14 г. и Лениным после 14 г. «нет логической связи»; что Ленин после 14 г. не связан всеми корнями с Лениным до 14 г.

Это значит, что большевизм - ленинизм в 14 г. делает крутой скачек, отрывается от своих старых корней, находит новую почву и начинает новую жизнь, логически не связанную со всеми корнями старого большевизма.

Ничего, мол, в старой большевистской гвардии не было принципиально отличного от бывших европейских ортодоксов типа Каутского.

Настоящий ленинизм и настоящие ленинцы выявились лишь в 14 году. Невольно возникает вопрос, не для того ли нужно такое разделение большевизма с превращением Ленина в одного из «гениальных представителей» марксизма второго издания, чтобы облегчить включение в ряды ленинцев бывших противников большевизма, занявших, начиная с 14 г., близкую к Ленину позицию?

Какой фракционный туман должен застилать глаза автору, чтобы надумать такой способ низведения всего старо-большевистского. Историю подлинного ленинизма по Преображенскому надо начинать с 14 года.

Мы видим, что из внешне-незначительной ошибки тов. Преображенского в определении ленинизма вытекают очень серьезные последствия, которые приводят тов. Прображенского к ревизии ленинизма.

Разница заключается в том, что эпоха социалистических революций начинается с мировой войны, а эпоха империализма значительно раньше. Из непонимания этой разницы вытекает ошибка т. Преображенского насчет ленинизма 14 г. и потому у него все получается неожиданно—вдруг. Разразилась в 14 году мировая война и подай ему соответствующее новое издание марксизма.

А где же подготовительный период, откуда взялась подготовленная почва? Разве мирвая война разразилась неожиданно, разве не было ясно, что она надвигается с совершенной неизбежностью? Разве действительные социалисты не готовились к ней? Разве система империализма была вскрыта только мировой войной? Разве империализм до войны не оказывал влияния на рабочее движение?

Тов. Сталин говорит: «Ленинизм вырос и оформился в условиях империализма, когда противоречия капитализма дошли до крайней точки, когда пролетарская революция стала вопросом непосредственной практики, когда старый период подготовки рабочего класса к революции уперся и перерос в новый период прямого штурма капитализма».

Тов. Преображенский проходит мимо этого подготовительного периода — поэтому он не понимает или не хочет понять, что вся история большевизма с 1903 до 1914 г. есть не что иное, как «история роста и оформления ленинизма в условиях империализма» и что из этого периода прямо вытекает ленинизм 14 года, ленинизм эпохи пролетарских революций.

Именно в период до 14 года заложены основы большевистской крестьянской и национальной политики, являющиеся до сих пор «китами» всей политики Коминтерна.

Как же можно игнорировать весь этот славный период оформления и укрепления большевизма!

Немаловажную роль играет также вопрос об оформлении Ленина, как вождя большевизма. И здесь т. Преображенский также впадает в серьезную ошибку.

Тов. Радек в своей брошюре «Жизнь и дело Ленина» приводит следующий разговор с т. Лениным:

«Ленин ребром поставил вопрос, что, собственно, представляет из себя политика Второго Интернационала: ошибку или предательство интересов рабочего класса. Я начал ему об'яснять, что мы стоим на грани двух эпох: эпохи мирного развития социализма в рамках демократии, и эпохи бури и натисков, что дело идет не только о предательстве вождей, а о позиции масс, которые, не найдя достаточно сил для сопротивления войне, подчинились политике буржуазии, что тяготы этой политики принудят массы порвать с буржуазией и вступить на путь революционной борьбы. Ленин оборвал меня словами: «Это есть историцизм, все находит об'яснение в смене эпох, но могут ли вожди реформизма, которые еще перед войной систематически вели пролетариат в лагерь буржуазии, которые с момента войны перешли в этот лагерь открыто, могут ли они стать проводниками революционной политики». (Стр. 25—26 «На могилу Ильича»).

Эта цитата бьет т. Преображенского не в бровь, а в глаз. Могут ли старые вожди реформизма, которые еще перед войной систематически вели пролетариат в лагерь буржуазии, стать вождями революции?

На самом деле, почему Ленин (по Преображенскому) вдруг в 1914 г. становится вождем рабочего класса всего мира? Почему он вдруг в 14 г. становится гениальным представителем «марксизма второго издания», логически будто бы не связанного с большевизмом.

Что это за «счастливый случай», который выдвигает в 1914 г. Ленина на первые позиции пролетарского фронта?

У т. Преображенского логического ответа на эти вопросы не имеется, кроме того, что:

«Лишь грандиозное сотрясение капиталистического мира, вызванное войной, лишь предчувствие топота пролетарских ног, идущих от окопов империалистической войны к баррикадам войны гражданской, лишь дыхание назревающей классовой битвы, лишь эти события, напирая на мозг Ленина и найдя в нем адэкватный отзвук, могли так высоко поднять его над изумленным миром, вызывая проклятия и злобу на одном полюсе, веру, энтузиазм и братскую поддержку на другом».

Но почему именно на мозг **Л е н и н а** эти события оказали такое влияние и нашли там отзвук?

Где нити, которые помогли именно Ленину почувствовать «дыхание назревающей классовой борьбы» и т. п.

Почему на мозг Каутского те же события оказали влияние совершенно противоположное?

Ответ только один:

Вся революционная работа Ленина шла в направлении подготовки пролетарской революции. На всем протяжении своей деятельности и до 1914 г. и после него, Ленин — вождь пролетарской армии, подготовляющий эту армию к решающим боям за социализм. Ленин к 14 г. был готовым вождем пролетарской революции.

При этом Ленин был этим вождем в стране с наиболее революционной ситуацией.

II.

К своей основной ошибке в определении ленинизма т. Преображенский приходит, исходя из ряда неправильных предпосылок.

Одной из таких предпосылок является неправильное определение характера буржуазно-демократической революции 1905 г. и подхода к этому вопросу В. И. Ленина.

Тов. Преображенский говорит:

«Наша революция 905 г. не отличалась принципиально от других буржуазных революций» и соответственно всю работу большевизма до 14 г. сводит к работе в пользу буржуазно-демократической революции и только.

В этих утверждениях т. Преображенского кроется ошибка.

Спрашивается: если бы русская революция (905 г.) кончилась победой последовательной рабоче-крестьянской демократии с революционным рабоче-крестьянским правительством так, как предполагали большевики, могла бы такая революция ограничиться национально-государственными рамками и закрепить господство капитала на долгие годы, соответственно буржуазно-демократическим революциям, скажем, 48 г.?

Ведь типичная «буржуазно-демократическая революция ограничена национально-государственными рамками и т. Преображенский, как бы в подтверждение этого не раз подчеркивает, что до 1914 г. Ленин был руководителем только российского движения.

Чтобы показать всю ошибочность утверждений т. Преображенского, посмотрим, как представлял себе Ленин перспективы русской буржуазно-демократической революции, для чего возьмем ряд выдержек из его произведений ранних периодов.

В 1894 году: «Когда передовые представители его (пролетариата Э. К.) усвоят идеи научного социализма, идеи об исторической роли русского рабочего, когда эти идеи получат широкое распространение и среди рабочих создадутся прочные организации, преобразующие теперешнюю разрозненную экономическую войну в сознательную классовую борьбу, тогда русский рабочий, поднявшись во главе всех демократических элементов, свалит абсолютизм и поведет русский пролетариат (рядом с пролетариатом всех стран) прямой дорогой открытой политической борьбы к победоносной коммунистической революции». («Что такое друзья народа», стр. 172).

В 1902 году: «История поставила теперь перед нами ближайшую задачу, которая является наиболее революционной из всех ближайших задач пролетариата какой бы то ни было другой страны. Осуществление этой задачи, разрушение самого могучего оплота не только европейской, но также (можем мы сказать теперь) и азиатской реакции, сделало бы русский пролетариат авангардом международного революционного пролетариата. И мы вправе рассчитывать, что добьемся этого почетного звания, заслуженного уже нашими предшественниками, революционерами 70-х годов, если мы сумеем воодушевить наше в тысячу раз более широкое и глубокое движение такой же беззаветной решимостью и энергией» («Что делать», стр. 43—44).

В 1905 г.: «Нам удастся добиться того, чтобы русская революция была не движением нескольких месяцев, а движением многих лет, чтобы она привела не к одним только мелким уступкам со стороны властей предержащих, а к полному ниспровержению этих властей. А если это удастся — тогда... тогда революционный пожар зажжет Европу; истомившийся в буржуазной реакции европейский рабочий поднимется в свою очередь и покажет нам,— «как это делается»; тогда революционный под'ем Европы окажет обратное действие на Россию и из эпохи нескольких революционных лет сделает эпоху нескольких революционных десятилетий, тогда... но мы успеем еще не раз поговорить о том, что мы сделаем «тогда», поговорить не из проклятого женевского далека, а перед тысячными собраниями рабочих на улицах Москвы и Петербурга, перед свободными сходками русских «мужиков» (Том VI, стр. 129).

«И в этом перевороте со всей энергией будет участвовать революционный пролетариат, отметая от себя жалкий хвостизм одних и революционную фразу других, внося классовую определенность и сознательность в головокружительный вихрь событий, идя неуклонно и смело вперед, не страшась революционно-демократической диктатуры, а страстно желая ее, борясь за Республику и полную республиканскую свободу, за серьезные экономические реформы, чтобы создать себе действительно широкую и действительно достойную XX-го века арену борьбы за социализм». (Ленин, том VI, стр. 133).

В 1907 году: «Либо — разрушение помещичьего землевладения и всех главных устоев соответствующей старой «надстройки», преобладающая роль пролетариата и крестьянской массы при нейтрализации неустойчивой или контр-революционной буржуазии; наиболее быстрое и свободное развитие производительных сил на капиталистической основе при наилучшем, какое только мыслимо вообще в обстановке товарного производства, положении рабоче-крестьянской массы; отсюда создание наиболее благоприятных условий для дальнейшего осуществления рабочим классом его настоящей и коренной задачи социалистического переустройства». (Предисл. к «Развитию капитализма в России», т. 3, стр. 11).

В 1918 году: «Вышло именно так, как мы говорили. Ход революции подтвердил правильность нашего рассуждения. Сначала вместе со «всем» крестьянством против монархии, против помещиков, против средневековья (и постольку революция остается буржуазной, буржуазно-демократической), затем, вместе с беднейшим крестьянством, вместе с полупролетариатом, вместе со всеми эксплоатируемыми против капитализма, в том числе, против деревенских богатеев, кулаков, спекулянтов и постольку революция становится социалистической. Пытаться поставить искусственную, китайскую стену между той и другой, отделить их друг от друга чем-либо иным, кроме степени подготовки пролетариата и степени об'едине-

ния его с деревенской беднотой, есть величайшее извращение марксизма, опошление его, замена либерализмом» (Ренегат Каутский, т. XV, стр. 508).

Что говорят все эти выдержки из произведений Ленина, количество которых можно бы во много раз увеличить?

Прежде всего они подтверждают, что Ленин никогда не рассматривал русскую революцию изолированно, как революцию, ограниченную национальными рамками.

Для Ленина было ясно, что вырвать из империалистской системы «самый могучий оплот европейской и азиатской реакции»,— это значит поколебать все здание империализма, это значит «зажечь революционный пожар в Европе».

Как же можно, оставаясь на почве ленинизма, утверждать, что «революция 905 года не отличалась принципиально от других буржуазных революций».

Отличалась и очень. Во-первых, тем, что она могла победить только как революция «рабоче-крестьянская», а во-вторых, тем, что она неизбежно дала бы толчек к пролетарской революции в Европе.

Могла ли бы в таких условиях укрепиться на долгие годы в России буржуазная демократия, наподобие буржуазных демократий Европы?

Ленин не устает повторять, что последовательная буржуазная демократия нужна лишь как «достойная XX века арена борьбы за социализм».

Не случайно Ленин в 17 г., отстаивая в партии свои апрельские тезисы, напоминает, что еще в «Двух революциях» (1905 г.) он писал:

«У революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства есть, как и у всего на свете, прошлое и будущее. Ее прошлое—самодержавие, крепостничество, монархия, привилегии. Ее будущее—борьба против частной собственности, борьба наемного рабочего с хозяином, борьба за социализм».

Значит, борьба за социализм не откладывается с установлением революционного правительства рабочих и крестьян. Значит, нет китайской стены между буржуазно - демократической и пролетарской революцией — ибо такое разобщение есть «величайшее извращение марксизма».

Можно ли после всего этого говорить, что до 14 г. у Ленина дело шло о типичной буржуазно-демократической революции» и только.

Дело шло, прежде всего, о свержении царского режима и доведении до конца буржуазно-демократической революции. Но Ленин никогда не скатывался до пошленького поклонения демократии: он всегда помнил и напоминал другим, что буржуазно-демократическая революция есть лишь этап к революции пролетарской. И Ленину было ясно, что развертывание пролетарской революции лучше всего обеспечивается тем, что пролетариат будет стоять во главе буржуазно-демократической революции.

Не скатываемся ли мы тем самым к теории перманентной революции?

На это дал ответ тов. Сталин.

Он говорит, что ленинский подход к революции тем отличается от подхода «перманентников», что последние в порядке революционной фразы, думали прямо начать с власти пролетариата, тогда, как Ленин предлагал увенчать дело революции переходом власти к пролетариату.

Ленин, учитывая роль крестьянства, помнил, что сперва со всем крестьянством против помещиков и царизма, а потом уже с беднейшим крестьянством против капитала — «перманентники» перескакивали через крестьянство.

Революция развивалась «по Ленину», разрешив тем самым спор.

III.

Вместе с «перманентниками» т. Преображенский недооценивает в ленинизме значение крестьянского вопроса.

Между тем, кому же неизвестно, что крестьянская политика один из китов большевизма и не с 14 г., а с революции 1905 г. и до настоящих дней.

«Ничего специфического в области теории по сравнению с традиционным марксизмом в большевизме до 14 г. не было»,— говорит т. Преображенский. Очень смело.

Послушаем по этому вопросу т. Зиновьева:

«Что нового сказал большевизм в области политической идеологии. Какие новые пути открыл большевизм для международного социализма. В чем заключается открытие, сделанное В. И. Лениным.

Если бы мы должны были ответить на этот вопрос в нескольких словах, мы сказали бы:

1. Большевизм первый в истории мировой классовой борьбы принял всерьез идею гегемонии пролетариата, поставив на практические рельсы то, что Маркс и Энгельс предвидели лишь теоретически.

2. Именно потому, что большевизм поставил вопрос о диктатуре пролетариата, как практический вопрос дня, он первый в истории международного социализма стал серьезно искать союзника для пролетариата.

3. И здесь главная заслуга большевизма — он нашел этого союзника в лице крестьянства.

4. В этом смысле можно сказать, что большевизм «открыл» роль крестьянства, как той силы, при завоевании которой на свою сторону только и становится возможным для пролетариата сыграть свою великую освободительную роль в мировой революции» (Т. 1, стр. 6, соч. Зиновьева).

Правильно это утверждение? — Безусловно. Именно большевики с 1905 г. правильно оценили роль крестьянства в революции буржуазной, а затем и пролетарской. Что еще более специфическое нужно, чтобы убедить т. Преображенского?

О характере крестьянской политики в последние годы едва ли приходится говорить. О союзе рабочих и крестьян знает последний комсомолец. Но нужно поставить другой вопрос, а именно: можно ли нашу теперешнюю политику в отношении крестьянства оторвать от той же политики в 1905 г.

Не вытекает ли непосредственно идея союза рабочих и беднейших крестьян в социалистической революции из идеи союза рабочих и крестьян в буржуазно-демократической революции?

Почему именно Ленин из русских социал-демократов выдвинул вопрос о союзе рабочего класса с крестьянством?

Почему меньшевики так воевали против этого лозунга?

Блестящий ответ дает тов. Сталин:

«В этом смысле крестьянский вопрос является частью общего вопроса о диктатуре пролетариата и, как таковой, представляет один из самых животрепещущих вопросов ленинизма.

Равнодушное, а то и прямо отрицательное отношение к крестьянскому вопросу со стороны партий II Интернационала об'ясняется не только особыми условиями развития на Западе, оно об'ясняется, прежде всего, тем, что эти партии не верят в пролетарскую диктатуру, боятся революции и не думают вести пролетариат к власти, а кто боится революции, кто не хочет вести пролетариев к власти, тот не может интересоваться вопросом о союзниках пролетариата в революции, для него вопрос о союзниках является вопросом безразличным, неактуальным» (стр. 77).

В этом сущность всего вопроса: отрицание союза рабочих и крестьян есть: «оборотная сторона отрицания диктатуры пролетариата» и, наоборот. Ленину нужна была теория союза рабочих и крестьян, потому что он всерьез ставил вопрос о диктатуре пролетариата и потому он по новому разрешил вопрос о взаимоотношениях пролетариата и крестьянства и разрешил его до 1914 г.

Как же тов. Преображенский мог это упустить, разрывая большевизм на части.

IV.

Возьмем дальше нашу национальную политику. Тов. Преображенский сам говорит, что «в национальном вопросе Ленин является теоретиком нового направления в коммунизме».

Национальная программа большевизма, также один из китов ленинизма. Спрашивается: можно ли национальную политику ленинизма разорвать на две части до 1914 г. и после 1914 г.

Тов. Каменев во введении в XIX т. собр. сочинений Ленина, посвященному национальному вопросу, говорит:

«Особого внимания с точки зрения истории коммунизма заслуживает то обстоятельство, что в статьях по национальному вопросу за 1913—1914 г.г. — до начала империалистской войны фактически предвосхищены ответы на те коренные вопросы пролетарского движения, которые во весь рост были поставлены только империалистической войной. Та позиция, которую большевизм занял немедленно после августа 1914 г. по вопросу о «защите отечества», об отношении к «своей буржуазии», об «аннексиях» и т. п., была в большей степени подготовлена, именно в дискуссии по национальному вопросу 1913—1914 г.г.» (стр. 4, 5).

Тов. Сталин по тому же вопросу говорит:

«Раньше национальный вопрос рассматривался реформистски, как отдельный самостоятельный вопрос вне связи с общим вопросом о власти капитала, о свержении империализма, о пролетарской революции. Молчаливо предполагалось, что победа пролетариата в Европе возможна без прямого союза с освободительным движением в колониях, что разрешение национально-колониального вопроса может быть проведено втихомолку «самотеком», в стороне от большой дороги пролетарской революции, без революционной борьбы с империализмом. Теперь эту антиреволюционную точку зрения нужно считать разоблаченной. Ленинизм доказал, а империалистическая война и революция в России подтвердили, что национальный вопрос может быть разрешен лишь в связи и на почве пролетарской революции, что путь победы революции на Западе проходит через революционный союз с освободительным движением колоний и зависимых стран против империализма. Национальный вопрос есть часть общего вопроса о пролетарской революции, часть вопроса о диктатуре пролетариата» (стр. 94—95).

Эти определения, безусловно, верны. В борьбе с мелкобуржуазным оппортунизмом, с одной стороны, и «левизной» (Р. Люксембург, Пятаков и др.), с другой, еще до 1914 г. создана ленинская национальная политика, которая лежит в основе политики Коминтерна и до сих пор.

Это настолько элементарно, что едва ли нужно приводить дополнительные доказательства.

Достаточно прочитать статьи Ленина периода 13 — 14 г.г. (т. XIX), чтобы в этом убедиться.

V.

Все приведенные данные показывают, что нельзя разрывать большевизм на две части до 1914 г. и после 1914 г., именуя ленинизмом только то, что началось с 1914 года.

Если мы пойдем этим путем, мы выбросим из ленинизма всю борьбу с меньшевизмом до 1914 г., крестьянский вопрос, национальный и организационный вопросы.

Большевизм целостен и монолитен до конца. Нельзя его растаскивать по камешкам. Нельзя принимать одно и отвергать или отодвигать другое.

Ленинизм можно взять только в целом и стать ленинцем можно только, изучив ленинизм во всех его исторических периодах.

Лучше всего об этом сказал сам Ленин в «Детской болезни» левизны:

«Большевизм существует как течение политической мысли и как политическая партия с 1903 года. Только история большевизма за весь период его существования может удовлетворительно об'яснить, почему он мог выработать и удержать при самых трудных условиях железную дисциплину, необходимую для победы пролетариата».

Это нужно хорошенько запомнить: только история большевизма *за весь период* может удовлетворительно об'яснить и т. д.... Большевизм - ленинизм за весь период целостен, неразрывен, логически связан — отрицание этого приводит к ревизии ленинизма.

Ленинизм можно и должно изучать по периодам.

Не мог Ленин при всей своей гениальности, или, именно благодаря своей гениальности, в 1905 г. сказать то, что нужно было сказать в 1915 г.

Ленин всю массу своих теоретических положений всегда излагал применительно к практическим действиям.

Но одна основная мысль проходит через все произведения Ленина — это мысль о пролетарской диктатуре. По разному и с разных сторон подходил к ней Ленин, но она служила ему путеводной звездой.

Тов. Бухарин в статье: «Ленин, как марксист», говорит, что Маркс считал основой своего учения то, что оно «неминуемо ведет к диктатуре пролетариата».

Ленин всю свою революционную работу направлял к тому, чтобы о с у щ е с т в и т ь диктатуру пролетариата.

В период 1905 — 1914 г.г. наиболее революционной ситуация была в России. Только победоносная революция в России могла дать толчек революции в Европе — и Ленин целиком отдает себя революционному движению России, почти не входя в интернациональное движение.

1914 год круто меняет положение.

Мировая война создает революционную ситуацию во всем мире и Ленин — вождь мирового коммунизма.

Тов. Преображенский говорит, что лозунг превращения империалистической войны в войну гражданскую лежит в основе ленинизма, что этот лозунг в 1914 г. сделал Ленина вождем рабочего класса всего мира (стр. 224 «Молодой Гвардии»). Правильно, что этот лозунг сделал Ленина вождем рабочего класса всего мира, но кто возьмется утверждать, что лозунг превращения империалистической войны в гражданскую впервые выдвинут Лениным в 1914 г. и он логически также не вытекает из предыдущей работы Ленина?

Я напоминаю статью Ленина в 1907 году о Штутгардтском международном конгрессе.

Вот что в ней Ленин говорит о войне:

«В зависимости от этих условий стоит выбор средств борьбы, причем, эта борьба должна состоять (это третий пункт недоразумений или недомыслия эрвэизма) не в одной замене войны миром, а в замене капитализма социализмом. Не в том суть, чтобы помешать только возникновению войны, а в т о м, ч т о б ы и с п о л ь з о в а т ь п о р о ж д а е м ы й в о й н о й к р и з и с д л я у с к о р е н и я с в е р ж е н и я б у р ж у а з и и. Но за всеми полуанархическими нелепостями эрвэизма, таилась одна практически верная подкладка: дать толчек социализму в том смысле, чтобы не ограничиваться парламентскими только средствами борьбы, чтобы развить в массах сознание необходимости революционных приемов действия, в связи с теми кризисами, которые война несет за собой неизбежно, в том смысле, наконец, чтобы распространить в массах более живое сознание международной солидарности рабочих и лживости буржуазного патриотизма». (Том VIII, стр. 502).

Что значит «использовать» порожденный войной кризис для ускорения свержения буржуазии»? Есть ли это что-либо иное, чем лозунг гражданской войны?

Выбор «средств борьбы» Ленин ставит в зависимости от условий.

Ленин, как известно, был одним из авторов Штутгардтской резолюции и с самого начала войны Ленин совершенно правильно

обосновывал лозунг гражданской войны резолюциями Штутгардтского и Базельского (1912 г.) конгрессов II Интернационала.

Ленин применил этот лозунг к жизни, а старые вожди II Интернационала ему изменили.

Когда разразилась мировая война Ленин противопоставил ей идею мировой пролетарской революции.

Неужели же это нисколько не связано с позицией Ленина в 1907 г. в вопросе о войне, неужели это что-нибудь иное, чем «использование порождаемого войной кризиса для ускорения свержения буржуазии».

В 1914 г. тов. Ленин соответственно «условиям» обосновал превращение войны империалистической в войну гражданскую, «не в эту, так в ближайшую войну» (т. XIV, стр. 17).

В этом его великая заслуга, но кто не понимает, что вся работа В. И. Ленина с 1914 г. неразрывно связана со всей предыдущей историей большевизма — тот рискует наделать массу ошибок.

А. Тальгеймер.

Заметки о Форде.

I.

Автобиография Генри Форда [1]) вызвала сильнейший интерес к себе во всех странах и у *всех классов*. Занимаются обсуждением мыслей, высказанных в этой книге и германские капиталисты, и мелкие буржуа. Дискутируют о книге и русские рабочие.

В чем причина того, что это сочинение производит такое сильное впечатление во всех классах общества *именно теперь*? Ответ на этот вопрос представляет большой интерес для суждения об идейных течениях, существующих в данный момент в различных слоях общества.

Наш друг, Яков Вальхер, подверг книгу Форда, подробной критике с марксистской точки зрения. Он кладет в основу своих рассуждений текст Форда, чтобы опираясь на этот конкретный материал, вывести доказательство верности основных положений марксизма, чтобы на мелочах такого огромного предприятия, как завод автомобилей и тракторов Форда,—об'яснить основы экономического учения Маркса.

Но эту часть темы мы здесь оставим в стороне. Нам интересно здесь выяснить вопрос о появлении такой личности, как Форд, о вызванных ею влияниях и о том, как в ней отражается состояние массы.

2.

Нужно только сопоставить то идейное течение, исходя из которого написан шпенглеровский «Закат Европы» и биографию Форда, чтобы понять, как должна была подействовать «миссия» Форда на одряхлевшую капиталистическую Европу. Здесь—настроение упадка, смирения; всякая вера в себя пала, все унаследованные идеологии оказываются изношенными, на горизонте то сильнее, то слабее выделяется зарево пролетарской революции; государства и хозяйство народов шатаются под свинцовой тяжестью вооружений. А оттуда, из Америки доносится голос радостного оптимиста, перед глазами которого открываются *необ'ятные перспективы все еще внутри капитализма*, и перспективы *для всех классов*, для предпринимателя, для мелкого буржуа, для рабочего.

---

[1]) Генри Форд: „Моя жизнь и работа". Издано при содействии Самуэля Кроутера. Издание Пауля Листа, Лейпциг. VIII+328 стр.

Беспредельное расширение капитализма — не только для капиталистического класса в целом, но и для отдельных предпринимателей, и на основе этого всеобщего под'ема — всесторонняя гармония между классами, устранение, как по волшебству, мучительных «вопросов»!..

Все это опирается на смелую веру в могущество технического прогресса, на уверенность в силе рационально поставленной организации труда.

В этом великая магическая сила Форда.

И рядом с этим — полное забвение противоречий, имманентно присущих капитализму и ставящих об'ективные рамки техническому прогрессу и рационализации труда при *капиталистическом* строе.

Форд есть средоточие того, что называется «американизмом», как в его сильных сторонах, так и в его слабых, отсталых и даже комических сторонах.

3.

Сильная сторона американизма—рационализация производства, организации труда и постановки дела.

Тут нет ничего невозможного, тут все еще предстоит сделать

Традиция, рутина — все это зло.

«Знатоки-эксперты в деле не годятся: они слишком видят пределы возможного».

«Современный или, лучше сказать, будущий метод будет состоять в том, что каждая отдельная часть предмета будет изготовляться там, где ее лучше всего изготовляют, а затем целый предмет будет составляться в центрах его потребления». Необходимо планомерное снижение цен, чтобы предмет роскоши превращать в предмет массового потребления. Нужна децентрализация производства, начиная с известного пункта. Никаких лишних рук, никакого лишнего транспорта не должно быть. Прогрессивно растущая дифференциация специальностей, постоянное движение и течение работы, — вот в чем сущность истинного производства.

Необходимо наивозможнейшее *упрощение* продукта, наряду с его наибольшей прочностью.

Никакой бюрократии... Так получается, что заводы и предприятия Форда не знают никакой организации, никакой усовершенствованной системы начальства, там знают лишь небольшие титулы и не знают никаких конференций. «У нас имеется лишь столько конторских служащих, сколько безусловно необходимо; у нас не составляются никакие акты и, поэтому, нет никакой волокиты».

Необходимо свести до минимума цикл производства.

Нужно исключить из производства «мертвые пункты».

У деревни также есть свое «мертвое время», когда крестьянин должен итти на фабрику, чтобы помочь рабочему в изготовлении вещей, необходимых ему для двора. У фабрики также бывает свое мертвое время,—тогда рабочий должен итти в деревню и помогать убирать хлеб».

Форд спрашивает:

«Разве это несовместимо в промышленности, чтобы в различных ремеслах и специальностях, в одном за другим, работали те, кто к ним особенно способен?».

Никакой излишней централизации.

«Огромную фабрику не построишь у маленькой речки, а об'единение небольших фабрик, из которых каждая изготовляет только часть продукта, приведет к удешевлению всей работы по сравнению с тем, когда все изготовляется на огромном предприятии... Промышленность децентрализуется. Никакой город, если он погибнет, не построишь снова точно по прежнему плану. Уже одно это указывает, каков наш истинный взгляд на наши города... Большой город наших дней был расточителен, теперь он обанкротился, а завтра он перестанет существовать»...

Сельское хозяйство являет собой пример технической отсталости.

«Земледелие старого стиля, — это понятие, которое должно отойти в область романтизма. Это не значит, что теперь в деревне нечего будет делать. Труда не исключить ни из какой действительно-продуктивной жизни, но обработка земли механическим способом приводит к тому, что смертельно тяжелая, переутомляющая работа из деревенского обихода исчезает. Сельское хозяйство, построенное на индустриальных методах, снимает тяжесть с человека и перекладывает ее на сталь и железо. Мы только стоим у начала этого периода развития. Автомобиль произвел революцию в жизни крестьянина не как средство перевозки, а как силовой двигатель. Сельское хозяйство должно быть чем-то лучшим, чем деревенское занятие. Оно должно стать предприятием по изготовлению продуктов питания. Но если оно действительно станет предприятием, работающим на деловых основаниях, то фактическая работа в хозяйстве средней руки сможет быть выполнена в значительно меньшее число дней в году. Остальные дни года можно будет посвятить другому занятию. Полевая работа—слишком сезонная работа, чтобы она занимала человека целиком».

Сельское хозяйство являет собой пример технической отсталости.

Железные дороги должны бы управляться по таким же принципам, как и автомобильное предприятие Форда.

4.

Эта сторона вопроса прежде всего привлекает русских рабочих. Они чувствуют те необ'ятные возможности, которые предоставляет им их страна, и осуществление которых попадает к ним в руки, а уже не в руки олигархии эксплоататоров. Они одушевлены безграничной верой в возможности технического прогресса и в развитие организации труда. Они знают, что они во всем этом стоят еще у начала дела, что здесь еще все предстоит сделать. Они жаждут научиться всему, что им нужно,—даже у американского автомобильного заводчика Форда.

Когда подумаешь, что этот интерес к идеям Форда о рационализации производства и организации труда идет снизу, из масс, то этот факт свидетельствует об удивительной политической и общественной зрелости русского рабочего класса.

Рабоче-крестьянской России нужно лишь время для того, чтобы совершить величайшее чудо в производстве. А в капиталистических странах перед выполнением возможных технических чудес в производстве встают высокие стены системы общественных отношений. Советская Россия еще ползает на четвереньках в деле организации производства и труда. Но путь свободен!

Именно техническая и культурная отсталость этой страны заставляет ее проявлять величайшее дерзание и дает ей свободу движения при возведении здания новой жизни.

Старые же капиталистические страны на каждом шагу наталкиваются на препятствия, которые ставит перед ними старый порядок.

5.

Форд — самоучка. Он — сын фермера, обладающий природным техническим и организаторским талантом. Он работает постепенно, поднимаясь от кирки. Его жизнь, это — школа. То, что он самоучка, дает ему смелость переступать без смущения через рутину и традицию.

Из жизни фермера исходит постановка им цели в технике: сперва устранение тяжелой механической работы в сельском хозяйстве — сконструирование универсальной передвижной силовой машины для среднего крестьянского хозяйства—трактора. Отсюда он приходит к мысли об автомобиле. От автомобиля, который психологически делает крестьянина восприимчивым к способу пользования машиной — обратно к трактору.

Как сын фермера, он еще дома имеет в виду производство предметов массового потребления. Только на почве своеобразных условий фермерской жизни в Америке возможно появление такого типа, как Форд. Эта живая и подвижная в смысле расселения по территории масса представляет широкое поле для приложения сил Форда, у него здесь огромный радиус действия. Высоко развитая промышленность, обилие сырья в стране, технические рессурсы,—все к его услугам.

Техническая задача, которую поставил перед собой Форд, в маленькой стране немыслима.

6.

Экономическая причина головокружительного под'ема Форда и того факта, что он постоянно переживает своих конкурентов, лежит в беспрерывном повышении продуктивности работы его завода. Он всегда впереди. Его расходы по производству всегда ниже общего уровня. На этом и основано исключительное распространение его экономического могущества.

Из этого факта следует: если методы производства Форда станут общим достоянием, то это прекратит его личное движение вперед.

Если все предприниматели будут вести производство по способу Форда, то они в то же время приведут к исчезновению экономического типа Форда.

Миссия Форда в капиталистических условиях имеет лишь индивидуальный смысл. Но всякий индивидуальный предприниматель надеется быть тем, кто займет место Форда.

7.

Есть одна слабая сторона у Форда: в общественных вопросах он—новорожденное дитя. Опираясь на свой личный успех и на еще растущий американский капитализм, вообще, он гово-

рит об общественных вопросах с наивной уверенностью того, кто ничего не знает о выросших уже противоречиях в капиталистической системе производства.

Но это вообще типично для американской буржуазии. Ее общественное бытие и ее общественное сознание относятся друг к другу, как автомобиль к телеге, запряженной быками.

На капиталистическую Европу, травленную всеми собаками, обуреваемую тысячью проблем, это состояние американских дикарей, — уверенных в своей силе, — в общественных вопросах действует наподобие того, как на римлян императорской эпохи действовали германцы-дикари из первобытных лесов (но американские варвары в то же время господствуют в мировом хозяйстве!).

8.

Мелкий буржуа находит в Форде крупного капиталиста и подходит к нему под углом зрения мелкого буржуа, со своей нравственной меркой, с идеалами, симпатиями и антипатиями мелкого буржуа.

Карьера его идет от фермера — до промышленника-великана. Он поднялся собственными силами. «Честная работа», «классовая гармония», — вот что является содержанием его идеала. Личное руководство и работоспособность являются в его глазах решающими; он ведет полемику с банковым капиталом, выступает против евреев. Он ведет простой образ жизни.

Принимается им в рассчет и рабочий, превращенный в мелкого буржуа. И для него есть маршальский жезл в походном ранце Форда: высокие ставки зарплаты, постоянное наличие работы, участие в прибылях, прекрасный домашний очаг. Чего еще больше может желать «человеческое сердце»?..

Форд грандиозен и в то же время — смешон. Он грандиозен, как воплощение смелого прогресса в области техники и организации труда. Он смешон, как новорожденное дитя, когда он берется рассуждать о социальных вопросах современности.

В. Астров.

Мелко-буржуазное в Савинкове.

Это было в 1904 году. То были герои террористы, в революционно - авантюристическом безумии выходившие один-на-один против столетнего исторического чудовища царизма. Это о них вспоминает Борис Савинков:

— «Я помню летнее утро. Петроград. Измайловский проспект. Пыльные камни. На мостовой распростертый Сазонов, раненый, со струйкой крови. И я стою над ним. Рядом — разбитая карета Плеве, и пристав, с дрожащей челюстью, подходит ко мне, а у меня в руках револьвер...».

Это был 1904 год. И вот,—через четырнадцать лет,—1918 год. Те же имена, и снова рядом: Савинков и Сазонов. Все тот же Савинков, но только уже не тот, а другой Сазонов:

— «Я (Савинков), представляя Колчака, вошел в так называемую русскую делегацию. Ее состав общеизвестен: председатель —Львов, члены—Чайковский, Маклаков, Сазонов и я. Сразу получилось весьма странное смешение. С одной стороны, в Париже находился министр Колчака, министр иностранных дел Сазонов, а с другой — представитель Колчака — я...».

— «Сазонов оставался прежним царским министром и в беседах своих с иностранцами разговаривал так, как будто в соседней комнате сидит царь и он царя представляет».

От разбитой кареты царского временщика министра — в одну карету с бывшим царским министром. От поцелуев с Каляевым, идущим убивать великого князя Сергея Александровича—в об'ятья к теням, потомкам и холуям царствовавшего «дома». От организации покушений на царя—к массовым расстрелам рабочих и крестьян.

И, как итог этого исторического зигзага, истерический и позерски-жалкий самосуд:

— «Сколько же крови и слез! И из-за чего? И для чего? И почему? И где моя вина? И в чем моя вина? Осудите меня, как хотите, ведь большего суда, чем я сам над собой сделал, вы мне не дадите»...

Нас не может здесь особо занимать вопрос о степени искренности раскаяния со стороны этого, сыгравшего свою роль политического актера. По каким бы побуждениям не совершено это политическое «самосожжение», — оно совершено. Савинков, как личность, не интересует нас. Мы должны рассмотреть Савинкова, как политика, хотя бы и горе-политика, с общественно-классовой, а не личной стороны его поведения.

Зигзаг, проделанный Савинковым на протяжении двух русских революций 1905 и 1917—24 годов, типичен для всего нашего мелко-буржуазного «социализма», включая сюда всех эсеров и меньшевиков, вместе взятых. В этом отношении среди них могут быть лишь оттенки, нюансы: одни были менее революционны в борьбе с царем, чем другие; третьи, борясь с большевиками, оказались в более тесном блоке с помещиками и генералами, чем четвертые, и т. д. В судьбах всей мелко-буржуазной «демократии» в России эти частичные отличия не меняют ровно ничего. Ею проложен в истории революции один след, по одному направлению, и савинковский зигзаг не выходит из очертаний этого исторического следа. И даже его раскаяние, его «безоговорочно признаю советскую власть» есть не что иное, как симптом давно знакомого нам процесса перманентного распадения эсеро-меньшевизма. В жизни последнего этот ликвидационный процесс составляет необходимую и неот'емлемую сторону уже не первый год.

Савинков—один из многих. Но было бы ошибкой на этом основании совсем пройти мимо него, не остановившись на его политической роли. Было бы ошибкой,—ибо такие яркие примеры, как карьера Савинкова, не часто попадаются в лагере мелкобуржуазной ограниченности, «революционного» и оппортунистического филистерства.

* * *

На суде Савинков рассказывал о своей борьбе с Советской властью, каялся в своих заблуждениях, пытался оценить свое позорное поведение, найти ему хотя бы суб'ективное оправдание: он, Савинков, «не верил в победу большевиков», не мог знать, что русские рабочие и крестьяне в массе пойдут за большевиками»; ошибившись однажды в выборе пути, он, как революционер, обязан был идти до конца, испробовать все средства борьбы прежде, чем признать свою неправоту.

Перед нами, на всенародном «покаянии», обнажил себя и бичевал себя,—как никак,—видный политический деятель контрреволюции. И что стало бесспорным и ясным, так это полное отсутствие у него положительной политической программы в борьбе с большевизмом.

Он добивался временной диктатуры, но чьей диктатуры—«это не было указано», как ответил он, под смех присутствовавших, на вопрос председателя суда. Он добивался учредительного собрания, этой «мечты его жизни», но это была голая фраза. Что это будет за собрание, какому «народу» оно должно передать власть,—Савинков не знал.—«Мое мнение заключалось в том, что учредительное собрание не приведет к монархии»,—отвечал подсудимый, когда ему указали, что монархисты были тоже за учредительное собрание. Свою власть «навязывать» народу Савинков не хотел и надеяться не мог, не имея партии. Наиболее близкую к нему партию эсеров («я был пусть плохой, но эсер», говорит он) Савинков характеризует убийственно:

— «В эсеров я не верил, потому что я видел их полную растерянность, полное безволие, отсутствие мужества».

Если у него имелась политическая программа, то только и исключительно отрицательного свойства: свержение большевиков. Поэтому он и шел, без разбора, со всеми, стоявшими на такой платформе.

Положительно, человек в политике играл в рулетку.

Долой советскую власть, а там будь, что будет! Было бы разрушено, а строить... будут другие. Это программа действий такого класса, который не способен строить. Если бы даже здесь была и суб'ективная «честность», и «убежденность», и «преданность» народу, которые в себе так воспевал на суде Савинков, то все же здесь нет ни грани политической мысли и политической самостоятельности. Удивительно ли, что люди с такой куриной слепотой в политике служили только навозом для утверждения господства эксплоататорских классов, игрушками в руках генералов?

«Иван непомнящий» в вопросах политики, Савинков вознаграждает себя цветистой мелодекламацией, проникнутой глубоким суб'ективизмом, народнической окраски, с изрядной приправой зауряд-мещанства.

Он шел против большевиков потому, что «не верил» в их победу,—как будто вера или неверие могут быть достаточны для решения таких кардинальных вопросов! Он патетически говорит о своем «долге» перед народом. Его больше всего гнетет мысль о том, что ему придется умереть непонятым и непрощенным:

— ...«Вольной вины за мной нет. Не было дня, не было часа, не было минуты, не было обстоятельств, при которых я искал бы личной выгоды, добивался личных целей, защищал бы интересы имущих классов».

Утешайтесь же, рабочие и крестьяне! Вас расстреливал не какой-нибудь мерзавец и негодяй, а убежденнейший революционер, по ошибке и весьма честно служивший контр-революции и имущим классом!

Стоя по колено в грязи и крови, он чист, как ангел. Его люди шпионили, но он — нет. Его люди занимались грабежами, но его «совесть чиста».

— «Движение (зеленое В. А.) выродилось в полуграбительство, в полушпионаж. Конечно, ответственность лежит на мне, потому что я это дело начал, но вместе с тем моя совесть чиста, потому что я этого не хотел».

Этому «революционному» филистерству в корне чужда простая мысль о том, что «совесть» политика отвечает не за «хотение», а за дела, и не за свои только, а за дела руководимых им и за все об'ективные результаты его поведения.

Некоторые места в речи Савинкова положительно как-то неловко слушать. «Старый революционер, друг Каляева и Сазонова» повествует о том, что «вырыло пропасть» между ним и большевиками: в Октябрьские дни большевики, оказывается, расстреляли его сестру и ее мужа... Конечно, Савинков уже до Октября боролся с большевиками. Конечно, он оговаривается, что он не «мстил» большевикам. Но тогда зачем же упоминать на суде, в политическом выступлении, об этом мелком и случайном, с точки зрения не обывателя, а политического деятеля, эпизоде?

Все это становится более понятно, когда вспомнишь, что Савинков—«Ропшин», автор «Коней», бледного» и «вороного», литературный певец индивидуалистического ренегатства и разочарования сперва в революции 1905 года, а теперь—разочарования в анти-

большевистском контр - революционном движении. Ведь это никто иной, как он сам, в лице «господина полковника» из «Коня вороного», сидя в походном шалаше добровольческой белой армии, записал в своем дневнике:

— «Россия—Ольга, Ольга—Россия. Если не будет Ольги, моя влюбленность в Россию потеряет свою глубину. Если не будет России, моя любовь к Ольге утратит всеоб'емлющий смысл. Жить в России без Ольги все равно, что влачиться с Ольгой в изгнании,—влачиться на «поломаных крыльях», дрожа и «прижавшись к праху». (Запись от 6 ноября, стр. 14).

А через несколько десятков страниц после таких слов об Ольге этот «господин полковник», уже «зеленый» бандит, с благородным безрассудством губит в шальном бою весь свой отряд из-за арестованной большевиками деревенской девки «Груши».

Мелко, мелко плавает наш «идейный» полковник — Савинков. Добро бы не было царя только в голове, а то ведь не оказывается царя и в «революционном» сердце. У нас в Р.К.П., подобный «революционер», который считал бы, к примеру, что «Ольга—Коминтерн», а «Груша—революция», за сто верст не был бы подпущен к партии, а в самом лучшем для него случае был бы исключен при первой же чистке за мещанское «обрастание».

* * *

Говоря о Ропшине—писателе, невольно вспоминаешь Толстого, о копировании которого Ропшиным большевистская пресса писала еще в эпоху реакции 1908—10 годов. (Кстати, с литературной стороны это подражание достаточно хиловато).

Владимир Ильич Ленин в 1908 году писал о Льве Толстом:

— «Толстовские идеи — это зеркало слабости, недостатков нашего крестьянского восстания, отражение мягкотелости патриархальной деревни и закорузлой трусливости «хозяйственного мужичка»... «Солдат был полон сочувствия крестьянскому делу: его глаза разгорались при одном упоминании о земле. Не раз власть переходила в войсках в руки солдатской массы,—но решительного использования этой власти почти не было; солдаты колебались; через несколько часов, убив какого-нибудь ненавистного начальника, они освобождали из-под ареста остальных, вступали в переговоры с властью и затем становились под расстрел, ложились под розги, впрягались снова в ярмо—совсем в духе Льва Николаевича Толстого!» *)

Можем ли мы оценить савинковский авантюризм с той же исторической высоты, с какой В. И. Ленин оценил «непротивленческое» толстовство?

Известное отражение отдельных сторон русского крестьянства нашей эпохи было и в контр-революционной савинковщине с ее бандитизмом, «зелено-армейством» и терроризмом.

Наше крестьянство—«двуликий Янус».

---

*) Сочинения, т. XI, ч. I, стр. 117. Статья: „Лев Толстой, как зеркало русской революции".

С одной стороны,—крестьянство, тяготеющее к пролетариату и к уничтожению наемного рабства, к кооперации и к социализму. Совсем не эту сторону берет и отражает савинковщина.

С другой стороны,—века насилия, гнета и эксплоатации оставили на ногах крестьянства тяжелые кандалы социального и политического консерватизма. Слепой и фанатический инстинкт мелкого собственника, забитость, пассивность и придавленность, на преобладающем фоне которой всякий протест вспыхивает слепо и стихийно, подчас с косами и топорами, но без ясного осознания и формулировки целей и требований, без плана или стратегии, не разбираясь в союзниках, без учета обстановки и сил; эта слепая собственническая стихия, если она выходит из состояния политической пассивности, способна только бить, ломать и разрушать, но не созидать.

Если толстовщина отражала рабскую, стадную покорность этой стихии, то савинковщина,—гораздо мельче и менее ярко,—отражает ее бунтарство.

В борьбе с царизмом это было революционное бунтарство, хотя и обреченное, без руководства со стороны рабочего класса, на полный неуспех. Не то сейчас. Социальная суть савинковщины и та же, и не та: об'ективный смысл ее в корне изменился.

Контр-революционный савинковский авантюризм, это—зеркало закорузлой дикости и необузданности «ущемленного» диктатурой пролетариата невежественного рыцаря первоначального капиталистического накопления в деревне, находящегося в рабстве у звериного мелко-собственнического инстинкта. Неспособность к организованному массовому движению; отсутствие исторического будущего; оппортунистическая трусливость и отчаянная авантюристическая дерзость, как две нераздельных оборотных стороны в одном социальном типе, в одном лице,—такова савинковщина.

Герой и безмолвствующая толпа—это не просто порождение фантазии народничествующих интеллигентов, это — отражение жизни мелко-буржуазного класса, в рядах которого выбиваются из серых будней только отдельные лица с исключительной предприимчивостью, настойчивостью и энергией,—таково правило, верное как для «выхода в люди», так и для ухода в терроризм.

Мы называем Савинкова авантюристом не потому, что он — любитель приключений. Это чисто внешняя сторона, в которой может совсем не выражаться тот или иной вид политического авантюризма. Политически авантюризм—есть «политика без масс» (Ленин).

Возьмите, с этой точки зрения, Савинкова. Человек строит крепкую централизованную организацию: снизу каждый член организации знает только одного, сверху—четверых. Во главе — штаб, во главе штаба—он, Савинков. А где же масса? Где массовая партия? Где организованный в политическую силу класс?

Массы скинуты со счетов, кучка лиц остается организованной кучкой лиц. Итог:

— «Вот, пять лет я борюсь. Я всегда и неизменно побит. Почему?»... «Всю свою молодость провел в боевой организации. Что это значит? Это значит, что я жил под стеклянным колпаком. Это значит, что я никого не видал, кроме своих, строжайшая конспирация, абсолютные законы. Я не знал массы, я не знал народа, я не знал

крестьян, рабочих. Я любил их. Я готов был жизнь свою отдать и отдавал. Но интересы их, истинные их желания, естественно,—мог ли я знать? Я жил под стеклянным колпаком без имени, без семьи, без дома, каждую минуту под угрозой. Так я жил долго, до 1911 года. А с 1911 года—эмиграция. Но что такое эмиграция? Ведь эмиграция — тот же самый стеклянный колпак. Как я видел и что я видел? Россию я видел? Русский народ видел? Нет,—я чужих людей видел, чужой народ, чуждый мне»... «Боевая организация и эмигрантская жизнь — вот весь мой опыт».

Это есть об'ективно верное признание политического авантюриста. Это есть и приговор ему.

* * *

Не опирались на крестьянство,—говорит Савинков,—в этом ошибка русских контр-революционеров. Но ведь и не могла буржуазно-помещичья контр-революция опереться на крестьянство. А перестать быть помещичьей она не могла, пока не был в жестокой гражданской войне окончательно сломлен хребет социальных остатков помещичьего класса. Пока у них еще теплилась надежда, они дорого продавали свою жизнь. Контр-революции был в первую голову нужен военный аппарат, а все навыки, весь организационный опыт царской военщины был только у помещичьего класса. Дворянское офицерство почти поголовно, очертя голову, бросилось на Дон, в подполье, в эмиграцию.

Ну, а сейчас, когда помещичье крыло начинает терять гегемонию в контр-революции, — есть ли надежда у нее опереться на крестьянство?

У Ропшина в «Коне вороном» есть характерные места о «человеке будущего» в России, каким он рисуется автору:

— «Мы были барами, народолюбцами из дворян. Нас сменили новые люди. Они «мечтают» единственно о себе».

Все это у Ропшина в достаточной степени слащаво, надуто и ходульно, а главное — скопировано со старого народничества периода его мещанского вырождения. Однако, здесь есть нечто, типичное и для современности.

Как образец «нового человека», Ропшин приводит «Ивана Лукича».

— «Я хутор куплю,—говорит этот Иван Лукич.—А вы... Вы из бывших людей. Слопают вас».

— «Кто слопает?»—спрашивает Вреде, помещичий сынок и бывший гусарский поручик (как полагается, «совсем еще мальчик, белокурый, с розовыми щеками и с детским пухом вместо усов», «тонкие брови» и все прочее, за что его читателю полагается «жалеть»).

— «Да такие, как я»,—отвечает Иван Лукич.—«Хутор куплю, заведу голландских коров, лен посею и женюсь на богатой... Мне нужен порядок; я за собственность. А где собственность, там должен быть и закон».

— «А вы собственник?»

— «Нет. Но буду».

Он «работать хочет»:

— «Понимаете, для себя хочу, а не для барских затей или для социализации дурацкой. Ну, а при коммуне разве это возможно?

Ивану Лукичу «все равно—Совнарком, Советы, Учредительное Собрание или даже чорт собачий».

Он хочет «строить новую жизнь»:

— «Совдепскую»?

— «Нет, свою. Ну, а если даже совдепскую? Чем совдеп хуже земской управы».

Ропшину-Савинкову благоугодно было сделать так, что Иван Лукич пришел «строить новую жизнь» в «зеленую» банду прямехонько из Р.К.П. Пришел и «заявил мрачно»:

— «Я должен предупредить, что я большевик. Хочу стать зеленым».

Сколько во всем этом действительности и сколько просто благоугодного автору?

Насчет вырождения большевиков в хуторян что-то не слыхать. Конечно, бывают «обрастающие», но если это некий символ для нашей партии, то перед нами старая сменовеховская погудка, на которую можно только ответить: «блажен, кто верует».

Тип же «мечтающего единственно о себе»,—не желающего ни помещиков, ни «коммунии» Ивана Лукича схвачен, в общем, верно. Он прост и давно известен у нас решительно всем.

Сумеет ли он превратить «совдеп» в «земскую управу»? Опять старая сменовеховская погудка, которая забывает ту мелочь, что в «совдепе» Иваны Лукичи совсем не сидят, если они эксплуататоры,—а те, которые сидят, рядом с собой имеют бедняцкие и полупролетарские слои деревни и городских рабочих.

«Критическое» отношение самого Ропшина-Савинкова к Ивану Лукичу не новость, а перепев старого барски-интеллигентского народничества.

— Фи, мещанство, фи мечтают о собственности, — говорил старый народник, и, отворачиваясь от фактов, сочинял, называя их «социалистическими» всевозможные проекты укрепления мелкой собственности.

Непонимание своего классового значения, интеллигентское отскакивание от своего классового «базиса» всякий раз при прикосновении к нему, витание в облаках фразерства, боязнь запачкаться о мужицкий зипун и «провонять мужиком», таким, каков он есть,—все это на-лицо в «господине полковнике»—Савинкове.

Но на деле, когда в виде редких исключений народнический авантюризм ведет за собой не одних фанатиков, барчат и интеллигентов, а «зеленые» мужицкие банды, то лишний раз крахают при соприкосновении с жизнью старые утопические народнические иллюзии, сохранившиеся, как «атавизм», со времен борьбы с самодержавием. Жизнь обнажает социальный фундамент народничества в образе «крепкого» собственника—кулака.

* * *

Есть в последнем, поворотном выступлении Савинкова одна черта, делающая его выразителем довольно распространенного настроения, существующего в мелко-буржуазных массах и буржуазных кругах России. Это—нотки национализма.

У Савинкова это болезненный национализм политической приживалки, ущемленной в передних европейских министров за долгий период слезных заграничных скитаний.

— «Вот моя армия», — говорит Савинкову лорд Черчилль, показывая на карте расположение войск «русской» добровольческой армии.—«Я помню, как ноги у меня приросли к полу»; «я стиснул зубы и унижение свое положил в карман»,—рассказывает Савинков.

И вот, как один из важнейших итогов периода вооруженной борьбы с большевиками, признание:

— «А надо всем этим—иностранцы, иностранцы и иностранцы; надо всем этим сознание того, что я, русский, любящий свою родину,—в руках иностранцев, людей, которые ненавидят ее»... «Если ты русский, если ты любишь родину, если ты любишь свой народ, то преклонись перед рабочей и крестьянской властью и признай ее без оговорок».

Большевики оказались наиболее полно выражающими национальные интересы даже в глазах тех, что вчера говорил о «продаже России» ими. Сейчас, когда Советская власть на международной арене окончательно завоевывает прочное положение и почетное место для России, в этой стороне речей Савинкова заключается их основной политической итог.

Политика начинается там, «где миллионы». А если из речи Савинкова вычеркнуть этот националистически-сменовеховский момент, то в ней останутся лишь частичные разоблачения русской буржуазно-помещичьей и мелко-буржуазной контр-революции, которые немного прибавляют, в глазах масс, к тем политическим шишкам, которые уже нажила себе эта контр-революция.

А за вычетом этих разоблачений остаются «лирические» отступления, позерство, глубоко-интеллигентское самолюбование, способное разве лишь разбудить воображение институток, породы, слава «богу», вымирающей на Советской Руси.

Дж. Т. Мерфи

Полгода власти Рабочего Правительства.

(Письмо из Лондона).

С окончанием сессии нового парламента уместно будет подвести основные итоги внутренней и внешней политики—опирающегося на него рабочего правительства.

Сессия началась с того, что Макдональд принял тронную речь за основу своей правительственной политики, отказываясь от несения ответственности перед рабочей партией и независимой рабочей партии, и выступая, как человек беспартийный, ответственный только перед парламентом и «народом». Вместе с тем, партия Макдональда стала вести свою политику в рамках этих обещаний. Рабочая партия вынуждена была избрать особую «комиссию связи» для поддерживания контакта между правительством и исполкомом парламентской фракции рабочей партии, задача которой сводилась к тому, чтобы оказывать давление на правительство в тех случаях, когда оно уже слишком далеко уйдет от влияния партии. И характерно, что парламентская сессия заканчивается под знаком политической бури, во время которой действия рабочего правительства направляются рабочей партией в парламенте и вне его.

После упомянутого первого заявления в парламенте, которое было равносильно тому, что Макдональд согласен править, как глава коалиционного правительства, в порядке дня стал вопрос о признании СССР. Лозунг этот был весьма популярен в массах; русским вопросом началась парламентская сессия, русским вопросом она и закончилась в обстановке, доказывающей, как далеко ушло правительство Макдональда от рабочего класса и какой потребовался нажим для того, чтобы заставить его прислушиваться к голосу масс, ибо в течение всех четырех месяцев переговоров с советской делегацией, «рабочее правительство» боролось за интересы бондхольдеров (держателей ценностей) и бывших собственников, и только давление снизу заставило его взять примерительный курс, несмотря на беснование оппозиционных партий.

Этот нажим совпадает с тем моментом, когда «рабочее» правительство арестовывает редактора коммунистического «Воркерс Викли» («Рабочий Еженедельник») за крамолу. Опять рабочие возмутились, и правительство вынуждено было отступить. Но такие факты способствуют тому, что рабочие массы начинают более критически относиться к «рабочему» правительству, и если подписание англо-советского договора еще часто ставится в заслугу рабочему правительству, то все же рабочий при этом уже начинает мысленно делать оговорки, вспоминая, как этот факт произо-

шел. Рабочим не по душе все эти споры о долгах, и им неприятна забота правительства о собственниках. Все это заставляет их призадуматься.

В области социальных реформ следует отметить отмену перерыва в выдаче субсидий безработным после 24-х недель безработицы. (Перерыв этот должен был толкать рабочих к подысканию работы). Хотя эта мелкая реформа была элементарным долгом рабочего правительства, она вызвала большое удовлетворение среди рабочих. К тому же, правительство отменило некоторые обременения для рабочих в связи с социальным страхованием, как, например, появление перед особым комитетом из предпринимателей и рабочих в тех случаях, когда безработный уже получил в качестве субсидии такую сумму, которая превышает предусматриваемые нормы.

Далее рабочее правительство приписывает себе заслугу сокращения безработицы, но в какой мере это сокращение вызвано сознательной политикой рабочего правительства—это еще вопрос. Но, если даже так, то капиталисты от этого не пострадали, так как правительство здесь продолжало методы консерваторов и либералов. Рабочее правительство заняло такую позицию: вопрос о безработице не может быть решен до наступления социализма; но социализма, дескать, мы вводить не можем, так как у нас нет большинства в парламенте; остается только одно—как-нибудь помочь развитию капитализма и, таким образом, уменьшить безработицу.

Впрочем, в этом вопросе г. Сноуден, канцлер казначейства, лидер независимой рабочей партии, выражает другие взгляды. Он говорит, что разрешения вопроса о безработице следует искать по линии удешевления производства. Эту мысль он повторил несколько раз в своей речи на заключительном заседании парламентской сессии: «Если бы мы нашли способы развития судостроительной, металлургической и хлопчато-бумажной индустрии, безработица вошла бы в «нормальные» рамки. В этих целях министерство авиации ускорило постройку аэропланов, в частности моторов для них, что даст работу 15.000 рабочим. Конечно, эти аэропланы предназначены только для мирных целей, как, например, ...бросание бомб на непокорных туземцев в Ираке, Египте и Индии. Как бы то ни было, это один из способов разрешения правительством Макдональда вопроса о безработице, который был возвещен еще при постройке пяти крейсеров... Далее правительство ассигновало 5 милл. фун. стерлингов на постройку дорог. Кроме того, назначается особый комитет по электрификации, работы которого затянутся на 3 года и в распоряжение которого ассигновано 10 милл. фун. стерл. Предполагаются и некоторые другие мероприятия, на которые отпущено еще 3 милл. фунт. стерлингов. При осуществлении всех этих мер больше всего выигрывают подрядчики, так как все заказы передаются им. И неудивительно, что рабочие начинают спрашивать, где же, наконец, этот постепенный переход к социализму? Ведь, выходит наоборот, что рабочее правительство стало дойной коровой капиталистов.

Перейдем теперь к жилищному строительству, о котором так много говорят, и осуществления которого ждут с таким нетерпением. Рабочему правительству удалось продолжить действие закона, контролирующего квартирную плату в интересах квартиронанимателей, но оно потерпело поражение в вопросе о понижении квартирной платы и приостановки выселений. Так, например, в настоящий момент в Глазго собираются выселить 400 рабочих семейств. Правительство, однако, на этом еще может набить себе политический капитал, заявляя что оно хотело предупредить эти выселения, но помешали консерваторы и либералы.

Осуществление широкого плана жилищного строительства еще не началось. Согласно этому плану предполагается постройка 2.500.000 (два миллиона пятьсот тысяч) домов в течение 15 лет. В первый же год должно быть построено 90.000 домов с квартирной платой согласно довоенным нормам. Правительство будет субсидировать эти дома в размере 9 фунт. стерл., а муниципальные власти—4 фунт. стерл. и 10 шиллингов в год за каждый дом. Строить дома будут, главным образом, капиталисты-подрядчики, а не правительство. Подрядчики только джентльменски обещали не ударяться в спекуляцию и не использовать положения. Но как только осуществление жилищной реформы стало казаться реальным, цены на строительные материалы сейчас же поднялись. Стали также учащаться конфликты между рабочими и предпринимателями строительной промышленности. В связи с этим началась забастовка строительных рабочих, и министр здравоохранения Уитли, отец жилищной реформы, теперь пытается найти пути, как помешать строительным спекулянтам поднимать цены. Как бы то ни было, можно с уверенностью сказать, что и на этой реформе частные капиталисты не мало выиграют.

Далее, рабочее правительство восстановило комиссию по зарплате в сельском хозяйстве (Agricultural Wages Board). В то же время правительство согласилось субсидировать сахарную промышленность. Для 470.000 с.-хозяйственных рабочих установлена мизерная зарплата—27 шиллингов в неделю.

Правительство Макдональда приписывает себе особые заслуги в качестве миротворца в экономических конфликтах. Это больше импонирует предпринимателям, чем рабочим; рабочий чувствует, что во время забастовки рабочее правительство ему не помогает: он видит, как теперь, в связи с забастовкой грузчиков в Ковент-Гарден, полиция выступает в защиту штрейкбрехеров. Теперь, как и раньше, полиция зорко следит за забастовочными пикетами и всячески ограждает законный, т.-е. штрейкбрехерский, труд. В аналогичном положении находятся железнодорожники, которые помнят, как правительство употребляло штрейкбрехеров для доставки почты, как оно угрожало ввести в действие закон о чрезвычайных полномочиях и как некоторые члены рабочей партии высказывались за применение войск во время забастовок.

Что касается результатов выступлений правительства в роли миротворца в экономической области, то они могут быть иллюстрированы следующими цифрами. В течение первого месяца консервативного правительства в 1922—23 г. отмечено забастовочных дней 68.000, в которых участвовало 9.100 рабочих. В течение пятого месяца—834.000 дней при 86.000 рабочих; соответствующие данные при рабочем правительстве: первый месяц—629.000 рабочих дней при 82.000 бастующих, а пятый месяц—398.000 при 36.000 бастующих. Но правительство ставит себе в заслугу, что в то время, как в 1922 г. средняя продолжительность забастовки была 38 дней, в 1923 г.—14 дней, в 1924 она составляла лишь 8½ дней.

Далее, рабочее правительство, как будто оно и в самом деле регулировало экономические процессы, выступая перед рабочими, приписывает себе заслугу, что при нем участились наступательные забастовки, в доказательство чего приводятся следующие

цифры: в 1922 г. была 131 забастовка против сокращения зарплаты и ни одной за повышение; в 1923 г.—84 против сокращения и только 9 за повышение. Между тем, с начала 1924 г., что совпадает с приходом к власти рабочего правительства, против сокращения зарплаты было только 20 забастовок, а за повышение—77. Цифры эти, конечно, весьма интересны, но говорят они о повышении активности рабочего класса, а не о заслугах рабочего правительства. Ибо, что касается последнего, то вся его роль сводилась к тому, чтобы своим посредничеством помешать этим забастовкам при выгодной кон'юнктуре.

Обратимся теперь к вопросу о бюджете. Бюджет рабочего правительства расхваливался его сторонниками на всех перекрестках, как бюджет для домашней хозяйки, т.-е. бюджет, уменьшающий дороговизну, и бюджет «дающий кое-что каждому». Теперь о бюджете что-то меньше говорят. Индекс дороговизны теперь поднялся до того же уровня, как и до нового бюджета: и здесь уже заметно начало разочарований.

Так обстоят дела в области внутренней политики. А в области внешней политики, в области колониальной политики? Тут, во всяком случае, империалистам жаловаться не на что. Империалистическая и ройялистическая пропаганда за последние 6 месяцев превосходила все, что было в области английского империализма. Были бомбардировки в колониях, велась борьба с крамольными элементами внутри империи и, в частности, в Индии. Вопрос о морской базе в Сингапуре опять всплывает, строятся новые крейсеры, усиливается воздушный флот, проводятся улучшения в армии и особые кампании для набора добровольцев. Версальский договор остается в силе и еще «улучшен» и закреплен печатью банкиров Уолл-Стрит, а план Дауэса восхваляется, как успех дела мира.

Чего же еще желать империалистам? Но как влияет все это на английский пролетариат? Это уже другой вопрос. Но, во всяком случае, можно сказать—разочарование усиливается.

И. Сталин.

О компартии Польши *).

— Товарищи! У меня нет достаточного материала для того, чтобы говорить с той решительностью, с какой выступали здесь некоторые ораторы. Тем не менее, на основании тех материалов, которые я все-таки раздобыл, и на основании прений, которые имели здесь место, я составил себе определенное мнение, которым я хотел бы поделиться с вами.

Несомненно, что польская партия переживает ненормальное состояние. Внутри польской партии кризис — это факт. Это признал тов. Валецкий, это признали вы все, это выявилось с очевидностью, поскольку здесь был констатирован разлад внутри ЦК польской партии между практиками из членов ЦК и лидерами ЦК. Более того. Сам ЦК польской партии на своих пленумах в декабре прошлого года и в марте этого года признал в своих резолюциях оппортунистичность целого ряда своих действий и осудил их без лишних слов. Кажется, дальше некуда идти. Все это говорит, повторяю, о несомненном кризисе компартии Польши.

Где причина этого кризиса?

Причина в некоторых оппортунистических грехах в практике официальных лидеров компартии Польши.

Позвольте привести несколько примеров, подтверждающих это положение.

«Р у с с к и й» в о п р о с. Некоторые товарищи говорят, что этот вопрос, как вопрос внешней политики, не имеет решающего значения для польской партии. Это неверно. «Русский» вопрос имеет решающее значение для всего революционного движения как на западе, так и на востоке. Почему? Потому, что Советская власть в России — это база, оплот, прибежище революционного движения всего мира. И если в этой базе, т.-е. в России, партия и власть начинают колебаться, значит, все революционное движение во всем мире должно потерпеть серьезнейший минус.

У нас в РКП во время дискуссии начались колебания партии. Оппозиция, оппортунистическая по существу, своей борьбой против партии вела к расшатыванию, к ослаблению партии, стало быть, вела к ослаблению самой Советской власти, ибо партия наша — партия правящая, и она является основным руководящим началом государственной власти. Естественно, что колебания внутри РКП могли повести в дальнейшем к колебаниям, к ослаблению

*) Речь, произнесенная на заседании польской комиссии Коминтерна 3 июля 1924 г.

самой Советской власти. Колебания же Советской власти означают колебания революционного движения во всем мире. Именно поэтому разногласия внутри РКП и, вообще, судьба РКП не могут не иметь прямого отношения к судьбам революционного движения других стран. Вот почему «русский» вопрос, хотя он и является внешним вопросом для Польши, представляет вопрос первостепенной важности для всех компартий, в том числе и для польской компартии.

Итак, как отнеслись вожди польской партии к «русскому» вопросу? Кого поддержали они, оппортунистическую оппозицию или революционное большинство РКП? Для меня ясно, что вожди польской партии в первый период борьбы внутри РКП, борьбы с оппортунистической оппозицией, недвусмысленно поддержали эту оппозицию. Я не буду копаться в душе товарища Варского или Валецкого, для меня неважно, что думал Варский, когда он писал известную резолюцию ЦК компартии Польши за оппозицию. Для меня важны не намерения лиц, а об'ективные результаты этой резолюции. Об'ективные же результаты резолюции сводятся к тому, что она льет воду на мельницу оппозиции. Резолюция эта была поддержкой оппортунистического крыла РКП. В этом все дело. В период, когда ЦК польской партии принял эту резолюцию и послал ее в ЦК РКП, он представлял польское отделение оппортунистической оппозиции в РКП. Если считать, что оппозиция в РКП была некоторой фирмой, долженствующей иметь отделения в разных странах, то компартия Польши была тогда польским отделением этой фирмы. В этом суть оппортунистического грехопадения лидеров польской партии в «русском» вопросе. Это печально, но это, к сожалению, факт.

Германский вопрос. Он, после «русского» вопроса, имеет наиболее серьезное значение, во-первых, потому, что из всех европейских стран Германия наиболее чревата революцией, во-вторых, потому, что революционная победа в Германии есть победа во всей Европе. Если с какого-нибудь конца начнется революционная встряска Европы, то это с Германии. Только Германия может взять инциативу в этом отношении, и победа революции в Германии, есть полное обеспечение победы международной революции.

Вы знаете, что в истекшем году разгорелась борьба в компартии Германии между ее революционным большинством и оппортунистическим меньшинством. Вы знаете, до чего велико значение победы левого или правого крыла германской компартии для всего хода международной революции. И что-же? Кого поддержали лидеры ЦК польской компартии в этой борьбе? Они поддержали группу тов. Брандлера против революционного большинства германской компартии. Это признают теперь все, и друзья, и враги. Получилось то же самое, что и с «русским» вопросом. Если предположить, что в Германии существует некая фирма оппортунистической оппозиции коммунистической партии, то польские лидеры оказались польским отделением этой фирмы. Это опять таки печально, но с фактом ничего не поделаешь: факт нужно признать.

О методе борьбы с оппортунистической оппозицией. Тов. Костжева говорит, что они, т.-е. лидеры польского ЦК по существу за русский ЦК и, пожалуй, за германский ЦК в нынешнем его составе, но расходятся с этими учреждениями в

вопросе о методах борьбы с оппозицией. Они, видите ли, требуют мягких методов борьбы против оппозиции. Они за войну с оппозицией, но за такую войну, которая не влечет за собой жертв. Тов. Валецкий дошел даже до того, что воскликнул: помилуйте, мы за «тройку»! Я должен сказать, что никто не требует от Валецкого, чтобы он во всем поддакивал русскому ЦК. Затем, я не знаю, что это за «тройка», за которую так распинается т. Валецкий. Он забыл, что никто не обязан поддакивать во всем русскому ЦК. (Валецкий с места: «не обязан, но могу»). Конечно, можете, но надо же понять, что такое поведение ставит в неловкое положение и Валецкого, и русский ЦК. Дело вовсе не в поддакивании, а в том, что в России, в условиях нэп'а, народилась новая буржуазия, которая, не имея возможности выступать открыто на политической арене, старается прорвать фронт коммунизма изнутри, ища своих героев среди лидеров РКП. Ну, а это обстоятельство ведет к нарождению оппозиционных настроений внутри РКП, создавая почву для оппортунистического уклона. Дело, стало быть, в том, чтобы наши братские партии определили свое отношение к этому обстоятельству и заняли определенную позицию. В этом, повторяю, дело, а не в том, чтобы во всем поддакивать русскому ЦК.

Что касается умягченного метода тов. Костжевы, то должен сказать, что он не выдерживает ни малейшей критики. Тов. Костжева за борьбу с оппортунистической оппозицией, но за такую борьбу, которая не ведет к дискредитированию лидеров оппозиции, но, во-первых, история не знает такой борьбы, которая не влекла бы за собой некоторых жертв. Во-вторых, нельзя победить оппозицию, не считаясь с тем, что победа влечет за собой подрыв авторитета лидеров оппозиции, — иначе пришлось бы отказаться от всякой борьбы с оппозицией. В третьих, полная победа над оппозицией является единственной гарантией от раскола. Других гарантий партийная практика не знает. Об этом говорит вся история РКП. Германская социал-демократия еще в довоенное время, когда она была ортодоксальной, вела борьбу с оппортунизмом тем самым умягченным методом, о котором здесь говорит тов. Костжева. Но она добилась этим того, что победителем оказался оппортунизм, и раскол стал неизбежным. РКП вела борьбу с оппортунизмом, испытанным методом решительной изоляции оппортунистических лидеров. И она добилась того, что победил революционный марксизм, а партия приобрела исключительную сплоченность. Я думаю, что уроки РКП должны стать для нас поучительными. Метод борьбы, рекомендуемый тов. Костжевой, является отрыжкой социал-демократического оппортунизма. Он чреват опасностью раскола в партии.

Наконец, вопрос о руководстве партией. В чем состоит характерная черта в развитии коммунистических партий Запада в данный момент? Она состоит в том, что партии подошли вплотную к вопросу о перестройке партийной практики на новый, революционный лад. Дело идет не о том, чтобы принять коммунистическую программу и декларировать революционные лозунги. Дело идет о перестройке повседневной работы партии, ее практики, в том направлении, чтобы каждый шаг партии и каждое ее действие естественно вело к революционному воспитанию масс, к под-

готовке революции. В этом теперь суть дела, а не в принятии революционных директив.

Тов. Прухняк читал здесь вчера целую вереницу революционных резолюций, данных лидерами ЦК Польши. Он с победным видом зачитал эти резолюции, полагая, что руководство партии исчерпывается выработкой резолюций. Он и не догадывается, что выработка резолюций есть лишь первый шаг, начало руководства партией. Он не понимает, что основа руководства состоит не в выработке резолюций, а в их проведении, в их претворении в жизнь. В своей большой речи он забыл, ввиду этого, сообщить нам о судьбе этих резолюций, он не счел нужным сказать, выполнены ли эти резолюции и в какой именно мере выполнены компартией Польши. А между тем, суть партийного руководства состоит именно в выполнении резолюций и директив. Глядя на него, я вспоминал обычного советского чиновника, держащего «ответ» перед ревизионной комиссией. «Проведена ли такая-то директива», — спрашивает ревизионная комиссия. «Приняты меры», — отвечает чиновник. «Какие именно меры приняты», — спрашивает ревизионная комиссия. «Дано распоряжение», — отвечает чиновник. Ревизионная комиссия требует документа. Чиновник с победным видом представляет копию распоряжения. Ревизионная комиссия спрашивает: — «а какова судьба распоряжения, выполнено ли оно и когда именно?» Чиновник делает большие глаза, заявляя, что «сведений не получено». Ревизионная комиссия, конечно, привлекает такого чиновника к ответственности. Вот этого именно советского чиновника напомнил мне тов. Прухняк, когда он зачитывал здесь с победным видом революционные резолюции, об исполнении которых у него «сведений не имеется». Это есть не руководство партией, а издевка над всяким руководством.

Каковы же выводы? Выводы сводятся к следующему.

В о - п е р в ы х. Я решительно против того, чтобы в предстоящей партийной дискуссии в Польше провести водораздел между бывшими П. П. С. и П. С. Д. Это было бы гибелью для партии. Бывшие П. П. С. и П. С. Д. давно уже слились в единую партию, они ведут совместную борьбу с польскими помещиками и буржуазией, и делить теперь их ретроспективно на две части было бы глубочайшей ошибкой. Борьба должна пойти не по старой линии П. П. С. и П. С. Д., а по новой линии изоляции оппортунистического крыла компартии Польши. Полная победа над оппортунистическим крылом — в этом гарантия от раскола и залог сплоченности партии.

В о - в т о р ы х. Я решительно против, так называемого, отсечения, т.-е. против удаления некоторых членов ЦК из состава ЦК. Я вообще против перекройки ЦК сверху. Вообще надо иметь ввиду, что хирургическая мера, производимая без особой нужды, оставляет в партии плохой осадок. Пусть сама компартия Польши перестраивает свой ЦК на предстоящем с'езде или конференции. Не может быть, чтобы растущая партия не выдвинула новых вождей.

В т р е т ь и х. Я полагаю, что практические предложения, выдвинутые тов. Уншлихтом, вполне правильны. Было бы вполне рационально вместо нынешних Оргбюро и Политбюро, которые оторвались друг от друга, выдвинуть единый политический и практический центр, составленный из членов нынешнего ЦК Польши.

Тут высказывались сомнения на счет теоретических знаний и партийного опыта новых лидеров, выдвинутых революционной борьбой в Польше. Я думаю, что это обстоятельство не может иметь решающего значения. В жизни РКП бывали случаи, когда во главе громаднейших областных организаций становились рабочие с недостаточным теоретическим и политическим багажем. Однако, эти рабочие оказывались лучшими лидерами, чем многие интеллигенты с книжками в руках, но лишенные необходимого революционного чутья. Вполне возможно, что на первых порах дела пойдут не вполне гладко с новыми лидерами, но это не беда, — раз-два споткнутся, а там научатся руководить революционным движением. Никогда готовые лидеры не падают с неба. Они вырастают лишь в ходе борьбы.

И. Краваль.

Проблема заработной платы и производительности труда.

(Опыт обследования Надеждинского завода).

„Лозунгом дня должно стать увеличение производительности труда, расширение производства, удешевление изделий промышленности. Все внимание и все силы партии должны быть обращены в эту сторону". Постановление пленума ЦКРКП.

Вопрос о производительности труда в его общей постановке получил уже достаточную разработку, а пленум ЦК РКП в своем постановлении принял, что рост производительности труда отстал от заработной платы и что поднятие производительности труда—боевая задача, без разрешения которой невозможно дальнейшее развитие промышленности, а также невозможен рост заработной платы. Поэтому работа по поднятию производительности труда должна стать ударной, на которую должны быть направлены все силы партийных, профессиональных и особенно хозяйственных организаций. В настоящее время, после абсолютно обязательного для всех решения пленума ЦК, центр тяжести работы переносится на предприятие. В связи с этим меняется и характер работ на ряду с обсуждением общих вопросов в их теоретической постановке, связанных с производительностью труда: необходимо переходить к обсуждению конкретных мероприятий, направленных в эту сторону в условиях каждого треста, фабрики и завода. В отношении производительности труда инициатива и энергия предприятия должны будут определить наши успехи. Претворение в жизнь необходимых мероприятий непосредственно на предприятии является сейчас наиболее актуальной задачей в области производительности труда. Эта задача с успехом может быть выполнена, если нам удастся вовлечь в эту работу всю рабочую массу.

Какое значение вопросу о производительности труда в борьбе с капитализмом придавал т. В. И. Ленин видно из следующей цитаты: *).

«производительность труда, это, в последнем счете, самое важное, самое главное для победы нового общественного строя. Капитализм создал производительность труда невиданную при крепостничестве. Капитализм может быть окончательно побежден тем, что социализм создаст новую, гораздо более высокую производительность труда. Это есть дело очень трудное и очень долгое, но оно начато,—вот в чем самое главное» (разрядка наша. И. К.). «Коммунизм,—говорит Ленин,—начинается там, где проявляется самоотверженная, преодолевающая тяжелый труд забота рядовых рабочих об увеличении производительности труда, об охране каждого пуда хлеба, угля, железа и других продуктов, достающихся не работающим лично и не их «ближним», а «дальним», т.-е. всему обществу в целом, десяткам и сотням миллионов людей, об'единенных сначала в одно социалистическое государство, потом в Союз Советских Республик».

«Коммунизм,—говорит Ленин,—есть высшая против капиталистической, производительность труда добровольных, сознательных, об'единенных, использующих передовую технику рабочих» *).

Отсюда ясно, что всякий, кому дорого коммунистическое строительство, должен приложить все усилия к тому, чтобы всякими мероприятиями повысить прозводительность труда. Там, где плохо используется оборудование — степень его использования должна быть повышена, там, где не загружен рабочий день—должны быть приняты меры к его полной нагрузке полезной работой, там, где плоха организация производства—она должна быть улучшена путем устранения существующих недочетов и т. д., и т. п. Для разрешения этой «самой важной, самой главной для победы нового общественного строя проблемы» следует итти на повышение производительности как путем увеличения интенсивности труда, так и на повышение прозводительности путем ряда административно-технических мероприятий. Всякая односторонность по этому коренному вопросу была бы только задержкой и непростительной ошибкой, независимо от того, кто ее совершил.

Для того, чтобы наметить конкретные меры к повышению производительности труда, необходимо знать современное состояние предприятия со всеми его недочетами. При чем для большей точности, в смысле выявления действительной картины положения на предприятии, мы считаем методологически правильным сведение производительности труда и заработной платы к одному человеко-часу работы. Сравнение же на 1 человеко-день, месяц и год при разной продолжительности рабочего дня не в состоянии выявить картину достаточно точно. Для сравнения с 1913 г. мы зарплату и призводительность труда тоже приводим к человеко-часу, предполагая, что продуктивность часа труда при 8-часовом рабочем дне должна быть во всяком случае не ниже продуктивности часовой работы при 12 часовом рабочем дне. Наоборот, опыт всех стран (к сожалению пока кроме нашей) показал, что часовая производительность труда при сокращении рабочего дня не снижается, а, наоборот, повышается. Этого корректива в свой анализ мы не вводим, чтобы не быть обвиненными в пристрастии. При анализе калькуляции мы берем расход на зарплату на 1 пуд изделий, при чем в зарплату мы включаем всю зарплату как в прямых, так и в цеховых расходах, потому что иначе получились бы

*) См. собр. сочин. т. XVI, стр. 254.

*) См. собр. сочин. т. XVI, стр. 255.

цифры не сравнимые с 1913 годом, в виду того, что целый ряд категорий рабочих, числившихся в 1913 г. производственными, теперь переведены во вспомогательные, как это имеет место в целом ряде заводов, и наоборот.

После этих предварительных замечаний, перейдем к анализу данных по основным производственным цехам Надеждинского завода.

Доменный цех.

Останавливаясь прежде всего на технических результатах по доменному цеху, следует констатировать, что они выше довоенных. Кроме двух работающих домен, в настоящее время заново переоборудованы две домны, готовые к пуску.

Выход на печь в сутки возрос с 4.084 п. в 1913 г. до 5.435 п. в I—III кв. в 1923—24 хоз. году, т.-е. на 33% выше довоенного, что об'ясняется тем, что в то время, как раньше 2 воздуходувки работали на 4 печи, теперь они работают только на 2 печи, кроме того, в шихту сейчас идет значительный процент стружки (около 20%), дающий до 92% выхода, в то время, как выход из руд едва достигает 50%. Засыпка и снабжение топливом и сырьем идет бесперебойно, потому что то техническое оборудование, которое раньше использовалось на 7 печей, теперь используется на 2 печи. Выход на 1 короб угля тоже достиг довоенного уровня. Выход на 100 п. руды незначительно отстает от довоенного времени. Если взять и сравнить количество рабочих в 1913 г. и в I—III кв. 1923—24 г., то теперь оно составляет 61% от довоенного, при чем процент производственных рабочих к общему числу рабочих упал с 73% в 1913 г. до 63%. Теперь штат на одну печь по сравнению с 1913 г. возрос с 163 чел. до 209 чел., что дает увеличение на 12,8%, вызванное частично переходом с 12-час. смены до 8-ми.

По доменному цеху можно констатировать, насколько преувеличен штат вспомогательных рабочих. Так, например, число аппаратчиков возросло с 0,85 на домну до 4-х. Нагребщиков угольн. склада возросло с 5,7 до 12 ч. Нагребщиков руды—с 10 до 15 чел. Горновщиков—с 7 до 15 чел. и т. д.

Теперь перейдем к анализу главного, к вопросу о том, какова продуктивность рабочего доменного цеха на 1 отраб. человеко-час.

В 1913 году фактическая выработка на 1 чело-день производственного рабочего равна была 37,93 пуда, что в переводе на 1 человеко-час дает 3,16 п., в II кв. продукция на 1 чел.-час—3,33 п., в II кв.—3,25 и III кв. 3,47, т.-е., если продукцию 1913 г. принять за 100 по I кв.—105%, II кв. дает 103%, III кв. дает 110%.

Продукция на 1 раб. по цеху равна:

	1913 г.	2,55 п.	100%
I кв.	1923—24 г.	2,63 п.	103%
II кв.		2,58 п.	101%
III кв.		2,78 п.	109%

Отчетные таблицы говорят о повышении продуктивности труда до 109% довоенного в наилучший период в III кв. текущего хозяйственного года.

Теперь перейдем к вопросу о заработной плате. Официальная справка доменного цеха говорит нам о следующих зарплатах в доменном цехе:

	1913 г.	36 р. 27 к.
I кв.	1923—24 г.	48 р. 42 к.
II кв.		50 р. 44 к.
III кв.		50 р. 73 к.

т.-е., если принять заработок 1913 г. за 100, то 1 кв. дает 133%, II кв.—139 и III кв.—140%. Теперь сведем эти данные к оплате на 1 человеко-час. Деление месячной зарплаты в 36 р. 27 к. на месяц, число человеко-часов дает нам 36 р. 27 к.; 328 м. ч/ч.—11,06 тов. копеек или 15,02 червонных с другой стороны, деление месячной зарплаты по цеху (из допол. таблицы о зарплате) на месячное число отработ. человеко-часов дает нам следующую картину:

				% к. 1913 г.
	1923 г.	часовая оплата червон. коп.	15,02	100%
I кв.	1923—24 г.		22,69	151%
II кв.			25,37	169%
III кв.			23,51	156%

Сопоставление двух рядов цифр продуктивности труда и заработной платы, приведенных к 1 часу, говорит нам о значительном расхождении; в то время, как продуктивность достигла высшей точки, составя в III кв.: 109% от довоенного, часовая оплата за весь текущий год превысила довоенную, что говорит о том, что зарплата не только по темпу своего роста, но в абсолютных величинах значительно обогнала производительность труда.

Если же обратиться к отчетным калькуляциям, то мы увидим, что расход на зарплату возрос с 5—27 к. на пуд чутуна в 1913 г. до 7 р. 82 к., в черв. коп., в III кв. и составляет 148% от довоенной; если же принять во внимание также и социальные начисления на зарплату, то мы увидим, что расход на оплату труда составляет в III кв. 249, 24%, от расхода в 1913 г., это, конечно, ни в какой мере не говорит нам о благополучии в доменном цехе.

Хронометраж же, произведенный по доменному цеху, указывает на колоссальную незагруженность рабочего дня. По хронометражу загруженность рабочего дня фактической работой составляет для:

1.	Подмастерья	1 ч.	29 мин.	или	18,8%	от 8 час. раб. дня.
2.	Бороздовые	2 ч.	30 „	„	31%	
3.	Горновые	2 „	50 „	„	35%	
4.	Шлаковые	1 „	28 „	„	18,8—	
5.	Засыпщики шахты . .	1 „	38 „	„	20—	
6.	Каталя угля . . . . ,	2 „	25 „	„	30,6—	
7.	Каталя руды	1 „	30 „	домна № 3	18,8—	
8.	„ „	3 „	39 „	„ № 5	41,6—	
9.	Машинисты и т. д. . .	1 „	24 „	„	17,5—	
10.	Грузчицы	5 „	57 „	„	75—	
11.	Каталя крупной руды .	5 „	28 „	„	68—	

Анализ хронометража выявляет одну из причин усиленного расхода на заработную плату. Рабочий день огромного большин-

*) Для перевода товарных копеек в червонные взято реальное соотношение между червонным рублем и товарным в период ликвидации товарного рубля, когда 1 товарный рубль равен был 1,36 червонных рублей.

ства рабочих загружен всего на 18—35%, и только несколько категорий рабочих используют свой рабочий день на 70—75% от 8-ми часов.

Это говорит о том, что в доменном цехе для претворения в жизнь директивы пленума ЦКРКП, говорящей о необходимости добиться «полной загрузки рабочего дня» и «правильного соотношения между производственными и подсобными рабочими» — огромное поле деятельности, как для хозяйственных, так и для профессиональных организаций, при чем это относится не только к доменному производству Надеждинского завода, а еще в большей степени к доменному производству других заводов, где производительность труда гораздо ниже и где, следовательно, степень использования рабочей силы еще хуже, чем на Надеждинском заводе. Эта низкая загруженность рабочего дня говорит о том, что в этой области можно достичь весьма значительных успехов, которые, в свою очередь, создадут материальную базу для повышения производительности труда путем технического переоборудования и дадут возможность нам самостоятельно, независимо от Западной Европы решить самую важную и трудную проблему коммунистического строительства путем повышения производительности труда.

Мартеновский цех.

В 1913 г. 6,4 мартеновских печей обслуживало 676 рабочих, а теперь в III кв. 1924 г. на 4 печи—783 рабочих, т.-е. мы имеем 63% от 1913 г. печей и 115% рабочих, что говорит о явно разбухшем их количестве.

Если взять на выдержку несколько профессий, то мы видим, что число газовщиков выросло с 2-х до 6, канавных, при работе 6 печей в 1913 г.—2 чел., а при работе 4-х печей—9 человек.

Рабочие на крышах	с 2	до 6
Дровоносов	с 4	до 9
Каталей	с 6,7	до 16,5

Особенно преувеличенным является по мартеновскому цеху штат неквалифицированных рабочих.

Технические результаты по мартену следующие:

Выход в сутки.

1913 г.	4456 п.	
I кв. 23—24 г.	3853 „	4223 или 94% от 1913 г.
II кв. „	4262 „	
III кв. „	4452 „	

Выход на 1 куб. саж. дров:

1913 г.	384
I—III кв. 23—24 г.	264,29

	1913 г.	в I—III кв
На 100 п. болванки: годного	94,7—	90,4—
скрапу	4,7—	5,68—
угару	0,59—	3,88—

Несмотря на то, что в настоящее время в мартеновском цехе работают из 4-х печей три 50-тонных и 1—35-тонная, в то время,

как в 1913 г. из 7 печей только 2 были пятидесятитонные и пять 35-тонных, выход в сутки ниже довоенного.

В отношении расхода топлива мы видим значительно—на 44%—преувеличенный расход топлива, что об'ясняется в значительной степени тем, что мартен перешел от переработки жидкого чугуна к лому и твердому чугуну, а процент скрапу и угару тоже значительно повысился.

Продуктивность 1 часа производственного рабочего по мартеновскому цеху выражается в следующих величинах:

	В смену.		В час.	% к 1913 г.
1913 г.	49,94 п.	: 12 ч.	4,16 п.	100
I кв. 23—24 г.	28,84 „	: 8 „	3, 6 „	87
II кв.	23,34 „	: 8 „	2,92 „	70
III кв.	29,37 „	: 8 „	3,67 „	88

а продуктивность труда на 1 цехового рабочего равна:

	В смену.		В час.	
1913 г	36,77 п.	: 12 ч.	3,06 п.	100
I кв.	16,54 „	: 8 „	2,07 „	68
II кв.	15,69 „	: 8 „	1,96 „	64
III кв.	20,64 „	: 8 „	2,6 „	85

По вопросу о зарплате, также, как и о фактической норме выработки, мы имеем совершенно точную справку:

1913 г.	—	44 р.	70 к.
I кв.	—	49 „	70 „
II кв.	—	49 „	99 „
III кв.	—	48 „	12 „

При исчислении зарплаты на 1 чел.-час. делим годовую сумму зарплат на годовое число отработанных человеко-часов 383.621 р. : 292.320 ч/ч.—13 к. довоенных или 17,7 червонных.

1913 года	зарплата	17,7	черв.	коп.	100%
I кв. 23—24 г.	„	20,86	„	„	118%
II кв. „	„	22,17	„	„	128%
II кв. „	„	21,99	„	„	124%

За I, II и III кв. поденная зарплата получена в результате деления квартальной зарплаты на квартальное число человеко-часов работы. Проверка цифры 1913 г. делением 44,70 к. на месячное число чел.-часов дает те же 13 довоенных копеек или 17,7 червонных.

Анализ же отчетных калькуляций подтверждает отставание производительности труда от заработной платы, выразившейся в том, что расход на оплату труда на 1 пуд выпущенной мягкой болванки увеличился с 4,5 коп. в 1913 г. до 10 коп. в I и II кв. и 8,8 коп. в III квартала, т.-е. расход на зарплату на 1 пуд болванки, если 1913 г. принять за 100, в I кв.—222, во II кв.—243 и в III кв. —196, а если включить и социальные начисления на зарплату, то получим следующую картину:

1913 года		5,87 коп.	100%
23—24 года	I кв.	12,65 „	215%
„ „	II кв.	14,11 „	241%
„ „	III кв.	12,54 „	214%

Анализ, как отчетного материала, так и калькуляций, приводит к одному и тому же выводу.

Анализ хронометража фактического использования рабочего дня по мартеновскому производству выявляет следующую картину:

1. Старший при печи	5 час.	17 мин.
2. Подручные	3 „	52 „
3. Старшие канавные	5 „	25 „
4. Каменьщик	3 „	50 „
5. Подносчик	3 „	50 „
6. Шлаковщик	2 „	57 „
7. Женщина на крышках	2 „	42 „

Картина незагруженности рабочего дня, особенно для неквалифицированных рабочих, совершенно ясна. Кроме того, пуск новых двух домен в значительной степени может улучшить работу мартенирования в связи с переходом на жидкий чугун и даст возможность сократить штат, особенно вспомогательных рабочих, время которых меньше всего и теперь загружено продуктивной работой. Некоторым тормазом в смысле поднятия производительности труда могут служить требования инспекции охраны труда, не всегда считающейся с экономической целесообразностью и техническими возможностями. Конкретно, в отношении мартеновского производства инспекцией труда предложено на кран грузопод'емностью в 600 пудов ограничиваться грузом в 100 пудов до тех пор, пока не будут доставлены тормаза, а так как вес совка 40 пуд., то полезная грузопод'емность крана этим ограничивается, 60 пудами, вместо технически-возможных 560 пудов. Исполнение этого требования привело бы к колоссальному сокращению выпуска на 1 чел. и значительно сократила бы тем самым производительность труда. Лучше было бы, если бы инспекция, наряду с охраной труда, не забывала и об охране интересов производства, потому что и то и другое, неразрывно друг с другом связано. Сокращение производительности из этого требования не произошло только потому, что заместитель директора завода, кузнец Туманов, которому меньше всего свойственен бюрократический подход, предложил работать с полной загрузкой, взяв всю ответственность за последствия на себя. Там же, где во главе предприятия стоят не партийцы рабочие, а беспартийные специалисты, не всегда способные «брать ответственность на себя», требования такой, не в меру ретивой инспекции, могут сплошь и рядом приводить к значительному сокращению производства.

Рельсопрокатный цех.

В рельсопрокатном цехе число рабочих в 1923 году было равно 591, а теперь (III кв.)—725, т.-е. 123% от числа рабочих в 1913 году, при чем процент производственных рабочих к общему числу

в 1913 г. был равен 60%, а в 1923—24 г. в I кв.—36%, во II—33% и в III кв.—47,32%; это совершенно ясно говорит о том, что штат рабочих возрос, главным образом, за счет вспомогательных рабочих.

Продукция в пудах на 1 произв. рабочего в чел.-час.:

1913 года		6,27	к 1913 г.	100%
23—24 г.	I кв.	3,55	„	56%
„	II кв.	4,25	„	68%
„	III кв.	5,32	„	85%

На одного рабочего по цеху:

1913 года		2,76	100%
23—24 г.	I кв.	1,52	55%
„	II кв.	1,45	53%
„	III кв.	2,72	99%

Если взять продукцию на один человеко-час выраженной в довоенных ценах, то мы получим следующую картину:

1913 года		403774 р.	:	177600 ч./ч.	1 р. 27 к.	100%
23—24 г.	I кв.	197889 „	:	14000 „	1 „ 41 „	62%
„	II кв.	118600 „	:	97135 „	1 „ 32 „	54%
„	III кв.	306295 „	:	124949 „	2 „ 2 „	101%

За 9 месяцев 1923—24 г. среднемесячная продукция на 1 чел. день—1 р. 72 коп. или 76% от 1913 года.

Для заработной платы по рельсопрокатному производству, если произвести пересчет на 1 отработанный человеко-час, то мы получим следующую картину:

		В % к 1913 г.
1913 г.	37 р. 58 к. : 300 ч./ч.—16,9 черв. коп. 12,5 тов. коп. или	100
I кв.	получены делением —23,14 „ „	137
II кв.	месячных зарплат на —22,67 „ „	134
III кв.	месячное число проработанных чел.-час. —24,37 „ „	144

Отсюда видно, что рабочий получает по сравнению с 1913 г. зарплату за 1 ч/ч. значительно больше довоенной и что производительность труда значительно отстала от зарплаты.

Анализ отмеченных калькуляций подтверждает повышенный расход на оплату труда по сравнению с 1913 г. (включая и соц. начисления), с 8,89 коп. в 1913 г. до 15,3 коп. во II кварт. 23—24 г. и 11,8 коп. в III квартале.

			В % 1913 г.
1913 года		8,89	100%
23—24 г.	в I кв.	10,42	117,3%
„	в II кв	15,30	173%
„	в III кв.	11,81	133%

В итоге мы видим, что анализ на основе отчетных материалов проблемы зарплаты и производительности труда по рельсопрокатному цеху тоже подтверждает отстаивание роста производительности труда от роста зарплаты.

Сортопрокатный цех.

В сортопрокатном цехе число рабочих возросло по сравнению с 1913 г. с 480 до 502 в III кв., т.-е. на 5%, причем процент производственных рабочих упал по отношению к общему числу с 82% в 1913 г. до 45% в 1924 г., III кв. Производительность цеха в целом характеризуется следующими данными:

Стоимость средн. мес. в довоен. ценах.

1913 г.		143226 р.	100%
23–24 г.	I кв.	91104 „	63,61%
„	II кв.	99834 „	69,7%
„	III кв.	102651 „	71,75%

Продуктивность одного человеко-часа работы была равна:

1923 г.	143226 :	119040 —	1 р.	21 к.
I кв. 1923–24 г.	91104 :	78257 —	1 „	16 „
II кв.	99834 :	99874 —	—	99,9 „
III кв.	102651 :	90167 —	1 „	28 „

Среднемесячная продуктивность за 9 месяцев—880767 : 790589—1 р. 11 к. (92% от 13 г.).

Теперь посмотрим, как обстоит дело с заработной платой.

В 1913 г.	зарплата за 12 час. смену была	1—56 к.
1924 г.	I кв. „ 8 „	1—84 „
	II кв. „ 8 „	1—76 „
	III кв. „ 8 „	1—44 „

Переведя на человеко-час, получим:

1913 г.		17 черв. коп. или 13 тов. коп.	100%
1924 г.	I кв.	23 „	135%
	II кв.	22 „	139%
	III кв.	18 „	106%

Если взять продуктивность на 1 ч/ч. в пудах, то получим следующую картину на рабочего по цеху на 1924 г.:

		1913 г.	I кв.	II кв.	III кв.
Сутунка		1,998	1,47	1,68	1,96
	% к 1913 г.		0,74%	89%	98%
Обручка		0,46 п.	0,23	0,33	0,39
	% к 1913 г.		50%	72%	85%

В то время, как заработная плата за один обработ. человеко-час достигала 106% от довоенной, продуктивность 1 ч. рабочего колеблется около величины в 85—90%—это говорит о том, что темп роста заработной платы значительно обгоняет темп роста производительности. Другой ненормальностью в сортопрокатном цехе является полное несоответствие процента приработка к фактически выполняемой норме, в то время, как минимальная норма в течение ряда месяцев не довырабатывалась, рабочий получал приработок в 60—80% в течение этих месяцев, как это видно из следующей выдержки из отчетных материалов цеха:

	Фактическая выработка от минимальной нормы. Сутунка.	% приработка.
Октябрь	93,6	69,1
Ноябрь	92,5	86,8
Декабрь	94,3	83,9
Январь	82,7	84,6
Февраль	84,4	60,9
Март	99,1	84,7

При таких условиях рабочий экономически больше заинтересован в том, чтобы стан стоял, чем в том, чтобы стан работал, ибо за простой, часто являющийся результатом небрежного отношения к машине, он получает не только полную ставку, но и приработок. Нам кажется, что для оздоровления производства желателен переход на прогрессивную премию, которая, кстати сказать, практиковалась в 1913 г. Другим крупнейшим пробелом в работе сортопрокатного цеха является колоссальная и совершенно недопустимая незагруженность рабочего дня, которая нашла свое отражение в хронометраже, показавшем, что рабочий день целого ряда профессий загружен всего на незначительную величину.

Вальцовщ. обжима	1 ч. 49 м.
Вальцовщ. бараб.	1 ч. 22 м.
Вальцовщ. „ 600	45 м.
Кочережник у печи	1 ч. 06 м.
Подручник у печи	1 ч. 33 м. и т. д.

И только в некоторых профессиях рабочий день загружен на 50—60%.

Теперь перейдем к краткому анализу калькуляции:

Зарплата на 1 п. прокатки в 1913 г.	10	чер. коп.	100%
1923—24 г.			
I кв. „ „ „ „	21	„ „	204%
II „ „ „ „ „	8	„ „	83%
III „ „ „ „ „	12	„ „	122,7%

если принять во внимание соц. начисления на зарплату, то тогда % вздорожания к 1913 г. в I кв. будет 116%
„ „ „ III „ „ 40,4

Доля же зарплаты в себестоимости продукции возросла с 12% в 1913 г. до 24% в I кв., 25% во II кв., 16% в III кв., т.-е. доля зарплаты в себестоимости значительно возросла.

Анализ всего материала по данному цеху говорит о том, что рабочий день загружен полезной работой в очень незначительной степени, и что правильная организация труда и лучшее использование оборудования могут дать значительный производственный эффект. Нормы выработки ниже технически возможных. Необходимо установление более правильного соотношения между производственными и вспомогательными рабочими.

Завод в целом.

Перейдем теперь к анализу материалов по заводу в целом. Количество рабочих в III квартале составляет 6.515 чел. или от 7.767 чел. в 1913 г.—84%.

Среднемесячная стоимость общего выпуска по довоенным ценам в месяц в 1913 г. 684.287, а в 1923—24 в I кв. 347.372 или 50,7% от 1913 г.

во II кв. 310.580 или 45% от 13 г.
в III „ 475.385 „ 69% „ „

Стоимость выпуска на 1 раб. в месяц:

в 1913 г.	88 р. 10 к.		—	100%
„ 22—23 г.	43 „ 12 „		—	49%
„ 23—24 „	52 „ 22 „	I кв.	—	59%
	45 „ 44 „	II „	—	51,6%
	72 „ 97 „	III „	—	82%

Среднемесячная зарплата рабочих в черв. рублях:

в 1913 г.	37—24	—	100%
„ 23—24 г. I кв.	54—09	—	143%
II „	51—41	—	136%
III „	48—03	—	127%

т.-е. за заработок по заводу в 127% от 1913 г. в III кв. рабочий фактически дает продукция 82% от довоенного; имеется совершенно несомненный факт отставания продуктивности труда от зарплаты, в результате которого доля зарплаты возросла в стоимости по довоенным ценам с 43% в 1913 г. до 103,6% в I кв.; 113% во II кв. и 65% в III квартале, т.-е. доля зарплаты в процентах к 1913 г. возросла в

I квартале на 141%
II „ „ 163%
III „ „ 53%

Если взять и сравнить сумму выплаченных зарплат и продукцию за 1913 г. и за 9 месяцев текущего хозяйственного года, то мы получим следующую картину:

Сумма выплаченной зарплаты. в чер. руб		% средне-месяч. к 1913 г.		Продукция по довоен. ценам.	%
1913 г.	282060	100%		686287	100
23—24 г.					
X	327522	117%		427968	62,5
X	295032	105%		344460	50,3
XII	300026	106%		269687	39,7
1	262312	93%		233757	34
2	297379	105		315537	46
3	343973	122%		382444	56
4	295445	105%		458411	67
5	289442	103%		496923	72,5
6	299946	106%		470813	69
9 мес. зарплата.				9 мес. продукта.	
1913 г.	2538540	100%	1913 г.	6158583	100%
23—24 г.	2711077	107%	23—24 г.	3400000	55%

Из этой таблицы совершенно определенно видно, что в то время, как зарплата за 9 месяцев текущего хозяйственного года составляет 107% от зарплаты за 9 месяцев 1913 г., девятимесячная продукция предприятия составляет всего 55% от девятимесячной продукции 1913 г. величину в 2 раза большую при сравнении с 1913 г.

Дело не в том, что мы имеем переход с 2-х на 3-сменную работу, а в том, что рабочий сейчас в 1 час работы при 8-часовой смене не дает того, что он давал в 1 час работы при 12-сменной работе.

И это при том условии, когда во всем мире снижение рабочего дня привело не к снижению, а наоборот, к значительному повышению производительности, не только часовой, но и на поденщину.

Говоря о недочетах Надеждинского завода, нельзя обойти молчанием того недочета, от которого как от наследия эпохи «военного коммунизма» еще не в состоянии отделаться наши предприятия. Это политика полного самоснабжения, доходящая иногда до абсурда.

Например, на Надеждинском заводе в нескольких цехах велись поделочные работы, при чем себестоимость однотипной кровати в строительном цеху определялась в 4 р., в железнодорожном в 8 руб., а в механической мастерской в 17 руб. Себестоимость ведер в 2½ раза выше продажной кооперативной цены. Это, конечно, мелочи, но очень часто государству они стоят крупных сумм, особенно если принять во внимание, что буквально на каждом заводе мы имеем механические мастерския.

Часто созданные в эпоху военного коммунизма, стремящиеся изготовлять буквально все необходимое для предприятия. В результате из своих неприспособленных мастерских, предприятие получает «свои», но очень дорогие и плохого качества части машины, инструменты и т. д., а заводы, специально для этих работ приспособленные, у нас стоят незагруженные и потому вынужденные давать дорогую продукцию.

Незагруженность рабочего дня и недостаточное использование оборудования, явления типичные не только для Надеждинского завода. Если загруженность рабочего дня для Надеждинского завода составляет в среднем около 25—30%, то как же обстоит дело с загрузкой рабочего дня на предприятиях с еще более низкой производительностью труда? Можно с уверенностью сказать, что хотя там хронометраж еще не проводился, но картина будет еще менее отрадной. Мы обрисовали картину положения на заводе сознательно оттесняя отрицательные стороны, но не следует обойти молчанием того положения, что завод быстро изживает свои недочеты и в настоящее время профессиональные, партийные и хозяйственные организации все свое внимание сконцентрировали на вопросе о повышении производительности труда. Лучшим доказательством того, что завод быстро ликвидирует свои недочеты, является то что он увеличил свою продуктивность за 1 последний квартал на 53%. Гарантией того, что следующие месяцы дадут еще лучшие результаты, является то, что сейчас в эту работу вовлекается широкая рабочая масса, принявшая на партийном собрании решение «поднять производительность труда во чтобы то ни стало и приложить все старания к устранению всех недочетов, мешающих поднятию прозводительности труда».

А. Зайцев.

Единый сельско-хозяйственный налог.

Сельско-хозяйственный налог является чрезвычайно существенным звеном в системе нашего воздействия на явления, возникающие в связи с реализацией урожая или же приуроченные к этому моменту.

Хозяйственный год деревни закончен. Крестьянство произвело определенные массы продуктов. Шестнадцать миллионов крестьянских хозяйств учитывают результаты своего хозяйствования, приступают к их реализации и намечают перспективы для следующего хозяйственного года,—каждое по своему пониманию, хозяйственному положению. Из единичных актов реализации образуются массовые потоки сельско-хозяйственных продуктов (из деревни в город и внутри самой деревни). Точно также из многомиллионных, индивидуально намеченных перспектив дальнейшего хозяйствования складываются мощные потоки хозяйственных устремлений деревни. От силы, темпа и характера этих потоков зависит сила, темп и характер всей нашей хозяйственной жизни ближайшего периода. Ни то, ни другое не может быть оставлено без изучения. Ни то, ни другое не должно проходить мимо и вне нашего планомерного вмешательства.

Сельско-хозяйственный налог есть одна из форм подобного вмешательства. От того, с к о л ь к о будет из'ято при помощи единого налога и к а к будет из'ято, зависит очень многое.

Условия текущего года чрезвычайно усиливают удельный вес этой формы воздействия на деревню. Сельско-хозяйственный налог 1924—25 г. не есть налог 1923—24 или 1922—23 г.г. Это не та неуклюжая, раздражающая крестьянство, форма, все положительные стороны которой уничтожались градом обложений, сыпавшихся в дальнейшем на того же самого мужика. Это не тот налог, который умудрялся втискивать все разнообразие условий и результатов крестьянского хозяйства по СССР в жесткие рамки 99 клеточек налоговой таблицы, затрудняя этим самым целесообразное воздействие нашей политики. Это—не прошлогодний налог, незначительность которого возмещалась невыгодным для крестьянина соотношением цен на сельские и городские продукты. Это не прошлогодний налог еще потому, что его истинный смысл уже не замазывается и не затирается отсутствием твердого ценностного измерителя и т. д.

Налог нынешнего года един и гибок. Он в максимальной степени учитывает многообразие обстановки крестьянского хозяйства. Он вбивает крестьянину в голову одну твердую цифру

и вбивает ее в такой форме, что самому простому становится ясна—а подавляющему большинству, понятна и близка—наша политика. Короче говоря, налог текущего года обладает неизмеримо более действенными свойствами. Он становится д е й с т в и т е л ь н ы м о р у д и е м н а ш е й п о л и т и к и.

Наша налоговая политика в деревне отправляется от необходимости развития производительных сил в сельском хозяйстве. В соответствующих пунктах «Положения» мы имеем поэтому своеобразную «налоговую пропаганду» организационно-технической революции в земледелии,—пропаганду, связанную с определенными, подчас очень существенными, имущественными льготами. Конечно, по самой своей природе, налог не может не иметь характера лишь поощрительного средства, и ни в коем случае созидательного. Не нужно поэтому переоценивать эту сторону единого налога. Она предполагает у ж е н а ч а в ш у ю с я революцию. Что же касается самого начала, то технический переворот подталкивается сейчас не столько пропагандой и налоговыми льготами, сколько, во-первых, стихией ветра и дождя, периодически обрекающей крестьянина в жертву голоду, а, во-вторых, в еще большей степени—национализацией земли, уничтожившей преграду для свободного хозяйства и обеспечивающей крестьянину гибкость и применяемость к требованиям рынка. Это видно по площади посева засухоустойчивых хлебов и торговых культур, по некоторым из которых мы имеем значительное расширение даже против 1913 года: например, площадь под кукурузой увеличилась более, чем вдвое в 1913 г. 920.000 дес., в этом году около 1.900.000 д., под подсолнухом тоже (900.000 д. и 1.900.000 д.), под гречихой на 25% (1.900.000 д. и 2.400.000 д.), под просом на 50% 3.300.000 дес. и 5.000.000 дес.), под огородными и бахчевыми почти в полтора раза (2.800.000 дес. и 4.000.000 д.). Удельный вес площади перечисленных культур повысился больше чем вдвое, с 10% до 20% с лишним. Веления рынка и природы воспринимаются деревней, повидимому, сильнее, нежели предоставляемые ей по налогу льготы. Но если общественно-рыночные условия хозяйства (национализация, цены) даны, если дано н а ч а л о хозяйственной революции, вызванное ими, то льготы по налогу представляют далеко не лишнюю меру, как добавочный стимул технического прогресса.

Но кто является н о с и т е л е м этого последнего? Это—кардинальной важности проблема, требующая самого пристального внимания. Это вопрос о тех о б щ е с т в е н н ы х ф о р м а х, какие примет развитие производительных сил деревни, которое мы хотим форсировать сел.-хоз. налогом.

Технический переворот требует определенных материальных условий для своего осуществления, требует известного накопления средств и технического навыка. Те 40—50 миллионов рублей, которые мы сможем выделить для этой цели из наших средств в 1924—25 году представляют, конечно, микроскопическую величину по сравнению с требуемой суммой. Здесь поэтому требуется мобилизация собственных крестьянских средств, требуется инициатива самого крестьянства. Но «крестьянская инициатива» здесь и в обстановке сегодняшнего дня представляет из себя в массе своей кулацкую инициативу. Деревенский кулак—вот кто концентрирует в настоящее время материальные средства для улучшенных тех-

нических приемов, накопленные им на почве сельского хозяйства и операциями ростовщического и торгового характера.

Как раз к реализации урожая деревня приурочивает ликвидацию различного рода сделок (аренды, найма скота, орудий и т. д.), имеющих своим следствием дальнейшее хозяйственное упрочение кулака-кредитора за счет массы должников. И период реализации урожая, лишний раз выставит перед нами процессы перераспределения производительных сил деревни в пользу ее небольшой верхушки.

Деревенский кулак—вот кто претендует сейчас на звание носителя технического процесса в деревне.

Это означает, что деревня стихийно толкается на путь буржуазных общественных отношений. В сущности говоря, и налоговые льготы, которые в сумме около 4-х миллионов рублей предоставлены крестьянству за улучшенные способы земледелия (мелиорация, новые насаждения, производство семян различных культур), должны, по условиям теперешнего периода, пойти почти целиком в пользу деревенских богатеев (далеко, конечно, не всех, а лишь немногих, культурных хозяев). Эти четыре миллиона рублей пойдут на их дальнейшее усиление. Они представляют собою плату, которую деревенская беднота и середнячество, в лице советской власти, дают кулаку за выучку. Это—своеобрзаный выкуп от нашего неумения.

Отказывать в этой льготе мы не можем, так как прочие меры практического воздействия, имеющиеся в нашем распоряжении, пока что менее действительны. Но обратить внимание на явления, связанные с нею, мы необходимо должны. Ибо нам важно не развитие производительных сил вообще, а развитие их в определенных, социалистических, или переходных к ним, формах.

«Положение о едином сельско-хозяйственном налоге» с большой силой выдвигает эту сторону нашей политики в деревне. Оно исходит в данном случае из необходимости максимальной помощи низшим слоям крестьянства, поощрения форм общественной обработки земли (колхозами, кооперативами, комитетами взаимопомощи). Двадцать процентов крестьянских хозяйств, т.-е. около трех с половиною миллионов бедняцких дворов в этом году освобождены от налога либо полностью, либо наполовину. Величина скинутого таким образом с бедноты налога составит солидную сумму, в 22—23 миллиона рублей. Подоходно-поимущественный тип сельско-хозяйственного налога позволяет переложить эти 22—23 милл. руб. на более зажиточные слои крестьянства, из которых лишь наиболее культурные получают, как было указано, 4-миллионную льготу.

Таким образом, если экономическая стихия деревни толкает ее на путь буржуазного развития, перераспределяя произведенные там средства в пользу кулачества, то острие нашей политики направлено в обратную сторону: налоговым перераспределением производительных сил деревни затормозить—в пределах экономической возможности и целесообразности—развитие в ней капиталистических отношений. Мы сейчас не настолько сильны, чтобы дать мощную и решающую поддержку социалистическим и переходным формам земледелия. Потому у нас и существует нэп, что мы пока что еще не в силах этого сделать. Наша текущая задача, разрешаемая, как налоговыми, так и кредитными и прочими мерами, сводится к тому, чтобы к моменту усиления материальных рессурсов социалистического влияния — нам не столкнуться с черезчур укрепившимися (за наш счет) буржуазными отношениями. Переложение налоговых тягот на носителей сельского капитализма с плеч деревенской бедноты, поэтому целиком оправдается как общими задачами нашей эпохи, так и конкретными задачами сегодняшнего дня. Не нужно, конечно, закрывать глаз на политические последствия, которыми чревата эта линия. Но тут за нами будет многомиллионная масса бедноты, освобождаемая нами от налоговых тягот за счет этих верхов. Нужно лишь закрепить наше влияние на середняка. Устранить те (может быть единичные) факты, когда, по некоторым сообщениям, середняк платит большую часть своего дохода, нежели кулак. Изучить это внимательнее, уточнить единый налог, как орудие социалистической политики, а также в области других мероприятий (кредит, кооперация и т. д.), бить в эту точку «с превеликим упорством».

Таковы задачи и характер нашего налогового вмешательства в массовые внутридеревенские потоки сельско-хозяйственной продукции.

Нет сомнения, что здесь имеется много такого, что подчинено нашему контролю и регулированию лишь в незначительной степени. Например, бич бедноты—осеннее и весеннее колебания хлебных цен. Мы не можем тут выделить, например, менее зажиточные слои крестьянства в смысле сроков уплаты сельхоз. налога с тем, скажем, чтобы хлеб реализовался ими для уплаты налога при более повышенных ценах, а остальными (более зажиточными) слоями в более низких ценах. При накоплении известного опыта, подобное варьирование сроков уплаты налога в зависимости от высоты налога могло бы представить не невозможную меру. Но опыта такого у нас еще нет, необходимые пропорции еще опытом не установлены. А пока, из колебаний хлебных цен, зажиточное крестьянство войдет укрепившимся за счет менее состоятельного. Здесь оно возьмет некоторый реванш за счет переложенных на него от бедноты 22—23 миллионов рублей.

Ряд серьезнейших вопросов возникает при рассмотрении товарных потоков между городом и деревней. Здесь вопросы сельско-хозяйственного налога переплетаются в сложном клубке с проблемой смычки государственной промышленности с крестьянской (т.-е. в массе своей, середняцкой) экономикой, проблемой цен, заработной платы, борьбой за твердую валюту, хлебозаготовительной политикой и т. д., и т. д.

Крестьянское хозяйство в текущем году находится в своей массе по отношению к городу на значительно укрепившихся позициях, если для сравнения брать истекший 1923—24 г. Это было целью нашей политики, с избытком нами достигнутой. Правда, размеры сельхозналога установлены в текущем году несколько повышенные (260 м. р., плюс надбавка в 90 м. р.), по сравнению с 1923—24 г. (всего взято от крестьянина около 320 м. р.). Процент повышения, впрочем, достигает лишь 10. Но этот излишек целиком покрывается из повышенной цены на хлеб. Приняв во внимание повышенный уровень цен, мы получим следующее примерное соотношение налога к чистому доходу сельского хозяйства.

	1923—24 г. [1]	1924—25 г. [2]
Валовой сбор зерн. хлебов, плюс запасы	3.100 м. п.	2.750 м. п.
Продовольствие и корм .	1.800 » »	1.750 » »
Семена	580 » »	600 » »
Чистый остаток	720 » »	400 » »
Или в деньгах	385 м. р.	320 м. р.
Валовая продукция остальных отраслей с.-х. . .	1.700 м. р.	1.950 м. р.
Из них товарн. остатков .	645 » »	750 » »
Всего тов. остатков . . .	1.030 м. р.	1.070 м. р.

Тяжесть налогового обложения, взятого по отношению к чистому доходу сельского хозяйства (валовой сбор за вычетом продовольствия, корма и семян) выражается для текущего года в 32%. Для прошлого же года в 31%. Таким образом, некоторое увеличение абсолютной величины сельхозналога (на 10%) почти совершенно ликвидируется соотношением прошлогодних и нынешних цен и ростом культур незерновых.

Приняв в соображение, что в 1923—24 году мы перекладывали на крестьянина значительную долю эмиссионного налога, нужно будет сказать, что крестьянство получает в этом году большое облегчение.

А именно? 350 миллионам рублей, составляющим 8 с лишним процентов от валового дохода и 32% от чистого (за вычетом семян, продовольствия и корма) дохода сельского хозяйства,—противостоят 420 миллионов руб. прошлого года (вместе с эмиссионным налогом), что составляет 12,5% от валового дохода и 41% от чистого (в указанном смысле). К этой нагрузке должны быть добавлены средства, извлеченные из сельского же хозяйства в период особо высоких цен на продукты промышленности.

Таким образом, в прошлом году мы держали сельское хозяйство в чрезвычайном напряжении ее сил. Это напряжение должно было быть ослаблено. Крестьянская «лошадка» долго не выдержала бы такого груза. Сельское хозяйство сильно поддержало нашу промышленность в прошлом году. Оно приняло на себя тяжесть эмиссии. Оно много заплатило за нашу бесхозяйственность. И поэтому нужно уменьшить, ослабить чрезмерное использование рессурсов сельского хозяйства.

И мы это сделали. Мы изменили прошлогодние пропорции в распределении результатов нашего хозяйства в целом. Мы свели все сборы с сельского хозяйства к 350 милл. руб. Мы скинули с деревни часть тяжести, несмотря на наше напряженное положение в связи с недородом. Ибо нельзя нашей промышленности брать от сельского хозяйства слишком много. Это—отраженным ударом повлияет на самое же промышленность. Не скинуть—нельзя.

---

[1]) Вычисления В. Громана, несколько округленные.

[2]) Цифры, конечно, предположительные, с учетом некоторого сокращения продовольствия и корма (по случаю недорода), некоторого увеличения посевной площади 24—25 года. Валовая продукция не зерновых культур взята из расчета 20%—ного увеличения посевной площади (Огановский) и некоторого по животноводству.

Это и есть та целесообразная уступка, которую мы делаем середняцкому крестьянству. В дополнение к этой прямой уступке, крестьянство имеет возможность на одну и ту же сумму купить гораздо большее количество городских продуктов, вследствие сильно пониженных (против прошлого) цен. Все это—экономически вполне целесообразно, потому что, не уступая в основном позиций социалистического города, дает главной, середняцкой, массе крестьянства некоторый стимул к дальнейшему восстановлению сельского хозяйства.

Размеры сельско-хозяйственного налога, его удельный вес в общей продукции сельского хозяйства, таким образом не мешают этому процессу восстановления, а отчасти даже стимулируют: город берет у сельского хозяйства меньший процент его продукции.

В вышеочерченых размерах это можно считать «справедливой» уступкой. Но все же это — уступка, материальная уступка, измеряемая с лишним сотней милл. руб. И эту, недостающую по сравнению с прошлым годом, сумму, необходимо возместить. Возместить из других источников.

Здесь перед нами с новой стороны, в новом освещении встает злободневная проблема производительности труда в нашей государственной промышленности. Ведущаяся в этой области кампания, обосновывается и с этой стороны.

Указанные выше «справедливые» уступки развитию сельского хозяйства, могут быть сорваны (в ущерб социалистическому городу) ростом хлебных цен. Хлебные цены имели повышательную тенденцию вплоть до середины августа, когда можно было констатировать перелом. Теперь мы находимся, несоменно. в полосе понижательной тенденции. К 1-му сентября средняя цена пуда ржи по Европейской части СССР понизилась до 96 коп., с 1 р. 4 коп. на 21-е августа. Производящий район без недородных мест дал понижение за тот же период 12%. Этого еще мало; это далеко не то, что может переварить наш желудок. Необходим об'единенный фронт наших налоговых и хлебозаготовительных действий для достижения намеченной нами цифры (75 коп. за пуд). На некоторое время необходимо добиться некоторого понижения даже против этой цифры. Не нужно забывать, что на 80-ти миллионах пудов, которые мы должны по плану заготовить за август—сентябрь, мы переплачиваем не менее 10 миллионов рублей на излишек цены свыше 75 коп. Их придется возмещать из тех же хлебных цен.

Что же касается самой цифры 75 коп., то она представляется довольно реальной. Приведенная выше в табличке сумма хлебных остатков (400 м. п. против 700 м. п. прошлого года), которая будет брошена на рынок, дает базу, на которой мы сможем оперировать. Нужно только умелое маневрирование «в решающих пунктах. в решающее время». Маневрирование сводится к овладению механизмом спроса и предложения хлеба. При этом наши хлебозаготовительные организации будут выступать и на стороне спроса, и на стороне предложения, при чем эти операции должны быть строго согласованы с взиманием сельско-хозяйственного налога, стимулирующим предложение. Главные массы налога будут из'яты последовательно к 1-му ноября и к концу 1924 года. Это—решающие сроки, и к ним должна быть приурочена заготовка главных хлеб-

ных масс. К 1-му ноября должно быть сдано 45% налога (что составит цену 180—200 миллионов пудов ржи). И к этому же моменту наши организации должны заготовить 45% от намеченных в плане 380 милл. пудов., т.-е. 170 милл. пудов. К 1-му января должно быть сдано 70% налога и выполнен такой же процент заданий по хлебозаготовкам.

Таким образом, налоговые операции должны по плану развиваться строго параллельно с хлебозаготовительным планом, с тем, чтобы моменты концентрированного спроса падали на период аналогичного же предложения хлеба.

Роль сельско-хозяйственного налога, таким образом, выходит здесь далеко за пределы простой налоговой операции. Он становится здесь одним из решающих регуляторов хлебного рынка, хлебных цен, а, следовательно, и высоты заработной платы рабочим.

Конечно, все эти маневры требуют сильной и своевременной финансовой поддержки. Здесь для нас кроется большое испытание. Финансирование закупок, высокие цены на хлеб — все это ставит под угрозу покупательную способность нашего рубля и будет, таким образом, прощупывать основательность нашей денежной реформы. На это испытание необходимо ответить максимальным ускорением оборота нашего капитала, с одной стороны, и согласованным давлением на предложение хлеба и цены на него— с другой. Судя по цифрам необходимых заготовок и уплаты налога на 1-е ноября и 31-е декабря, нажим на предложение хлеба все же будет серьезный. Сельхозналог представляет достаточную силу для того, чтобы держать предложение крестьянством хлеба на необходимой высоте.

Однако, мы не должны упустить из виду и предложения остальных сел.-хоз. продуктов. Ведь, в конце-концов, оно может порвать наш фронт и сломать наш план заготовок, нашу политику цен, значительно уменьшить действенность нашего налогового пресса. Здесь необходимо усилить действие единого налога другими мерами. Из этих последних основным является стимулирование крестьянского предложения усиленным снабжением их удешевленными продуктами промышленности.

Такое место занимает сельско-хозяйственный налог в системе мероприятий, связанных с отношением социалистического города и деревни. Об'ективный смысл этого налога сводится к тому, чтобы привлечь мелкобуржуазную деревню к материально-финансовой поддержке социалистического строительства, чтобы (политикой цен и т. д.) обеспечить социалистическому городу справедливую долю в общей сумме производства, но таким образом, дабы востановление самого сельского хозяйства отнюдь не было задержано в своем темпе. Конечно, задача эта не из легких и требует много гибкости. Но для опасений последнего рода нет оснований. Деревня, как и город, подведет свой баланс с плюсом. Она уплатит почти такой же налог (в 350 м. р.), она вычеркнет из расходной графы эмиссионный налог (в 100 м. р.) а на оставшиеся 700 милл. рублей купит продуктов промышленности в полтора раза больше, чем в прошлом году могла купить на остаток в 600 милл. р.

А. Слепков.

О пропаганде ленинизма в рабочей партийной школе *).

V. Ленин, империализм и колониально-национальная проблема.

1. Эпоха финансового капитализма, как высшая стадия капитализма.

Колониальная политика империалистических государств. Войны, как метод конкурентной борьбы.

2. Национальное движение, как величайший фактор разрушения мирового капитализма.

Сочетание пролетарской революции с колониально-национальным антиимпериалистическим движением, как непременное условие победы мировой социалистической революции.

3. Лозунг национального самоопределения. Реформистское и революционное отношение к этому лозунгу.

4. Необходимость градуирования национальной политики в зависимости от исторической ступени развития данной страны.

Цель этой политики—в направлении национально-освободительного движения против империализма и об'ективного подчинения его интересам мировой пролетарской революции.

5. Колониально-национальная проблема в Советском Союзе (Союз Советских Республик).

Литература для слушателей: Ленин. — «Империализм, как новейший этап капитализма» (гл. «Империализм, как особая стадия капитализма» и глава «О колониальной политике империализма»); он же, т. XIX.—«Тезисы по колониальному и нац. вопросу на II конгрессе Коминтерна».

Для руководителя: весь XIX том Ленина; Бухарин—«Мировое хозяйство и империализм»; Сталин. Сб. ст.—«Марксизм и нац. вопрос»; он же — «Октябрьский переворот и нац. вопрос»; «Протоколы XII с'езда РКП» (дебаты по нац. вопросу).

VI. Ленин — РКП—Коминтерн.

1. Мировое хозяйство, мировое разделение труда, мировые социальные связи. Пролетарская революция, как неизбежно-мировое явление.

*) См. №№ 9 и 10 „Большевика“.

2. На пути к Коминтерну, как штабу мировой пролетарской революции.

I Интернационал; его предпосылки, деятельность и причины краха.

II Интернационал, его разложение и гибель.

Борьба за воссоздание Интернационала в эпоху мировой войны (Циммервальд и Кинталь).

3. Ленин о связи российской пролетарской революции с мировой.

Взгляд на российскую революцию, как на фактор мирового социалистического переворота. Воссоздание Интернационала с победой диктатуры пролетариата в России.

4. Борьба за пролетарские массы против II Интернационала. Единый фронт. Градуирование методов единого фронта в зависимости от соотношения классовых сил и характера социально-политической обстановки страны.

5. Борьба за овладение мелкой буржуазией, как союзником в борьбе с капиталом. Крестьянский Интернационал.

6. Борьба с правыми и левыми уклонами внутри Интернационала.

7. Организационные принципы III Интернационала. Построение организации «сверху» и «снизу».

Организационная инициатива «сверху» в первоначальный период организации Коминтерна. Так наз. 21 условие. Демократический централизм, как организационный принцип Коминтерна.

Литература для слушателей. Ленин. XIII том.—«Крах II Интернационала», он же—«Детская болезнь левизны». Он же—«Речи на конгрессах».

Для руководителей: Ленин и Зиновьев.—«Против течения». Они же—«За III Интернационал»; протоколы конгресса Коминтерна.

VII. Организационные принципы большевизма *).

1. Связь организационных вопросов с программными и тактическими. Партия строится соответственно целям, путям и средствам борьбы за коммунизм, т.-е. соответственно ее программе и тактике. Вопросы партийного строительства разрешаются с точки зрения задач партии в революции вообще и в данный момент ее, в частности. В силу этого, организационные вопросы всегда имеют определенное политическое содержание и не могут быть отделены от политики, т.-е. от борьбы за коммунизм.

2. Организационное обеспечение правильной политики коммунистической партии. Правильное выражение партией об'ективных исторических интересов пролетариата на каждой ступени развития революции должно быть обеспечено следующими условиями:

*) Настоящая глава, разработанная совместно с т. Астровым, дана здесь в виде тезисов, а не короткого плана в виду того, что разбираемая в ней тема, во 1-х, мало разработана в большевистской литературе и во 2-х, имеет особенно актуальное значение после пережитой партией дискуссии по организационному вопросу. Эти соображения—с нашей точки зрения—вполне извиняют некоторую диспропорциональность отдельных частей плана занятий.

а) Партия вбирает в себя наиболее сознательное и передовое ядро рабочего класса (ячейка на предприятии—основная, первичная организация партии).

б) Не растворяясь в классе, но и не замыкаясь в секту, партия организационно связывается со всей массой рабочего класса (фракция в профсоюзах, фабзавкомах, кооперативах и пр.).

в) Являясь партией особого класса—пролетариата, но ограждая себя и от цеховщины,—партия организационно связывается с мелко-буржуазными массами, попутчиками пролетариата в революции (фракции в Советах Раб и Крест Деп., в парламентах и пр.).

3. Выходцы из других классов в пролетарской партии.

Ориентируясь преимущественно на рабочий состав, коммунистическая партия не закрывает дверей для выходцев из других классов, поскольку эти выходцы переходят на точку зрения пролетариата. Партия отвергает «махаевщину» так же, как и «крестьянофобство» внутри партии. Историческая неизбежность факта выработки марксистской идеологии интеллигентами. Отсутствие прибавочного продукта у рабочего класса, как причина его культурной отсталости по сравнению с буржуазией до диктатуры пролетариата. Идеологи из рабочих; малочисленность их в прежнее время, ускоренный рост их рядов при диктатуре пролетариата.

Преданность интересам пролетариата отдельных выходцев из других классов. Эти выходцы, как проводники оппортунизма, при массовой их проверке. Особая трудность переварки в партии лиц с социально чуждой и застарелой идеологией (выходцы из других партий).

4. Профессиональный революционер, как основной тип члена партии.

Особая трудность сохранить этот тип для правящей партии, которая ставит своих членов на обыденные профессии. С одной стороны, появляется опасность превращения коммуниста в советского служащего ведомственника и т. п. С другой стороны, под видом революционеров-коммунистов к партии примазываются карьеристы и проходимцы.

5. Накопление партийного опыта, как условие роста и побед партии.

Трудность выработки вождей, без которых невозможно устойчивое и правильное руководство партией. Важность преемственности партийного руководства. Проблема партийных поколений на Западе, в период измены старых вождей II Интернационала, и у нас. На Западе коммунистическая молодежь растет в борьбе со старыми «вождями», у нас молодежь перенимает в совместной работе незаменимый опыт старой большевистской гвардии, воспитавшейся в дореволюционном подпольи.

6. Демократический централизм, как основной принцип внутрипартийного строительства.

Централизм, включающий строжайшую дисциплину, как необходимейшее условие единого действия всей партии. Особая важность централизма и действия «сверху» в военные и

вообще боевые периоды, а также при наличии мелко-буржуазной стихии вокруг партии.

Демократизм и равенство в партии, не как формальный мелко-буржуазный принцип, а как подчиненное целям борьбы, средство максимально выявить и отобрать все активные и здоровые силы, растущие «с низов» партии.

Демократизм не «противопоставляется» централизму, а оба они представляют из себя две оборотные стороны одного и того же принципа демократического централизма, выявляя каждый свои преимущества для партии в различные исторические периоды.

7. Гибкость организационных форм, изменение их в зависимости от хода классовой борьбы (соединение и смена периодов легальной и нелегальной работы; приход к власти и чистка партии; курс на свертывание и на развертывание демократии и т. п.). Из этого, однако, отнюдь не вытекает беспринципность в организационном вопросе. Основной тип большевистской организации и основные принципы ее построения не изменяются на всем протяжении борьбы.

8. Оппортунизм в организационных вопросах.

Оппортунизм, буржуазные и мелкобуржуазные влияния в организационном вопросе, также имеет свой особый тип, специфические формы проявления. Они ведут к ослаблению революционного действия партии через ее разложение и растворение в стихийном движении рабочих масс или же в других классах. Это разжижение, разводнение партии идет по трем основным линиям:

а) Организационное разжижение партии — подрыв централизма и дисциплины со стороны неустойчивых, преимущественно мелко-буржуазных элементов партии под флагом «демократизма», «свободы критики», «равенства» в партии и т. п. При этом, для оппортунизма характерно чисто формальное отношение к приведенным лозунгам. Эту тенденцию Ленин (в старое время и Каутский), определял, как «демократизм против бюрократизма».

б) Идейное разводнение партии. Подмена единства партии на идейной, принципиальной основе чисто формальным, внешним «единством» разномыслящих фракций, группок и лиц. Девиз этого беспринципного «примиренчества»: «живи и жить давай другим».

в) Разжижение социального состава партии классово-чужеродными и неперевваримыми элементами.

Неоформленность оппортунизма, как его отличительное свойство, особенно при зарождении (пример последней дискуссии; см. об этом также: Ленин—«Шаг вперед, два шага назад»).

9. Вопросы единства и раскола.

1. Непримиримая борьба с уклонами, как залог единства партии, создающегося исключительно на идейной основе. Важность пресечения уклонов в зародыше.

2. Путь РКП к единству: борьба с меньшевизмом и «левизной». История раскола с меньшевиками:

а) Организационные разногласия 1903—4 г.г., превращение их в тактические и программные.

б) Об'единение с меньшевиками в 1905—1906 годах; его условия—тяга рабочих масс к единству, «полевение» меньшевиков вслед за под'емом революции.

в) Раскол в 1908—12 годах, вследствие углубления разногласий (ликвидаторство—законченный реформизм) и в условиях поддержки большевиков большинством сознательных рабочих, отвергнувших ликвидаторство (осуществление «единства снизу» в думской кампании, в страховой кампании, в легальной печати).

г) Приход к власти и вопросы единства:

1) Партия несет ответственность перед мировым пролетариатом, неизмеримо большую, чем раньше; 2) раскол партии грозит расколом и гибелью диктатуре пролетариата; 3) отколы ничтожных группок и отдельных лиц,—вроде Мясникова, «Рабочей группы», «Рабочей Правды»,—не есть раскол, если он не задевает массы; 4) особая опасность откола тех или иных вождей существует, как опасность раскола, постольку, поскольку (или: если) за ними могут пойти, при известных условиях, массы; 5) раскол партии в России неминуемо привел бы к гибели диктатуры пролетариата, если бы он проистек из раскола между рабочим классом и крестьянством или был бы об'ективно связан с расколом этих классов.

Литература для слушателей. — Ленин, «Детская болезнь левизны», главы II, IV, V и начало VI-ой. — «Что делать?, главы IV и V. — «Шаг вперед, два шага назад», главы «ж», «з», «и», «р».—«Заметки публициста» 1910 год; глава 1-ая: «Два взгляда на об'единение».

Литература для руководителя: Указанные выше брошюры и статья целиком.—Сборник: «Ленин о партийном строительстве». — Сорин: «Учение о партии». — Материалы последней партдискуссии.

* * *

Наш очерк был бы неполным, если бы мы не сделали в заключение несколько замечаний методического характера в узком смысле этого слова.

Каковы должны быть формы занятий? Какое место в общей системе занятий должны занимать лекция и кружковое занятие? Какова роль руководителя кружка?

Несомненно, что занятия должны быть основаны на самодеятельности учащихся. Форма кружкового занятия — с этой точки зрения—должна быть преимущественной, довлеющей. Однако, лекция в наших условиях еще далеко не потеряла своего практического смысла.

Во-первых, рабочий партиец—как правило—не имеет возможности читать на дому и нуждается в сообщении ему первоначальных фактических сведений, обобщение и анализ которых будет иметь затем место в кружке.

Во-вторых, мы почти не имеем литературы, популярной и живой, способной увлечь с самого начала; живая, хорошо задуманная и выполненная лекция может этот пробел заполнить.

Нам представляется, что от $1/4$ до $1/3$ учебного времени должно быть отведено вводящим лекциям, проработка, усвоение и

углубление которых в остальное учебное время будет иметь место в кружках.

Следует при этом отметить, что наши партийно-пропагандистские организации почти совсем не дифференцируют пропагандистские силы; в то время как, несомненно, лектор должен отвечать другим требованиям, чем кружковод: хороший лектор может быть неважным кружководом, и, что еще чаще, приличный кружковод очень часто оказывается плохим лектором.

Однако, чем подготовленнее аудитория, чем она более грамотна и привычна к чтению, тем большую роль в учебной работе играет кружковое занятие. Содержание работы кружка слагается из трех элементов: 1) коллективное чтение, о смысле и месте которого в занятиях, мы уже писали; 2) собственно беседа под руководством педагога и 3) письменные работы.

При проведении беседы руководитель должен себя показать руководителем. Нам приходилось встречаться с такими пропагандистами, которые в кружковых занятиях предоставляли участникам кружка полнейшую свободу говорения на разбираемую тему; таким образом, план занятия, — вернее отсутствие этого плана выявлялось лишь к концу беседы.

Такой стихийщины в педагогике быть не должно. Руководитель должен иметь перед глазами весь план минимально — необходимого для политического воспитания своего кружка; он обязан иметь и частный план каждого занятия, определенный круг проблем, с его точки зрения обязательных для проработки. Этот план и должен быть раньше всего реализован в занятии. Нужно приучать кружок выяснять и разрешать проблему, по заранее выработанному плану,—умело и тактично отводить отклонения от темы, настойчиво фиксировать внимание на важнейшей—с точки зрения руководителя—проблеме. И лишь выяснив обязательный, намеченный в плане, круг проблем,—можно и должно приступить к выяснению частных и второстепенных вопросов, возникших у отдельных участников кружка. Руководитель кружка не просто председатель, он руководитель-педагог.

Мы указали далее, что необходимым элементом кружкового занятия являются письменные работы. Это положение может возбудить некоторые возражения и недоумения.

Однако, наш опыт убедил нас в педагогической целесообразности этих работ.

Закончив определенный круг проблем (напр., историческую часть курса ленинизма), мы намечали до 20 вопросов, и предлагали участникам кружка дать посильный письменный ответ на какое угодно количество и каких угодно из этих вопросов. Некоторые товарищи предпочитали отвечать на два-три вопроса, другие—на пять-шесть;—одни—давали обстоятельное освещение проблемы, другие — ограничивались коротеньким ответом, — но почти все активно реагировали на предложение руководителя.

Выбрав затем ряд ответов товарищей, мы подвергали их коллективному обсуждению и критике, повторяя и закрепляя в памяти все то, над чем работали в кружке перед этим. Особенно интересны бывали письменные работы в конце занятий. Здесь мы позволяли себе поставить более общие вопросы (напр., «Чем отличается наша теория социалистической революции от меньшевистской?» «Как мы приобщим крестьянство к коммунизму», «Победим ли мы или нет и почему?» и т. д. и т. д. Зачитав наиболее интересные и характерные ответы, мы ставили проблему на дискуссию и всегда выносили от такого занятия впечатление содержательной, весьма нужной, политически воспитывающей работы.

(Мы уже не говорим здесь о том, что практика письменных работ приучала участников кружка излагать письменно свои мысли).

Нельзя не рекомендовать, наконец, руководителю внимательнейшим образом изучать свою аудиторию. Руководитель должен знать, какую партийную работу несет каждый участник его кружка, какие конкретно-практические, бытовые проблемы его волнуют, и должен учесть эти проблемы при своей педагогической подготовительной работе. Таким образом, каждый участник кружка будет чувствовать — живую связь изучаемой теории с повседневной его практикой.

КРИТИКА и БИБЛИОГРАФИЯ.

Об ошибках Гортера и тов. Степанова.

Герман Гортер. Исторический империализм. Приложение: И. Степанов. Исторический материализм и современное естествознание. Марксизм и ленинизм.

Книжка Гортера предназначена для широкого круга читателей. Важность изучения исторического материализма широкими кругами членов партии и беспартийных рабочих, никем не может отрицаться. Осмыслить свой опыт, более или менее правильно и сознательно подойти к вопросам текущей, политической и общественной жизни, всякий член партии и рабочий сможет только, зная основные положения метода исторического материализма и умея ими пользоваться. К книжке, предназначенной для такого круга читателей, как основное требование, должно быть пред'явлено, ясное, четкое и правильное изложение основных категорий исторического материализма, покоющееся на жизненном, близком для рабочих иллюстративном материале. Уяснить же и понять сущность метода исторического материализма можно только при том условии, если мы поймем место и роль исторического материализма в общей системе марксистской теории. Рассматривая исторический материализм изолированно, оторванно от теории маркисизма, в особенности от философских основ марксизма, мы не только не будем знать этих философских основ марксизма, но мы ничего не поймем и в историческом материализме.

Среди марксистов II-го интернационала была распространена очень плохая теоретическая привычка принимать не всего Маркса, а только отдельные его части. Некоторые принимали теорию стоимости и соглашались на всякие идеалистические «поправки» к историческому материализму. Другие, отстаивая исторический материализм, охотно отбрасывали теорию стоимости. Но самой распространенной являлась и является третья «порода». Представители этой «породы» не прочь «друзьями счесться» и с историческим материализмом, и с экономическим учением Маркса, но они обнаруживают сильную нелюбовь к философским, материалистическим основам марксизма. Всех этих Фрицев и Максов Адлеров неудержимо влечет к себе бесвкусная и жиденькая каша махистской и кантианской философии. При их слабой «теоретической комплекции», чтобы хоть как нибудь устоять на ногах, им вредно пить «крепкое вино» диалектического материализма, которое по силам только стойким и крепким борцам за дело пролетариата — им надо пить пресную водичку. Естественным видом их пищи является «эклектическая похлебка». Не поняв философ-

ских материалистических основ марксизма, такого рода марксисты» утрачивают понимание живого единства, органической связи всех сторон марксистской теории и начинают калечить и коверкать даже те части марксизма, искренними сторонниками которых они себя заявляют. Диалектическое единство марксистской теории блестяще характеризует Плеханов в следующих словах: «Марксизм—не только известное экономическое учение (учение о характере и развитии производственных отношений, свойственных капиталистическому обществу); он не только известная историческая теория (исторический материализм); он так же не есть известное экономическое учение, плюс известная историческая теория. У Маркса, экономическое учение не поставлено рядом с исторической теорией: оно насквозь пропитано ею. То, что говорится у него о характере и развитии производственных отношений, свойственных капиталистическому обществу, является плодом изучения экономики данной эпохи с точки зрения исторического материализма. Вот почему безусловно правы те, которые говорят, что «Капитал» есть не только экономическое, но также историческое сочинение.

Однако, и это не все. Исторический материализм, с точки зрения которого Маркс изучал экономические отношения капиталистического общества, еще не составляет миросозерцания. Он — только часть материалистического понимания мира: материализм в его применении к области истории. Вот почему исторический материализм, — иначе: материалистическое об'яснение истории предполагает материалистическое понимание природы»... «Таким образом, марксизм представляет собою цельное и стройное материалистическое мировоззрение, и кто упускает из виду эту цельность его,—как материалистического учения, имеющего своим предметом не только историю, но также и природу, тот рискует очень плохо понять даже и те отдельные стороны этого учения, которые почему-либо привлекают к себе его внимание и пользуются его признанием. [1]).

Основным грехом Гортера и является его непонимание того, что исторический материализм покоится на фундаменте философского материализма. Очень интересны те мотивы, по которым Гортер противопоставляет исторический материализм философскому. «Ведь, противники и прежде всего верующие, начинают с того, что они сваливают в одну кучу оба вида материализма, и пользуясь отвращением верующих рабочих к первому, (т. е. философскому), подвергают опале второй». (18 стр.). Здесь Гортер ради того, чтобы приспособиться к мещанским и религиозным предразсудкам отсталых слоев рабочих, жертвует коренной философской, материалистической позицией марксизма. Здесь перед нами ясно вырисовывается одна из тех линий, по которой наметилось и шло идеологическое перерождение германской социал-демократии. Такую крупную теоретическую уступку мещанским предрассудкам делает Гортер, стоявший на левом крыле социал-демократии, и прикрывает Каутский, авторитетнейший представитель и вождь второго Интернационала, написавший к книжке Гортера предисловие, и не единым словом не оговоривший этой вопиющей ошибки Гортера.

Восставая против философского материализма, Гортер заявляет, что «исторический материализм, подобно всякой опытной

[1]) Плеханов. От обороны к нападению. 480, 481 стр.

науке, является средством достигнуть известного обще-философского миросозерцания». Но это общее представление о мире, к которому приближает нас исторический материализм, «не материалистически-механическое, равно, как и не христиански-католическое, не евангельское, не либеральное представление: оно — другое, новое понимание, новое созерцание». В этих словах скрывается та невероятная путаница, которая существует по основным вопросам материализма в голове Гортера. Он против материалистически-механического представления о мире и поэтому он против философского материализма вообще. Гортер понятия не имеет о том, что механический материализм это—частная форма материализма, и что быть против частного вида материализма еще не значит быть против материализма вообще. Он не слыхал также о том, что новейшей формой, которую принял материализм, является диалектический материализм. На протяжении всей книжки Гортер ни единым словом не упоминает о диалектике и диалектическом методе. Для него он просто не существует. Но еще более странно то, что тов. Степанов, взявшись в своем приложении к книжке Гортера поправить и раз'яснить его ошибку, впадает в точно такую же ошибку. Озаглавив свое приложение: «Исторический материализм и естествознание», тов. Степанов каким-то образом ухитрился совершенно обойти вопрос о диалектике и диалектическом материализме.

Непонимание Гортером сущности и роли диалектического материализма приводит к целому ряду неправильностей в его понимании исторического материализма и заставляет его платить, в области практической политики, обильную дань абстрактной метафизической, анти-диалектической революционности — «детской болезни левизны». Но и тов. Степанову не проходит даром такое холодное равнодушие к материалистической диалектике. Первым следствием такого невнимания к диалектике у тов. Степанова является упразднение марксистской философии. В виду того, что материалистическая диалектика исчезла из поля внимания Степанова, ему приходится об'явить тождество философского материализма и современного естествознания. По этому поводу он пишет: «Исторический материализм продолжает то дело, которое в одной своей части выполнено философским материализмом, или, употребляя более ясное и прямое выражение, выполнено современным естествознанием: для марксизма не существует области какого-то «философствования», отдельной и обособленной от науки: материалистическая философия для него—последние и наиболее общие выводы современной науки». (с. 152). Забыв, что существует метод материалистической диалектики, и что основная задача марксистской философии и заключается в выработке научной методологии, логики науки, т. Степанову ничего не осталось делать, как свести понятие марксистской философии к плоскому определению: «последние и наиболее общие выводы современной науки». Как раз по той причине, что игнорируемый т. Степановым диалектический метод начинает проникать в современные науки, особая наука, занимающаяся сводкой и регистрацией общих выводов отдельных наук становится ненужной. Чем единственно является и может являться марксистская философия, это ясно видно из следующего заявления Энгельса: «Поскольку в каждой отдельной науке пред'является требование выяснить свое положение по отношению к общей связи явлений и в сфере их познания, всякая особая наука об этой связи становится излишней. От всей прежней философии остается еще, в качестве самостоятельной науки, учение о мышлении и его законах — формальная логика и диалектика. Все прочее относится к положительной науке о природе и истории». [1]). Отсюда ясно, что Энгельс не растворяет марксистскую философию в положительных науках, а признает за ней самостоятельную область существования. Тов. Степанов же, совершенно упустил из виду активную, сознательную роль диалектического метода по отношению к современному естествознанию, в котором стихийно, бессознательно возникают зачатки диалектического материализма. Задача марксистской философии, которая разрабатывает и обосновывает всеобщие категории метода материалистической диалектики, по отношению к естествознанию заключается в том, чтобы «стихийные настроения» современного естествознания поднимать до уровня «сознательности».

Вторым следствием невнимания тов. Степанова к диалектике является его движение вспять от диалектического материализма к материализму механическому. Тов. Степанов знает, что нельзя быть марксистом, не будучи материалистом, но ввиду отсутствия у него ясного представления о диалектическом материализме и его отношении к другим формам материализма, ему приходится стать на путь механического материализма. Тов. Степанов, подобно Гортеру, знает только один вид материализма — материализм механический. Разница только в том, что Гортер отвергает механический материализм и думает, что он этим отвергает материализм вообще, а тов. Степанов, желая быть сторонником материализма, но не зная другого вида материализма, кроме механического, его принимает. По мнению тов. Степанова: «марксист должен прямо и открыто сказать, что он принимает это, так-называемое механистическое воззрение на природу, механистическое понимание ее. Недостойно марксиста приходить в трепет перед попами в угоду или давать грубые формулировки этого понимания и затем отмежевываться вообще от механистической точки зрения на процессе природы». (с. 166).

Вопросы о том достойно или недостойно марксиста придерживаться механистического понимания природы, мы сейчас и постараемся разобрать. Материализм не есть какая-нибудь постоянная, неизменная и самой себе равная величина, он имеет свою историю развития. Основное положение всякой формы материализма заключается в том, что признается об'ективное, независимое от человеческого сознания существование внешней природы. На этом общем базисе историческое развитие воздвигало разнообразные конкретные надстройки, создавая этим отличие одной формы материализма от другой. Энгельс писал в своем «Людвиге Фейербахе»: «материализм, подобно идеализму, прошел различные степени развития. Ему приходится принимать новый вид с каждым новым великим открытием, составляющим эпоху в естествознании. А с тех пор, как стали рассматривать с материалистической точки зрения историю, здесь также прокладывается новый путь для развития [2]). Для того, чтобы уяснить методологическую приро-

---
[1]) Энгельс „Анти-Дюринг“ стр. 18.
[2]) Энгельс „Людвиг Фейербах“ стр. 15.

ду диалектического материализма, мы вкратце остановимся на этапах развития материализма в новое время.

Материализм, как он проявился в начале истории новой философии, мы можем охарактеризовать, как материализм механический. Выдающимся представителем этой формы материализма является Декарт в области своей физики и Бэкон. Центральным вопросом этого периода истории философии является вопрос выработки нового метода познания, создания новой логики. Чтобы справиться с этой задачей представители философии должны были связаться с естествознанием, которое до них уже не осознанно и недостаточно планомерно применяло метод, который философам предстояло обобщить и принципиально обосновать. Новейшая философия, выполняя эту задачу, становилась самосознанием новейшего естествознания. Основными науками, на которых покоилось тогдашнее естествознание, были: математика и механика. Не даром декартово об'яснение природы покоится всецело на математико-механических принципах. Основной категорией в физике Декарта является категория чистого количества. Изменение и деление этого количества и составляет содержание жизни материальной природы. Понятие материи у Декарта «геометризировано» т. е. отождествленно с понятием пространства.

Дальнейшее историческое развитие и в особенности дальнейший рост естественных наук отрицает чистый механический материализм и ставит на его место французский материализм XVIII века. Французский материализм имеет двойственную природу: с одной стороны он включает в себя интерес к вопросам биологического естествознания, а с другой стороны—интерес к вопросам общественно-историческим, возникшим вследствие жгучей потребности французской буржуазии изменить старые феодальные производственные отношения, пришедшие в противоречие с ростом новых производительных сил. Конец XVII и начало XVIII века ознаменовались крупным под'емом и ростом биологических наук. Механические методы были перенесены в области органических явлений. Самое понятие механического претерпело под влиянием изучения организма, превращение, потеряв свой автоматический, безжизненный характер. Понятие материи у французских материалистов не исчерпывается механическим движением, а является единством движения и ощущения. «Человек-машина» Ламетри вовсе не то же самое, что «животное-машина» Декарта. Материализм обогатился, включил в поле своего внимания свойства организма и начал подходить в лице Гельвеция к материалистическому освещению общественной и исторической жизни человечества. База, на которой покоился французский материализм, расширилась по сравнению с чистым механическим материализмом, но отсутствие диалектического метода не дало возможности точно и ясно установить конкретные особенности, качественную определенность механических процессов в отличие от органических и наоборот. В развитом виде значение и роль категории качества была выяснена Гегелем. Если великие представители механического естествознания и механического материализма считали основной категорией — категорию количества, то Гегель в противовес им начинает свою «Науку логики» с категории качества. Для Гегеля, конечно, не существует реально абстрактное качество. Для него существует только реальное единство, количества и качества—мера. Все, что существует в действительности, есть синтез количества и качества—мера. Начиная свою «Науку логики» с категории качества, Гегель подчеркивает важное значение качественно конкретного изучения действительности. Задача науки не может заключаться только в том, чтобы выразить мир в абстрактных, всеобщих формулах, чтобы все наличные различия свести к абстрактным тождествам, кроме того необходимо качественное изучение каждой особой части действительности. Познать закономерность всякого развития, заключающегося в исчезновении старых и возникновении новых, особенных состояний, можно только на основе качественно-конкретного исследования. Категория качества указывает ту линию, по которой проходит грань между формальной логикой и логикой диалектической. Формальная логика отрывает форму от содержания, для нее формы мышления не связаны с действительностью, диалектическая же логика выражает в мышлении действительное бытие. И только тогда, когда мы подходим к охвату нашим сознанием качественно-конкретного содержания всей действительности возникают все проблемы диалектической логики.

Из материалистов уже Фейербах понял важное значение качественно-конкретного момента. В своей «Истории новой философии» он писал: «Это без сомнения возвышенная и справедливая мысль, что движение есть принцип природы» и ошибка Гоббса и Декарта, по мнению Фейербаха, заключалась не в том, что они применяли этот принцип, но в том, «что они возвышали на степень всеобщего начала только частный случай движения, именно, движение механическое, определенное в математических признаках»... «Пока математические представления господствовали над умами, не мог возникнуть правильный взгляд на жизнь, на природу качеств, на то, что является спецефически-физическим. Математик должен возвести механическое движение на степень всеобщего принципа, а природу должен сделать машиной, в противном случае она для него не может быть конструирована. Качество, которое именно, одушевляет природу и составляет ее истинную физическую сторону, сводится к ее математической концепции, к чему-то превзойденному, идеальному, является простой акциденцией, чем-то не-реальным».

Из материалистов только Маркс и Энгельс первые полностью поняли значение качественного исследования действительности. Специфическую ограниченность старого, механического материализма по Энгельсу составляет: «исключительное приложение мерила заимствованного из механики, к химическим и органическим явлениям,—т. е. к таким явлениям, в области которых механические законы, хотя и продолжают, конечно, действовать, но отступают на задний план перед другими, высшими законами». Здесь Энгельсом выражено требование качественно-конкретного подхода к изучению явлений. Энгельс восстает против растворения органических и химических процессов в механических и считает необходимым открывать специфические, особые законы каждого из этих процессов. Требование качественно-конкретного исследования не разрешает нам применять механические и биологические аналогии и в области изучения общественно-исторических явлений.

[1]) Энгельс—Людвиг Фейербах стр. 15.

не отменяющих законы механики и биологии, но подчиняющихся высшим историческим законам. В историческом развитии разные формы материализма основывались на той или другой группе естественных наук. Тип связи между явлениями раскрывавшейся группой естественных наук, служивших основой данной форме материализма, распространялся на все остальные области. Диалектический же материализм есть высшая форма материализма, которая «отменяет» в Гегелевском смысле этого слова прежние, ограниченные формы материализма и покоится на изучении всей природы и человеческой истории. Диалектический материализм восстает против перенесения специфической закономерности данного вида процессов на другие формы и виды процессов и требует качественно - конкретного исследования каждой особой части действительности. Эта методологическая предпосылка диалектического материализма полностью подтверждается современным естествознанием. Имея в виду это подтверждение, тов. Ленин писал: «Как не диковинно с точки зрения «здравого смысла» превращение невесомого эфира в весомую материю и обратно, как ни странно отсутствие у электрона всякой иной массы, кроме электро-магнитной, как ни необычно ограничение механических законов движения одной только областью явлений природы и подчинение их более глубоким законам электро-магнитных явлений и т. д. — все это только лишнее подтверждение диалектического материализма. Новая физика свихнулась в идеализм главным образом, именно потому, что физики не знали диалектики. Они боролись с метафизическим материализмом. С его односторонней «механичностью», — и при этом выплескивали из ванны вместе с водой и ребенка». [1]) Таким образом, мы ясно видим, что с точки зрения диалектического материализма недопустимо сведение всех процессов природы на механический процесс, и напрасно тов. Степанов авторитетно заявляет, что марксиста достойно только механическое представление о мире. «Это, конечно, сплошной вздор, будто материализм утверждал... обязательно «механическую», а не электромагнитную, не какую-нибудь еще неизмеримо более сложную картину мира, как движущейся материи». [2]). Тов. Степанов хотел исправить ошибку Гортера, но впал сам в крупную ошибку, только что нами разобранную. Вернемся же теперь вновь к ошибкам самого Гортера.

Из незнания диалектики Гортером вытекает его неправильное понимание категории производительных сил. Он ставит знак равенства между техникой, орудиями труда и производительными силами. «Техника, производительные силы, образуют базис общества». (с. 24). Если техника исчерпывает собою понятие производительных сил, то совершенно непонятно каким образом она может связываться с общественным развитием и воздействовать на его ход. Ограничивая категорию производительных сил, понятием техники, мы метафизически отрываем основу человеческой истории от самой этой истории и неизбежно должны притти к нелепому заключению, что процессу самостоятельного автоматического развития техники параллельно протекает процесс обще-исторического развития. Производительной силой орудия труда, и не

1) Ленин. Материализм и эмпириокритицизм, стр. 312.
2) Там же стр. 235.

только орудия труда, но в широком смысле слова средства производства могут быть только в диалектическом единстве с рабочей силой. «Машина, которая не служит в процессе труда, бесполезна. Кроме того, она подвергается разрушительному действию естественного обмена вещества. Железо ржавеет, дерево гниет. Пряжа, которая не будет использована для тканья или вязанья, представляет испорченный хлопок. Живой труд должен охватить эти вещи, воскресить их из мертвых, превратить их из возможных в действительные и действующие потребительные стоимости». [1]) Только живое единство человеческого труда и средства производства составляет живую основу человеческой истории и дает нам возможность понять самому диалектику развития производительных сил и всей человеческой истории. (См. письмо Маркса к Анненкову).

Ошибка Гортера в вопросе о понимании завоевания государственной власти, игнорирование им понятия диктатуры пролетариата, переоценка натуралистического момента в процессе происхождения религий и неправильный уклон в понимании отношения рабочего класса к религии, правильно разобраны и освещены тов. Степановым в его приложении. Поэтому мы на этих вопросах не считаем нужным здесь останавливаться.

Приложение тов. Степанова, если бы оно не заключало в себе указанных двух грубых ошибок, могло бы сделать книжку Гортера, полезной для широких масс, книжку, которая хотя и не отвечает нашему основному требованию, дать четкое и правильное изложение основных категорий исторического материализма, но зато является книжкой, написанной живо и популярно. Можно только пожелать, чтобы тов. Степанов пооснователънее подумал над этим вопросом и исправил бы свои ошибки. Если же тов. Степанов считает возможным не отнестись к этому серьезно, то мы можем дать ему только единственный совет, не выдавать того, что является его «личным», «индивидуальным» взглядом, за марксистскую философию, за ортодоксальный марксизм.

Ян. Стэн.

Проф. А. А. Соколов. Проблемы денежного обращения и валютной политики. Стр. 304. Изд. Н. К. Ф., М., 1923 г.

Рецензируемая нами книга проф. Соколова, почти целиком посвященная т е о р и и денежного обращения, полгода тому назад появилась в издательстве Н. К. Ф. Казалось бы, если Н. К. Ф. издает книгу по теории денежного обращения, это должно означать, что выпускаемая им книга может служить некоторым руководством финансовой политики Н. К. Ф. Между тем, вряд-ли хотя один из руководителей нашей финансовой политики может признать книгу проф. Соколова способной служить в качестве такого руководства. Проф. Соколов по своим теоретическим воззрениям, сторонник «австрийской» школы, хотя в книге его нагромождено так много противоречий, что этим своим качеством он выделяется даже из среды единомышленников. Зачем же Н. К. Ф. понадобилось издавать такого рода т е о р е т и ч е с к у ю работу? Мы не

1) К. Маркс. „Капитал“, I том. стр. 148.

хотим этим сказать, что надо запрещать издания не-марксистской литературы, но об издании их пусть позаботятся другие издательства.

Книга А. Соколова интересна, как показатель теоретического уровня нашей, да и не только нашей, буржуазной науки. Она претендует сказать новое слово по теории денег, исходя из основных положений австрийской школы. Теория денег всегда была камнем преткновения для этой школы. Многие из ее сторонников о него разбились, не сумев создать стройной теории денег.

Книга проф. Соколова интересна и в другом отношении: как показатель настроений «ученой братии». «Смена вех», которая чистыми политиками начала производиться приблизительно, с 1921 г., отразилась теперь и на научных исследованиях. Рецензируемая нами книга может служить таким образчиком. Не то, что автор ее отказался от привычного ему буржуазного мышления и перешел на сторону марксизма,—нет, этим и не пахнет,—но приспособление к советской действительности у него выражается в постоянных ссылках и заигрывании с Марксом и в придаче своим взглядам формы некоторого сходства со взглядами некоторых «марксистов» (Гильфердинга). Нельзя сказать, чтобы работа проф. Соколова от такого «сменовеховства» (когда автор, всецело разделяя основные положения психологической школы, старается выступить в форме, наиболее перевариваемой современной читающей публикой)—выигрывала бы в своей цельности.

Покажем на двух-трех проблемах, как то позволяет небольшая заметка, что новая работа проф. Соколова о деньгах не выводит из тупика противоречий буржуазную политическую экономию. Остановимся на проблемах сущности и ценности, двух основных проблемах, которым, собственно говоря, посвящена значительная часть книги.

Проф. Соколов, сторонник функциональной теории денег. Деньги для него только «технический инструмент хозяйственного оборота». Такой фетишистический взгляд на деньги, при исходных положениях суб'ективной школы, приводит его к пониманию денег как логической категории. Выражает эту свою последнюю мысль он достаточно рельефно. «От понятия цены и денег мы можем отрешиться только в *единичном* изолированном хозяйстве. Общественное хозяйство, каково бы ни было его устройство, трудно мыслить себе вне понятий цены и денег». Уже один этот выставленный тезис показывает, что мысль проф. Соколова никак не может выйти за круг буржуазного общества. Иного типа общественной связи, кроме буржуазного, проф. Соколов не представляет.

Прочитав этот выставленный тезис, всякий читатель, маломальски знакомый с историей, будет с нетерпением и интересом ждать доказательств проф. А. Соколова. Ибо на его долю выпадает почетная роль произвести революцию в наших современных познаниях в области социологии. Действительно, выставленное проф. Соколовым положение, обязывает его показать справедливость своих утверждений не только в отношении *будущих* обществ, но и в отношении *прошедших*, с до-меновым хозяйством; при чем в отношении последних нужны доказательства не только теоретического характера, но и установление *исторического факта*.

Доказательства теоретического свойства у него неоригинальны: они заимствованы у Маршала и сводятся в двух словах к тому, что суб'ективные оценки благ не совпадают, а потому *всякое* общество нуждается во внешнем об'ективном измерителе этих оценок.

Что же касается несовпадения его теоретических построений с фактами, то проф. Соколов этим не смущается. Очевидно, здесь вина не на стороне проф. Соколова, а на стороне фактов. И наш теоретик по денежному обращению вынужден по этому поводу превратиться на миг в «философа истории». Так как само натуральное хозяйство не могло создать такого измерителя (ибо деньги нельзя «выдумать»), то не послужило ли это обстоятельство,—меланхолически спрашивает проф. Соколов,—вместе с фактом неизбежности расхождения суб'ективных оценок и интересов в пределах сколько-нибудь крупной семьи, а тем более в пределах рабовладельческого ойкоса, одной из *причин* его разложения».

Что «философия истории» проф. Соколова явно неудовлетворительна, это ясно каждому; поэтому мы посоветовали бы ему лучше пересмотреть исходные положения своей школы.

Проф. Соколов и сам чувствует неудовлетворительность своей «философии истории». Поэтому он страницей позже пытается доказать, что всякое общественное хозяйство есть меновое. Под общественным же хозяйством он, видимо, понимает то, что у Струве определено термином «межхозяйственное об'единение», хотя об этом он прямо не говорит; определяет же его, как хозяйство, основанное «на широком разделении труда и охватывает целое множество свободных человеческих личностей, стремящихся к возможно более полному удовлетворению своих потребностей». Такое ничего не говорящее определение ему необходимо, чтобы доказать (что он и делает) невозможность перехода денежного менового хозяйства к организованному типу хозяйства, т.-е. невозможность существования социализма; при чем доказательства свои, которые он черпает из готового уже источника, — работ проф. Вагнера, — не носят теоретического характера.

Но, если всякое общественное хозяйство есть меновое, то как быть с «натуральными, до-меновыми типами хозяйства? Ведь они представляет собою то же общественное хозяйство! Сам проф. Соколов этого не отрицает. Значит, не только в единичном изолированном хозяйстве (*которому С. противопоставляет натуральное* хозяйство, как общественное А. Б.) мы можем отрешиться от понятия цены и денег» (тезис С.).

Итак, всюду такая путаница. Мало того, что его теория реакционна, но она еще путана.

Корень всей этой путаницы нужно искать в ложной теории ценности (суб'ективной), лежащей в основе его воззрений на деньги, а также в непонимании сущности типа связи менового хозяйства. Сущность последнего заключается не в том, что здесь происходит раздвоение «внутреннего психического обмена», как полагает проф. Соколов, а в том, что оно состоит из отдельных независимых друг от друга товаропроизводителей, и потому здесь отсутствует автогенное начало.

Не поняв социальной сущности денег и став на фетишистическую точку зрения, он естественно подошел и к проблеме сущности денег и запутался в ней.

Сущность денег у проф. Соколова характеризуется тремя моментами: 1) они только «технический инструмент хозяйственного оборота». Этот взгляд не нов; его придерживаются большинство буржуазных теоретиков (Визер, Гельферих, Зиммель, Каценеленбаум и др.); 2) деньги—это идеальная счетная единица. В этом отношении он всецело солидаризируется с Лифманом. «Учение Лифмана о деньгах как об идеальной счетной единице, представляется, несомненно, правым»; и в 3) деньги—не товар. В пользу этого говорит тот факт, утверждает проф. Соколов, что в качестве денег могут выступать, а в военное время исключительно выступали, бумажные деньги или неполноценные металлические.

Теоретически здесь смешение понятий денег и денежных знаков, а об'ективно здесь отражение иллюзий эпохи бумажно-денежного обращения.

Представления о деньгах, как об идеальной счетной единице, логически приводит к номиналистической теории, к неизбежному признанию денег искусственным общественным установлением и неизбежному признанию, что ценность денег «управляется волей людей». Все это более или менее понимает и сам автор книги. И поэтому он вопреки тому, что «учение Лифмана правильно», вынужден подвергнуть его, как и номиналистическую теорию, критике (см. стр. 23). Двойственность позиции проф. Соколова проявляется не только в основных вопросах, но и в частных его выводах. Так, исходя из взгляда на деньги, как на идеальную счетную единицу, он находит, что вся история денег ведет к чисто бумажно-денежному обращению, и что система такого обращения есть наилучшая система. И в то же время он пишет, что при существовании бумажно-денежного обращения наблюдается всегда стремление зафиксировать бумажно-денежную единицу путем закрепления определенного отношения к некоторой реальной, устойчивой ценностной величине, напр., к какой-либо обладающей достаточной стабильностью иностранной валюте или просто к золоту» (стр. 62).

Далее. Теоретически приходя к выводу, что бумажные деньги могут выполнять все функции денег, он, столкнувшись с фактом действительности хотя бы на нашей денежной системе, вынужден признать, что наш «советский рубль безусловно плохо выполняет функцию мерила ценности, и именно поэтому он плохо выполняет и функцию хранения и накопления ценностей» (96—97). Правда, автор здесь оговаривается: бумажные деньги плохо выполняют функцию мерила ценности, потому что их ценность неустойчива, а ценность неустойчива, потому что ненормальны хозяйственные отношения. Но во 1) капиталистическое общество нельзя мыслить без кризисов и потрясений; 2) неразменные бумажные деньги именно и выпускаются тогда, когда состояние хозяйства бывает ненормально. Указание на то, что при таком ненормальном состоянии невозможно и металлическое обращение, бьет мимо цели. Быть может, оно делает невозможным функционирование золота в качестве орудия обращения, ибо в качестве такового функционируют бумажные деньги, но зато они вполне могут служить, и служат, в качестве мерила ценности, а также орудия сохранения ценности. Что даже для проф. Соколова является понятным.

Желая избегнуть тех опасностей, к которым приводит безоговоренное признание учения Лифмана, он вводит некоторый корректив. Он пытается доказать, что деньги, хотя не товар, все же

ведут свое происхождение от товара, и что ценность их связана с теми меновыми пропорциями, которые установились, когда деньги еще не были товаром. Что этот корректив не спасает его от противоречий, мы видели; даже, наоборот, его коррективы, «с одной стороны, да и с другой стороны», создавая непоследовательность мысли, усугубляют и увеличивают только число противоречий.

Бесполезность этого последнего корректива для стройности теории проф. Соколова особенно ясно проявится при рассмотрении проблемы ценности денег, к которой мы сейчас перейдем.

Отметим только основные ошибки С. в вопросе о сущности денег.

1) Он неправильно определил сущность денег через их функции. «Функции денег, — справедливо говорит I. А. Трахтенберг,— вытекают из их сущности, а не сущность денег определяется их функциями».

2) Он смешал деньги с денежным знаком, деньги со **знаком** ценности.

3) Это обусловилось тем, что он, не понимая социальной сущности денег, исходил в своем анализе из функции денег, как орудия обращения. А это было им сделано под гипнозом бумажно-денежного обращения.

4) Его ошибки логически вытекают из его общей теории ценности (суб'ективной) и взгляде на деньги, как на логическую категорию.

Обратимся теперь к проблеме ценности денег. Проблема ценности (как и вообще все проблемы политической экономии) у марксистов и «австрийцев» ставится в различных плоскостях. Можно было бы ошибочность теории австрийцев показать, доказав неправильность их исходных пунктов. Но даже оставаясь в пределах их постановки, не трудно показать бессодержательность их теории, благодаря тем внутренним противоречиям, которые она в себе таит, а также бессилие ее перед фактами конкретной действительности.

Как же определяет ценность денег проф. Соколов? Он различает суб'ективную ценность и об'ективную. «Суб'ективная ценность денег определяется суб'ективною ценностью товаров и услуг, **которые можно на них купить**» (56). Но чем определяется это количество товаров? Ценами товаров! Но ценность товаров **предполагает** уже ценность (об'ективную) данной. Получается порочный круг. Суб'ективная ценность денег, которая должна определить об'ективную, сама определяется ею.

Об'ективная же ценность денег есть «их покупательная сила», явившаяся в результате столкновения суб'ективных оценок. Но покупательная сила денег или об'ективная ценность их есть статистически выведенная сумма цен товаров. Получается: об'ективная ценность товаров определяет их цены, которые, в свою очередь, определяют об'ективную ценность денег. Опять порочный круг.

Но, что интереснее всего, проф. Соколов не только не разрешил, но и увильнул от проблемы, на которой сломали себе шею не один теоретик предельной полезности: от проблемы образования об'ективной ценности из суб'ективной не показал механизма этого перехода.

Надо признаться, что суб'ективная ценность денег в его теории играет вообще незначительную роль и приклеена как-то механически (34).

Определение ценности денег проф. Соколовым, как видим, должно его привести к номиналистической теории. И он ее всецело не отвергает. Для него «деньги не суть только nomina» (значит всетаки nomina). Особенно в этом убеждают его некоторые явления бумажно-денежного обращения, ибо иначе «как может кусок бумаги, лишенный внутренней ценности, функционировать, как деньги» (44). Вот почему он настаивает на том, что деньги это только идеальные счетные единицы, что ценность денег не связана с ценностью валютного материала, что бумажные деньги—не «представительные» деньги.

Но, как мы уже указывали выше, проф. Соколов боится последовательности. И поэтому деньги у него «с одной стороны», «идеальные счетные единицы» или, как выражается Бендиксен, Jeneralnenner ценностей всех товаров, а «с другой»—не суть только nomina. Это бросающееся всем в глаза противоречие он пытается смазать «теорией» по внешности, очень схожей с теорией Гильфердинга.

Некогда деньги были связаны с вещной формой, они были товаром таким же, как и все другие. Ценность их определяется, как и ценность всех других товаров. И после того, как, при таких условиях закрепились в сознании людей определенные меновые пропорции между товарами, получилась возможность отрыва денег от их вещного покрывала, и они стали символом, унаследованным от вещного обращения меновых пропорций (см. стр. 59—60—61—62).

Разрешает ли эта часть теории проф. Соколова противоречия? Нисколько. Если деньги—символ исторически сложившихся меновых пропорций, и ценность денег непосредственно отражает эти пропорции, запечатлевшиеся в сознании людей, то ведь сама эта система пропорции все время меняется. В таком случае, где тот принцип, который регулирует ценность денег? И он отвечает: количество денег (281). Да не подумает читатель, что проф. Соколов является просто сторонником количественной теории денег. Нет, и против нее он находит пространные возражения. Опровержению ее он посвящает целую главу в 100 страниц.

Противник количественной теории не замечает, что он сам типичнейший количественник.

Еще одно замечание. Проф. Соколов, собравший в своей книге все аргументы, которые когда-либо кем-либо были выдвинуты против «представительной теории», не замечает, что его теория есть тоже «представительная» теория. Разница только та, что у него денежная единица представляет не настоящую ценность металла, а ценность его, которую он имел до того, как деньги оторвались от своей вещной формы. Что его теория является «представительной» теорией худшего сорта, говорит хотя бы тот факт, что его теория неприменима к металлическим деньгам при открытой чеканке и не в состоянии об'яснить всех явлений при закрытой. Что же касается бумажно-денежного обращения, то его теория обязывает признать, что деньги и ценность их есть нечто условное, против чего возражает и сам автор; что бумажные деньги могут выполнять все функции (и мерила ценности и орудия сохранения ценностей), возражения на что можно найти у того же проф. Соколова. Против своей же теории выступает проф. Соколов, когда переходит к обсуждению практических вопросов, напр., о возможности и желательности перехода к металлической валюте. Так он пишет: «Количество потребного металла в данном случае будет определяться потребностью оборота и ценностью соответствующего металла» (53).

Поражаешься, сколько мешанины и путаницы в этой книге! То он количественник, то он противник их; то деньги суть nomina, то деньги не суть только nomina и т. д. Можно было бы значительно умножить число примеров этой мешанины, обильно уснащающей об'емистый труд С. в 300 страниц. Да это незачем.

А ведь проф. Соколов—безусловный знаток денежного обращения. Но это только доказывает, до чего гнила теперь буржуазная теоретическая мысль.

А. Барсов.

С. КАНАТЧИКОВ. «История одного уклона». Изд-ство «Прибой». Ленинград, 1924 г., стр. 156.

Книжка тов. Канатчикова дает материалы к истории того уклона в российском рабочем классе, который связан с именем тов. Троцкого. Книжка вышла из дискуссии 1923—1924 г.г. и совершенно естественно носит на себе отпечаток тогдашней бурной, тревожной партийно-политической атмосферы.

Дискуссия окончена, но книжка тов. Канатчикова принадлежит к числу тех «материалов к дискуссии», которые сохраняют свою ценность на довольно продолжительное время. Дело в том, что, если дискуссия окончена, то обязательная работа по **раз'яснению** основных ошибок оппозиции ни в коем случае не может считаться законченной, и далеко еще не всеми извлечены все необходимые из дискуссии уроки.

***

В основном оппозиционном документе—брошюре «Новый курс»—тов. Троцкий заявлял: «Я вовсе не считаю тот путь, которым я шел к ленинизму, менее надежным и прочным, чем другие пути». Тов. Канатчиков при помощи обильного фактического материала **показывает** тот путь, которым тов. Троцкий, начиная со 2-го с'езда партии, шел к «ленинизму». Проследить этот путь потому особенно важно, что тов. Троцкий, к сожалению, на его «надежности» настаивает.

Тов. Канатчиков на ряде примеров устанавливает совпадение теперешних взглядов тов. Троцкого с его старыми взглядами. В дискуссии 1923—1924 г.г. он к ряду внутрипартийных вопросов подходил так же, как подходил к ним в 1903 — 4 и 1910 — 14 г.г. Одна из основных ошибок тов. Троцкого к последней дискуссии — недооценка роли и значения партии, неправильное представление об ее структуре—сопутствует тов. Троцкого на всем его политическом пути.

В 1904 году в брошюре «Наши политические задачи» тов. Троцкий, осуждая методы большевиков во внутрипартийной политике, писал:

« Во внутрипартийной политике эти методы приводят... к тому, что партийная **организация «замещает» собою партию, ЦК замещает партийную организацию и, наконец, «диктатор» замещает собою ЦК»** далее, к тому, что комитеты делают «направление» и отменяют его в то время, как «народ безмолвствует». («История одного уклона», стр. 26).

Двадцать лет спустя, в 1924 г., в книжке «Новый курс», тов. Троцкий говорит:

«Тенденция партийного аппарата **думать и решать за партию** ведет в своем развитии к стремлению укрепить авторитет руководящих кругов только на традиции... **Партия живет на два этажа: в верхнем—решают, а в нижнем — только узнают о решениях».**

Тов. Канатчиков совершенно справедливо указывает, что здесь мы имеем простой перевод старых словечек о «замещении», о том, что «народ безмолвствует», о «диктатуре» верхов и т. д. На протяжении 20 лет к вопросу о внутрипартийной политике у тов. Троцкого, к сожалению, сохраняется почти один и тот же подход.

В другом месте своей брошюры тов Троцкий, возражая уральским большевикам, писал:

«Авторы документа имеют мужество открыто заявить, что диктатура пролетариата рисуется им, как **диктатура над пролетариатом: не самостоятельный рабочий класс, взявший в свои руки судьбу общества, а «сильная властная организация»**, господствующая над пролетариатом и, через него, над обществом, обеспечит переход к социализму... Для социал-демократов—«якобинцев», для бесстрашных представителей системы: **организационного заместительства** громадная общественно-политическая задача — подготовка класса к государственному господству—**подменяется** организационно-технической задачей—выработкой **аппарата власти»**. («История одного уклона», стр. 45).

Как мы видим, оппозицией мало нового было сказано во время последней дискуссии. Это особенно наглядно станет, когда ознакомимся с прежними взглядами тов. Троцкого по вопросу о фракциях и группировках. В 1914 г. в своем журнале «Борьба» тов. Троцкий писал:

«Мы не связываем судьбу рабочего движения с судьбой большевизма или меньшевизма, ленинизма или ликвидаторства, взятых в отдельности. Опыт слишком ярко свидетельствует, что эти линии не расходятся на практике, а наоборот, неотвратимо сближаются **в направлении европейской социал-демократии. Воссоздания единства мы ждем поэтому не от победы одной фракции над другой, а от очищения социал-демократии от всех и всяких пережитков фракционности».**

«К самым острым вопросам движения мы хотим подходить **без предвзятости, враждебности и недоверия** к тем товарищам, которые думают иначе, чем мы. **В широкой, охватывающей десятки тысяч рабочих, марксистской общине не может быть разногласий и расхождений. Всякий член этой идейной общины имеет не только право, но и обязанность отстаивать свою точку зрения на общей для всех** программной основе. Но, выполняя эту обязанность, никто не смеет забывать, что **дело идет о разногласии в братских рядах,** спаянных общей программой и преданностью общему делу. Дисциплина и боевая сплоченность немыслимы без атмосферы **взаимного уважения и взаимного доверия,—и** кто посягает на эти **нравственные** устои, тот, каковы бы ни были его намерения, подкапывается под самое существование социал-демократии» («История одного уклона», стр. 90).

Этот дух всепрощения и примиренчества тов. Троцкий распространял и о «сближении в направлении европейской социал-демократии», говорил за четыре месяца до военного взрыва, когда русский меньшевизм и европейская социал - демократия обнаружили свою истинную сущность. Меньшевики - ликвидаторы для него были «братьями», от которых он под давлением революционного под'ема, медленно начал отходить, но с которыми он оставался в одной фракции и требовал «уважения» и «доверия».

Самое важное, однако, в том, что т. Троцкий партию представлял в виде «идейной общины», где «не может не быть разногласий и расхождений». Община — об'единение не боевое, **не действующее,** это не «аппарат», это об'единение разговаривающее. Для общины решающее значение имеет не боевая солидарность и дисциплинированность, а—«нравственные устои».

Когда в 1923—1924 г.г. оппозиция ратовала за «свободу группировок», за «свободу мнений» и т. д., она об'ективно вела дело к **ликвидации** боевой большевистской партии, этого **«диктаторствующего»** «аппарата» и к замене ее «идейной общиной», где было бы очень много «разногласий и расхождений», но при всем том господствовала бы «атмосфера взаимного уважения и взаимного доверия».

Да, мало нового сказала оппозиция в лице т.т. Троцкого, Преображенского, Сапронова, Стукова. Книжка т. Канатчикова документально показывает, что все ошибки оппозиции имеют определенное историческое прошлое.

Книжка т. Канатчикова дает ценнейшие материалы об отношении т. Троцкого к якобинству, к ликвидаторству, к революционному парламентаризму, к вопросу о характере революции и т. д. В приложении к книжке дан ряд ценных документов, в том числе статья В. И. Ленина против примиренческой позиции т. Троцкого.

К сожалению, книжка обрывается на 1914 г. Разногласия периода войны и революции в ней не нашли отражения. Вообще не дан анализ «левых» уклонов т. Троцкого. Но и в своем настоящем виде книжка дает совершенно необходимый нашему партийному молодняку материал. Написана она по большевистски, просто, без дипломатии.

Ил. Вардин.

А. В. ЛУНАЧАРСКИЙ. «В. И. Ленин». Изд. Ком. у-та имени Свердлова. Москва. 1924 г.

Последние месяцы выбросили на книжный рынок огромное количество литературы, посвященной Ленину и ленинизму. Совершенно очевидно, что появление этой литературы в таком количестве было вызвано всевозрастающей в ней, на книжном рынке, потребностью.

К сожалению, надо сказать, что количественно очень часто эта литература росла за счет качества.

Спрос растет, рынок требует, и литература о Ленине и ленинизме, самая ходовая и требуемая литература, буквально печется часами, днями.

Где-то и когда-то сделанные доклады (иногда удачные, а иногда и неудачные), наспех написанные брошюрки, наряду с действительно глубокой и ценной литературой по Ленину и ленинизму, в сотнях тысяч экземпляров печатаются, распространяются, читаются.

И благодаря своей легкости, незначительности размера и популярности изложения читаются в своей массе теми, кто не в состоянии отнестись к читаемой литературе достаточно критически, и прочитанное принимает, главным образом, на веру.

Тов. А. В. Луначарский где-то и когда-то сделал доклад о Ленине, кто-то застенографировал, а Свердловский Университет издал.

То, что для доклада могло, пожалуй, «сойти» незаметно, то в уже отпечатанном виде, конечно, не могло, а главное не может и не должно остаться незамеченным.

Сама по себе, быть может, и интересная брошюра — доклад содержит такое количество непростительных промахов и ляпсусов, которые сводят на-нет все, несомненно имеющиеся в брошюре, достоинства.

Мы остановимся лишь на наиболее ярких ляпсусах, на наиболее бьющих в глаза.

Тов. Луначарский указывает, что среди социологов и политиков были разногласия в оценке грядущей революции:

«Одни говорили, что революция в России произойдет по типу малых революций... другие говорили, что она будет по типу Великой Французской Революции, может быть, **даже превзойдет ее...».**

Первые были, как **известно,** меньшевики, вторые—**большевики.** Кто же из них был прав, какие аргументы приводили те и другие?

«Аргументы, которые, как **показала дальнейшая действительность,** были все **правильны по своему».** (Курсив везде наш. К. Р.).

Как понять, что в аргументах оказались правильны и утверждения большевиков и меньшевиков? Да еще в аргументах, подтвержденных действительностью. Ведь сам Луначарский в только что приведенном отрывке указал, что меньшевики ожидали «малой революции» по типу революции в Германии или Австрии, а оказалось, что они в своем прогнозе ошиблись, что **действительность** показала, что они были **не правы,** их аргументы оказались для революции **не убедительны.**

Какие же аргументы противопоставляли сторонники «большой революции»,—большевики, сторонникам «малой революции»—меньшевикам?

«Первый аргумент, можно сказать, **сантиментального характера,** который, однако, оказался чрезвычайно верным и личностью В. И. был в особенности подтвержден, был такой. —...героизм и энтузиазм интеллигенции не помирятся на малом. Это аргумент сантиментальный и **романтический,** но... **он подтвердился позднее».**

Про «героизм и энтузиазм» какой же это интеллигенции говорит т. Луначарский? Той, которая в июле 1917 года называла Ленина и его партию немецкими шпионами, которая через несколько месяцев, в Октябре, с оружием в руках в «женских», «юнкерских», «офицерских» и пр. и т. п. отрядах, выступала против Советской власти, против Революции, той интеллигенции, которая саботировала, которая покинула на произвол судьбы школы и больницы.

Ведь не героизмом и энтузиазмом ничтожной кучки интеллигентов, шедших в то время с большевиками, была проделана «Большая революция». За исключением быть может тех, про которых, как пишет сам т. Луначарский: «вчера еще был умный человек, а сейчас несет околесицу», конечно, никто из находящихся в то время в рядах партии интеллигентов не

возьмет на себя утверждать хотя бы нечто похожее на это.

Однако, эта «преувеличенная» оценка роли интеллигенции в революции имеет своей предпосылкой явно извращенное и абсолютно чуждое большевизму определение партии, ее существа и ее взаимоотношения с классом.

Как представляется «класс и партия», если судить по брошюре-докладу А. В. Луначарского. «Нельзя говорить, что рабочий класс сам найдет путь», потому что рабочий класс «в целом» «шкурнический», «обывательский». Этот путь рабочему классу укажет **партия** — «авангард русских рабочих и **интеллигенции**».

И тов. А. В. Луначарский старательно подчеркивает:

«В. И. чувствовал, что партию в России в течение долгого времени (относится к периоду II с'езда К. Р.) нельзя сделать **подлинно** рабочей, что она будет в значительной степени интеллигентской партией. **И это ее плюс.** Знающих людей много, и **не колоссальный минус наличие мелко - буржуазных наклонностей».**

Какая невероятнейшая путаница, какое смешение понятий. Когда и где В. И. **так** чувствовал?

Не подменивает ли автор своими переживаниями и чувствованиями переживания т. Ленина?

Что, наконец, означает **подлинно** рабочая партия? Не являются-ли какие-нибудь «христианские» рабочие партии, **подлинными** рабочими по теории т. Луначарского?

И с каких это пор стало **плюсом**, что партия пролетариата «в значительной степени интеллигентская партия», и **не минусом** «наличие мелкобуржуазных наклонностей?».

Ведь это поистине чудовищно! В течение десятков лет выковывалась партия пролетариата в беспощадной борьбе с мелко-буржуазными настроениями, проявлявшимися в ее отдельных частях. Вся история партии — это история борьбы с мелко-буржуазными тенденциями в партии, а вот у тов. Луначарского «наличие мелко-буржуазных наклонностей» оказалось не минусом.

«Плюсы» и «минусы» в определении тов. Луначарского мы оставляем на его совести, партия к этим определениям не имеет никакого отношения.

Останавливаясь на роли Ленина в революции пятого года, тов. Луначарский пишет: «Ленин тогда чувствовал себя совершенно беспомощным», и несколькими строчками ниже: «Вл. Ил. был совершенно беспомощен, почти, как рыба, выброшенная на берег».

Это явное неприличие в изложении и извращении фактов.

Переходя к характеристике Владимира Ильича, как личности, тов. Луначарский заявляет: «Как его (Ленина. К. Р.!) предшественник Петр Великий»... «ничему не даст итти своим чередом, от этого мученически и погиб».

И, наконец, «может быть Ленину до слез было жалко, но разве **ленинизм лично** мог кого-нибудь жалеть и кого-нибудь любить».

Не знаем, что может кому-нибудь дать подобная характеристика личности Владимира Ильича.

Если же ко всем перечисленным выше извращениям, неточностям и просто неудачным выражениям прибавить не перечисленные и технически безобразное выполнение брошюры, допустившее ряд грубейших, меняющих смысл и содержание фраз, опечаток, вроде того, что «не Ленин выдвинул тактику единого фронта», или «что в России два представительства» вместо правительства, то впечатление от брошюры остается не особенно хорошим. В том виде, какой брошюра имеет сейчас, кроме засорения некритических мозгов, она ничего не даст.

К популярной литературе, предназначенной для ленинцев, необходимо отнестись более серьезно и вдумчиво.

К. Розенталь.

М. БАСКИН. «Ленин, как материалист и диалектик». «Новая Москва», 1924 г., стр. 38. Тираж 10.000.

Среди проблем, встающих в связи с овладением ленинским наследством, далеко не последнее место занимает, конечно, вопрос о материализме и диалектике у Ленина. При этом, каждому ясно, что вопрос стоит не столько в том, чтобы указать, что В. И. был марксистом, сколько в том, чтобы детально исследовать, где и как материализм и диалектика проявлялись у Ленина, какую роль они для него играли.

Известна та страстность, с которой Ленин и революционные марксисты отстаивали, от-

стаивают и будут отстаивать каждую пядь своей теории, каждую «большевистскую запятую», потому что ошибка, искажение, перевирание в теории неизбежно влекут за собою ошибки в практике. Но исследование материализма и диалектики у Ленина важно еще и по той причине, что такое исследование, при отсутствии передержек и искажений, научает нас, последователей и преемников В. И., сознательно пользоваться полученным наследством.

Важность и значительность такой темы требует, чтобы всякая работа в этом направлении не была ни «наскокистой» (если можно так выразиться), ни небрежной.

К сожалению, рецензируемая нами брошюра тов. Баскина страдает этими обоими недостатками.

На протяжении 38 страниц крошечного формата автор ставит и решает такие вопросы, как связь между Лениным и Марксом: Что такое материализм? (3 (!) страницы). Ленин, как материалистический политик. Что такое диалектика? Как Ленин пользовался диалектическим методом? (6(!) страниц). Легко понять, что уже одна только такая краткость не только должна смазать самую проблему до уровня пошлого выдергивания цитат из двух-трех работ Ленина, но и поставить автора на путь дешевой популярщины худшего толка.

Разберемся, однако, по существу, взяв несколько примеров.

Характеризуя материализм, автор считает достаточным остановиться только на трех пунктах: на материи, как на «некоем (?!) об'ективном, всегда существующем начале», на «материальных законах» общества и на том, что устами автора выражает, якобы, материалист так: «нужно брать вещи такими, какими они являются», не плакать, не смеяться, беспристрастно подходить ко всякому явлению»... (стр. 8—10).

Касаясь второго пункта—«материальных законов»—автор считает достаточным одной лишь цитаты из Маркса (пред. «К критике»), чтобы их охарактеризовать.

Не возражая, конечно, против ссылок на Маркса, мы, однако, думаем, что помещение этой цитаты в таком, мы бы сказали, сыром виде совершенно недостаточно и может создать не мало кривотолков.

Гораздо хуже рассуждения тов. Баскина о том, что такое материалист. «Материалист,—говорит Баскин,—верит опыту» (стр. 9), он не хочет «осуждать или поощрять, а просто» и т. д. (см. выше). Все это «просто» замечательно! Во-первых, мы «верим», а, во-вторых, мы «верим своему опыту». Не пахнет-ли это чем-то, против чего Ленин писал свою книгу «Материализм и эмпириокритицизм»? Затем, это—«не осуждать или поощрять». Не осуждайте нэпманов, не поощряйте госпромышленность--скажет человек, поверивший Баскину на слово. Автор же не сможет против этого протестовать.

Перейдем к из'яснениям т. Баскина по поводу диалектики. Мы узнаем: «рушатся и возникают новые планеты..., вымирают и образуются народы и племена, старые обычаи, идеологии, науки уступают место новым продуктам человеческого творчества» (слона—производительных сил—автор не приметил). Узнаем и то, что «ничто и никто не в состоянии остановить этого необычайного потока (почему—необычайного?). Все это, конечно, хорошо. Но причем тут Ленин, когда не указана диалектика капитализма? Совершенно непонятно. Непонятно и то, почему, «никто не в состоянии остановить этого необычайного потока» (стр. 26). Напротив, мы когда-то и где-то у Маркса и Ленина читали, что хотя «необычайных потоков» мы и не остановим, однако, в потоки обычные — общественные—можем вмешаться и даже не без успеха. И здесь у Баскина та ошибка, которая неизбежно приводит к фатализму.

Как бы то ни было, один закон диалектики автором описан. В числе других им отмечается скачок (причем связь его с количеством—качеством целиком мистична) и, конечно, «теза, антитеза и синтез». О борьбе противоречий — ни слова. А между тем, без последней невозможна ни диалектика, ни диалектический метод. Опять ошибка и ошибка здесь приводит к ошибке в понимании известного положения—«всякая истина конкретна». По Баскину (стр. 28) смысл этого положения только в том, что истина — не абстрактна. Не спорим. Но надо же знать пишущему о диалектике и о Ленине, что конкретность (об этом говорит Гегель) состоит и в совмещении противоположностей, как надо знать и то, что «по марксизму немножко учились, учились, как и

когда можно и **должно** соединять противоположности, **а главное** (курсив наш) в нашей революции за три и три с половиной года мы критически соединяли противоположности» (Ленин, соч., т. XVIII, к. I, стр. 14). Если бы т. Баскин это знал, он обратил бы более серьезное внимание и на диалектику и на применение ее Лениным. Автор этого не сделал и тем допустил еще одну ошибку. Посмотрим теперь, каков же, по Баскину, применялся Лениным материализм и диалектика. Заранее напомним, что это должно, очевидно, составлять центр всей брошюры, и ни одна, самая малейшая ошибка здесь недопустима. Вот что говорит автор о ленинской тактике в эпоху Бреста. Германский империализм наступает. Многие коммунисты настаивают на революционной войне. «Но Ленин рассудил иначе. Он, как истый материалист, отбросил суб'ективные ощущения, отвлекся от личных эмоциональных моментов, взял факты во всем их «неприглядном» виде и сделал неизбежный вывод,—нужна передышка» (стр. 19). По Баскину, следовательно, дело в том, чтобы «не плакать и не смеяться», все дело в суб'ективных моментах. Это, конечно, неверно. Дело заключалось не в суб'ективных моментах, а в разном анализе, в различном учете соотношения классовых сил, в том, как пользовались марксизмом различные товарищи.

Обратимся к диалектике. Последнюю автор видит у Ленина только в том, что вещи надо брать во всей их целости и совокупности (стр. 33), учитывая изменение обстановки. Но вся суть в том, что диалектика и ее применение Лениным не ограничиваются разным отношением в связи с новой ситуацией. Диалектика сквозит, ведь, буквально во всем, во всей практике революционной борьбы. Сквозит она и в определении момента перемены экономической политики, когда количественное накопление восстаний мелко-буржуазной стихии сигнализирует о возможном изменении «качества» государства («Советы без коммунистов»); сквозит она и в соединении таких «противоположностей», как пролетариат и крестьянство в единый крепкий союз, сквозит и во многом. Тут одним-двумя примерами не отделаешься, тут требуется серьезное и вдумчивое исследование. Автор же этого не замечает и тем самым очень мало, почти совершенно не освещает Ленина, как материалиста и диалектика...

Наша рецензия затянулась. Читатель может сказать, что не зачем было стрелять по воробьям. Но это было необходимо потому, что больно уж плохой и даже вредный воробей выпущен тов. Баскиным.

К. Милонов.

Редакция: **В. Астров, Н. Бухарин, Ил. Вардин, Л. Каменев, А. Слепков.**

Цена 40 коп.